

Опубликовано:

Дiasпора: Новые материалы. Вып. 9. Париж; СПб.:

Athenaeum-Феникс, 2007. С. 3-68

Б.С.Колоколов
**ЗАПИСКИ СЫНА ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА
В МУКДЕНЕ**

Публикация Е.Б.Кузнецовой и М.Ю.Сорокиной,
предисловие и комментарии М.Ю.Сорокиной

Автор публикуемых воспоминаний – харбинец. Борис Сергеевич Колоколов родился здесь 14/27 октября 1911, но был сыном последнего российского императорского генерального консула в Мукдене (ныне Шэньян) – Сергея Александровича Колоколова. Расстояние между Харбином и Мукденом, по китайским меркам, небольшое, но Мукден – центр деловой, политической и культурной жизни Маньчжурии, – заметно обделен вниманием исследователей «русского китайского зарубежья». Если «русский Харбин» интенсивно изучается на всем географическом протяжении современной историографии – от Москвы и Парижа до Хабаровска, Владивостока и Торонто¹, а «русский Шанхай» оставил

---

¹ К сожалению, сводной международной библиографии работ по истории русского Харбина пока не существует; отметим лишь последние

заметный след в литературе благодаря трудам В.Д.Жиганова и китайского историка Ван Чжичэна², то судьба «региональных отрядов» российской эмиграции и вообще «русских в Китае», уже более столетия интенсивно обживающих китайскую провинцию, остается на периферии научного интереса, хотя заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем события и люди Харбина или Шанхая.

Малочисленность и труднодоступность источников – одна из причин этой историографической лакуны, и уже с этой точки зрения воспоминания Бориса Сергеевича Колоколова заслуживают самого пристального интереса.

Отец автора — С.А.Колоколов всю жизнь посвятил дипломатической службе в Китае. Он родился 10/22 января 1868 в Петербурге в семье дворянина, известного педагога Александра Колоколова и после окончания факультета восточных языков Петербургского университета (1892), как и многие его однокашники, начал службу по ведомству Министерства иностранных дел. В 1895 его направили драгоманом (переводчиком) Российского консульства в Кульджу – самый западный город китайского Семиречья (Синьцзяна), стратегически важный пункт, контролировавший военные и торговые пути между Россией и Китаем³. В следующем году Колоколова перевели на должность секретаря консульства в Кашгар – еще один узловый пункт китайской территории⁴, где он и оставался до 1901, когда в чине надворного советника был прикомандирован чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области в Порт-Артуре. В 1904 Сергей Александрович вернулся в Кашгар уже в статусе генерального консула, но выше по служебной лестнице более не поднимался, перемещаясь лишь географически: с 1909 генконсул в Фучжоу, с 1910 – в Мукдене⁵. Здесь он и скончался 17 октября 1921 и был похоронен

издания по теме: Harbin. Histoire, mémoire et différence // Revue des Études Slaves. Т. 63. P., 2001; Bakich O. Harbin Russian Imprints. Bibliography as History, 1898-1961. New York, P.: Norman Ross Publishing, 2002; а также: Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н.Серебряных. В 5 тт. М., 2006; Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной. М., 2005.

² См.: Жиганов В.Д. Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай, 1936; Япония после двух лет войны с Китаем. Шанхай, 1940; В защиту родины. Шанхай, 1941; Исповедь белого эмигранта. Шанхай, 1946; Ван Чжичэн История русской эмиграции в Шанхае. Пекин, 1993 (на кит. яз.).

³ Сведения приводятся по: Архив внешней политики Российской Империи при МИД РФ (АВПРИ). Ф.143 (Китайский стол). Оп. 491. Д.1875; Ф.159. Оп. 749/2. Д.222. Л.2.

⁴ См.: Колесников А.А.Русские в Кашгарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. М.: Крафт+, 2006.

⁵ За годы службы в Китае С.А.Колоколов опубликовал ряд сообщений в профессиональной периодике: Экономический обзор Кашгарии // Сборник консульских донесений. 1906. Вып. 3. С. 183-257; Денежное обращение на

на русском кладбище⁶. Его вдова Софья Григорьевна (урожд. Майер; 1875–1951) осталась с детьми в Китае и, как оказалось, также навсегда.

Из короткого послужного списка хорошо видно, что Сергей Колоколов принадлежал к той многочисленной плеяде российских дипломатов, которые вершили «большую политику» непосредственно на местах. Далекие от интриг и хитросплетений придворного мира столиц, российские консулы были теми медиаторами, которые не только своей деятельностью, но и самим образом жизни непосредственно влияли на формирование представлений о России и русских в странах и городах пребывания. Между тем внутренняя жизнь и устройство российского консульского мира мало отражены в мемуарной литературе и почти совершенно неизвестны читающей публике.

Надо заметить, что корпус воспоминаний дипломатов занимает особое место в отечественной мемуаристике, далеко выходя за границы, традиционные для жанра «профессиональной» ретроспекции. Паломники, путешественники, разведчики, чиновники и ученые, на протяжении нескольких веков обстоятельствами государственной службы поставленные на пересечении политических, национальных, конфессиональных, военных и социальных приоритетов различных государств, народов и общностей, а также династических и персональных интересов, – дипломаты разветвленной структурой жанров своей мемуаристики отразили много- и разнообразие функций своего профессионального бытования.

Начиная создавать и публиковать воспоминания о дипломатических миссиях российских государей преимущественно в описательном жанре «travelogue»⁷, сфокусированном на нравах и обычаях дальних стран и их правителей, постепенно они переходили в своих сочинениях к геополитической аналитике и психологическим зарисовкам политических лидеров различных государств, вершивших Большую Историю. «Письма об Индии» князя Алексея Дмитриевича Салтыкова (1806–1859) или консульские донесения и обзоры с Ближнего Востока Константина Михайловича Базили (1809–1884), многочисленные публикации посла в Константинополе графа Николая Павловича Игнатьева (1832–1908) и мемуары чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине Ивана Яковлевича Коростовца (1862–1933), как и многие другие

кашгарском рынке // Там же. Вып. 6. С.510-514; Русская торговля в Кашгарии // Там же. 1908. №1. С. 115-157; Торгово-промышленный обзор Мукденской провинции // Донесения Императорских российских консульских представительств. 1912. №13. С.8-21; О китайской колонизации монгольских земель // Известия МИД. 1916. №5/6. С.133-143.

⁶ Некролог см.: Русское эхо (Шанхай). 1921. 6 ноября (по: Незабываемые могилы. Т.3. М., 2001. С. 390-391).

⁷ Travelogue (*англ.*) — повествование или лекция о путешествии, зачастую сопровождаемые иллюстрациями и географическими картами; от travel – путешествие, описание путешествия.

воспоминания их коллег по цеху, имевших самое блестящее в России образование и прекрасно владевших пером, создали богатую литературную традицию, совмещающую политологическое и культурно-историческое освоение ближнего и дальнего зарубежья. В советские годы эта традиция стала уделом в основном литераторов. Вместо профессиональных дипломатов, чьи произведения широко публиковались в царской России в общественно-литературных журналах и отдельными изданиями, о своем «открытии» Америки, Японии или Европы советским гражданам теперь уже сообщали избранные писатели и журналисты — Владимир Маяковский, Илья Ильф с Евгением Петровым, Борис Пильняк, Константин Симонов и др., чей искусно запрограммированный государственный дискурс создавал доступные «новому» советскому человеку страноведческие образы, весьма далекие от реальности.

В СССР дипломатия вообще надолго ушла из сферы публичного обсуждения, а профессиональные дипломаты — умолкли. Многообразную дореволюционную «дипломатическую» литературу фактически заместили собой три автора, произведения которых издавались, переиздавались, а главное, постоянно цитировались при необходимости ссылки на специалиста по внешней политике: бывший временный поверенный в делах Российской Империи в Испании Юрий Яковлевич Соловьев (1872–1934), один из немногих царских дипломатов, перешедших на сторону большевиков, чьи «Воспоминания дипломата. 1893–1922» впервые появились в 1928; к началу Второй мировой войны вовремя подоспели изданные в 1939–1940 в сокращенном виде воспоминания бывшего военного атташе во Франции, а теперь «красного» графа Алексея Алексеевича Игнатъева (1877–1954) «50 лет в строю», и, наконец, на исходе «оттепели», в 1964, появились признанные заслуживающими доверия советского общества канонические мемуары «советского» дипломата — воспоминания посла в Великобритании, академика Ивана Михайловича Майского (1884–1975), выдержавшие несколько изданий под разными названиями⁸. Семидесятилетняя «задержка дыхания» нашла бурный выход в перестроечное время, когда в России, подражая американскому истеблишменту, стало модно публиковать мемуары, и едва ли не все бывшие советские послы, включая министров иностранных дел, издали книги воспоминаний о своей деятельности на дипломатическом поприще (А.А.Громько, Ю.В.Дубинин, О.А.Трояновский, В.И.Ерофеев, А.Ф.Добрынин, С.Л.Тихвинский и др.).

Между тем, благодаря социальным катаклизмам 1917 года, «российская дипломатическая библиотека» еще в первой половине XX века значительно пополнилась текстами, раскрывающими различные стороны жизни

---

⁸ Ныне активно публикуются материалы его ранее недоступного личного фонда: *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. Кн. 1-2. М., 2005; *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 1. М., 2006.

дипкорпуса и многие ранее скрытые цели, мотивы и механизмы отечественной дипломатии имперского периода. Большая часть российских дипломатических воспоминаний XX века была написана в эмиграции (мемуары министров иностранных дел А.П.Извольского, С.Д.Сазонова, П.Н.Миллюкова, послов А.В.Неклюдова, П.С.Боткина, К.Д.Набокова, Н.К.Гирса и др.). Некоторые из них так и остались в семейных архивах, другая часть попала в архивы русской эмиграции за рубежом, иные после Второй мировой войны оказались в советских архивах (в составе коллекций Русского заграничного исторического архива) и стали доступны лишь в последние десятилетия⁹.

Конечно, отпечаток «беженства», политического изгнания, горечи крушения карьеры и идеалов лежит на многих эмигрантских воспоминаниях. В этом ряду выделяются мемуары последнего царского посланника в Японии Дмитрия Ивановича Абрикосова (1875–1951), посвятившего страницы своей книги не столько оправданию несбывшегося, сколько детальному описанию внутренней жизни российских миссий в Лондоне, Пекине и Токио¹⁰. Однако если Абрикосов фиксирует посольский быт в столицах, то публикуемые воспоминания Бориса Колоколова дают уникальные сведения о совершенно иной части дипломатического мира – о сложной и непредсказуемой жизни консульской семьи в китайской провинции на переломном этапе и китайской, и российской истории. В этом непривычном амбивалентном мире жена консула вынуждена обзаводиться «автономными» источниками питания для семьи (куры, корова), сына генерального консула Российской Империи могут не принять в коммерческое училище из-за отсутствия мест (!), но дочь выходит замуж за американского дипломата, а другой сын становится главным военным китаистом в СССР.

Едва ли не впервые мы имеем возможность наблюдать жизнь русской эмигрантской семьи в Китае глазами ребенка. В тексте, написанном много десятилетий спустя, Борису Колоколову удалось сохранить то незамысловатое, часто простодушное, но всегда искреннее и непосредственное, восприятие самых разнообразных – семейных и

---

⁹ Таково, например, происхождение ставших исторической сенсацией записок чиновника МИД России Г.Н.Михайловского «Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920» (М., 1993) и многих документов сборника «Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940» (В 2 кн. М., 1998).

¹⁰ *Abrikosow D. Revelations of a Russian Diplomat.* University of Washington Press, Seattle, 1964; фрагменты опубликованы нами: Дмитрий Абрикосов. Лондон: Уроки «личной дипломатии» при дворе Эдуарда VII // Международная жизнь. 2007. №3. С.65-91; Дмитрий Абрикосов. Токио: Посольство без государства // Там же. №4. С. 100-132; перевод Н.Ю.Абрикосовой). Полностью воспоминания готовятся к публикации в издательстве «Русский путь».

общественных – событий, которое было свойственно ему в детстве. Как известно, первая попытка собирания и публикации детского эмигрантского опыта была предпринята самими эмигрантами, выпустившими еще в 1925 в Праге сборник «Дети эмиграции»¹¹, в котором деятели зарубежного Педагогического бюро по делам молодежи во главе с В.В.Зеньковским проанализировали сочинения детей эмигрантов на тему «Что я помню о России». Борис Колоколов, «неассимилированный русский», как именовали тогда эмигрантов без гражданства, в те времена еще России не видел и вспоминать о ней не мог. Но тем сильнее был его патриотизм и стремление вернуться «на родину», которые в итоге так не просто отразились на судьбе «китайских» Колоколовых.

До 1941 Борис Колоколов работал в отделении американской фирмы «Стандарт ойл» в Дальнем (Дайрене, Даляне). После нападения японцев на Перл-Харбор (7 декабря 1941), когда американцы ушли из Маньчжурии, он, чтобы не работать на японцев, пошел ночным сторожем на китайский завод и так проработал до конца войны. После прихода советских войск в 1945 стал работать у них военным переводчиком, в 1946 получил советское гражданство и продолжал работать в советских учреждениях переводчиком («Дальвнештранс», «Экспортхлеб»), а затем – в отделении китайского министерства внешней торговли в Дальнем. Как и многие его соотечественники, сразу после окончания Второй мировой войны Борис Колоколов рвался на родину, но в конце 1940-х мудрые китайцы и советские специалисты отговорили его. Зато в августе 1954, когда Хрущев объявил репатриацию на целинные земли, Колоколовы всей семьей выехали в СССР. Его дочь Екатерина¹², которой было тогда шестнадцать лет, вспоминала:

Из Китая мы уезжали с большим почетом, нашу семью пришли провожать сослуживцы отца, китайцы, которые очень уважали и ценили его. Отец не просто в совершенстве владел китайским, но и говорил чисто, как китаец, и писать умел, и читать. И так же великолепно владел английским. Он был широко образованным человеком. В Мукдене мы посетили русское кладбище, где были похоронены наш дед и позже – бабушка. Кладбище находилось под

---

¹¹ Сборник переиздан: Дети эмиграции. Воспоминания. Сб. статей. М., 2001; см. также: Дети русской эмиграции: Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники / Сост. Л.И.Петрушева. М., 1997.

¹² Екатерина Борисовна Кузнецова (урожд. Колоколова) живет в Караганде. Всю жизнь работала в газете. С 1986 занимается сбором материалов о политических репрессиях в СССР и изучением истории Карлага, опубликовала три книги о нем. Автор и редактор собственного сайта о Карлаге (www.karlag.kz). Ныне на пенсии. Ее сын закончил Новосибирский государственный университет, работал в Сибирском отделении АН СССР, в 1994 уехал с семьей в США, в Силиконовую долину, где работает системным программистом.

охраной советского правительства, как гласила медная табличка на воротах. Могила деда была ухожена – как рассказал нам священник, что смотрел за кладбищем, за могилой ухаживали сотрудники советского консульства в Мукдене и китайцы, которые чтили память о нашем деде.¹³

Приехав в СССР, Колоколовы попали в объятия системы, которая еще всю дышала сталинскими порядками. Екатерина Кузнецова вспоминает:

Из мягких вагонов на станции Маньчжурия на границе нас пересадили в вагоны для скота с нарами и так везли, правда, без конвоя, через всю страну в Акмолинск. У нас были советские паспорта, деньги, но это ничего не меняло. В Акмолинске мы прожили неделю и оттуда нас на грузовиках развезли по совхозам, которые были отделениями только что расформировывающегося Карлага НКВД. Но мы тогда об этом ничего не знали. Ни о репрессиях, ни о ГУЛАГе. Обращались с нами сносно, но вокруг была чудовищная нищета и дикость. Местный народ не понимал, как можно было добровольно приехать сюда, да еще и из заграницы...

Отец беспрекословно и безропотно подчинился всем правилам репатриации, до этого никогда не живя в России и не имея о ней реального представления. Нас привезли в совхоз, в 300 км от Караганды. Работы для родителей там не было. Отца и мать погнали стричь овец. Наши родители – интеллигентные люди, владеющие прекрасно иностранными языками, никогда не работавшие физически, подчинились и этому. Нас отправили в райцентр в интернат, так как школы в совхозе не было.

На наше счастье, в классе, где мы учились, учился сын секретаря райкома партии. Он рассказал родителям о странных одноклассниках, которые выделялись среди сверстников знанием литературы, искусства, живописи, музыки и прочими странными для жителей маленького райцентра в степи качествами. Родители одноклассника заинтересовались нами, и с их помощью нашим родителям удалось перебраться из совхоза в райцентр. Где мы и прожили год. В 1955 году опять же с помощью семьи секретаря райкома партии родителям удалось перебраться в Караганду. Они устроились на работу в Карагандинский научно-исследовательский угольный институт КНИУИ. Отец – переводчиком, мать – в библиотеку.

Мы пошли в школу и закончили ее в 1956 году. Поступили в вузы: я – в Казахский госуниверситет в Алма-Ате на отделение журналистики, брат¹⁴ – в местный горный (позже —

---

¹³ Из письма Е.Б.Кузнецовой М.Ю.Сорокиной (архив автора).

¹⁴ Сергей Борисович Колоколов (р. 1939, Дальний).

политехнический) институт. Со временем родители получили двухкомнатную квартиру, жизнь постепенно наладилась.¹⁵

В Караганде Колоколовы прожили почти тридцать лет, до 1994, когда Сергей Колоколов-младший – теперь уже доктор технических наук, профессор Оренбургского государственного университета – увез родителей в Россию, в Оренбург, где они в 2001 скончались¹⁶.

Свои воспоминания Б.С.Колоколов писал по инициативе дочери, приблизительно с 1996 по 2000. Текст рукописный, в трех толстых общих тетрадях. Их оригинал хранится у Е.Б.Кузнецовой¹⁷, которая расшифровала и отредактировала рукопись, не меняя структуры и содержания текста, а также сохраняя характерные для автора мемуаров обороты, некоторую старомодность его изложения и т. п. При подготовке настоящей публикации мы также следовали этому подходу, минимально редактируя текст и сохраняя своеобразие стиля и языка изложения. Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить за помощь в работе Илью Олеговича Фонякова и Константина Марковича Тертицкого.

* * *

В мои старые годы стали чаще будоражить меня воспоминания о прошлом – о жизни нашей семьи в Китае и о том, как дальше сложилась судьба дорогих и близких мне людей. Многое прошло перед моими глазами и того, чему я был свидетелем, и того, о чем знал понаслышке от моих друзей или современников. Вот и хочется обо всем этом оставить след на бумаге.

С какого возраста в детстве может помнить себя человек? С трех, пяти лет? А может быть и раньше... Не найду у себя ответа на этот вопрос. И тогда начинаю настойчиво вспоминать, стараясь вызвать образы прошлого. Вспоминается среди полного отсутствия каких-либо других воспоминаний и отчетливо возникает полумрак спального вагона Южно-маньчжурской железной дороги с завешанными пологом полками по бокам и узким проходом посередине. В этом проходе стоит женщина с ребенком на руках и к ней спешит кондуктор в снежно-белом кителе со стаканом молока в

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Борис Сергеевич Колоколов скончался 3 марта 2001.

¹⁷ Е.Б.Кузнецова сделала также компьютерный набор мемуаров и его распечатку для каждого члена семьи Колоколовых. Один экземпляр распечатки передан ею в архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (Москва).

руке. Эта женщина – моя мама, а ребенок, следовательно, я сам. Точно ли это мое воспоминание или восстановленная моим воображением сцена после образного рассказа мамы об эпизодах путешествия нашей семьи во время отцовского отпуска в Россию в 1913 году, когда мне было от роду еще неполных два года? Напряженно начинаю вспоминать, и тогда вырисовываются картинки большой комнаты и меня самого, сидящего на горшке посередине этой комнаты, и входящего благообразного старика, оглядывающегося по сторонам и как будто меня не замечающего. Раздается его громкий вопрос: «Где тут хороший мальчик?», и тогда я начинаю отчаянно, помогая себе ногами, приближаться к нему и с захватывающим волнением хлопать себя по груди ладошками, чуть не крича: «Я, я!».

Благообразный старик – это, конечно же, должен быть мой дед, отец моей мамы, Григорий Николаевич Майер¹. Письма его, уже много лет спустя, я находил у мамы на ее письменном столе, всегда подписанные придуманной им монограммой.

Итак, я родился в Китае, в семье российского генерального консула в Мукдене, в центре обширного края, известного в Китае как «три северо-восточные провинции», или кратко Дунбэй. Для нас же тогда, как и впоследствии, земля эта была известна по своему географическому названию – Маньчжурия. На полях и просторах южной части этого края разыгрывались драматические события несчастной для России Русско-японской войны 1904–1905 годов. Слившись душевно с народом этой гостеприимной земли, иногда задаюсь вопросом, чем компенсировали ему невероятный экономический ущерб схватившиеся друг с другом соперники, превратившие Маньчжурию в арену боевых действий. И после конца войны, зализывая раны, они остались еще здесь, поделив страну на сферы своего влияния, северную и южную, с опорой на железную дорогу, теперь уже разделенную надвое: северную – Китайско-восточную (КВЖД) и южную – Южно-маньчжурскую (ЮМЖД). За Россией осталась КВЖД с веткой от Харбина на юг до Куанченцзы, где она стыковалась с отошедшей к Японии Южно-маньчжурской. Объективно эксплуатация этих железных дорог способствовала развитию края, зарождению торговли и промышленности и тем самым залечивала раны, нанесенные разыгравшейся на его территории войной. Вдоль линии дороги, в так называемой полосе отчуждения, возникали новые поселки и города, появился приток населения как из других частей Китая, так и из числа

обслуживавших дорогу рабочих и служащих из России и Японии. Потянулся в Маньчжурию и торговый люд.

Узловым пунктом на севере оказался Харбин, город, построенный русскими на месте двух или трех скромных китайских деревушек, приткнувшихся к берегам реки Сунгари. На юге таким узловым пунктом стал город Далянь, тоже возникший на месте китайского поселения и за короткое время пребывания там русских получивший русское название Дальний по созвучию с китайским Далянь, а с приходом японцев ставший более известным как Дайрен – так читались по-японски эти два китайских иероглифа. Далянь стал развиваться как важный морской порт и приобрел большое значение по экспорту соевых бобов, находивших большой рынок сбыта в торговле с внешним миром.

Для защиты своих национальных интересов в административном центре Маньчжурии – городе Мукдене² иностранные державы стали открывать консульства по мере того, как возникали фирмы и торговые предприятия. В Китае существовала тогда еще привилегия экстерриториальности для иностранцев, и консульства выполняли все функции по разбору спорных дел, возникавших у них с местным населением по ходу ведения торговли.

В Мукдене было и Российское генеральное консульство, и генеральным консулом в нем был мой отец, Сергей Александрович Колоколов, 1867 года рождения, а вице-консулом у него – Иван Александрович Бобровников³. Отец окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1892 году, прекрасно владел китайским языком наряду со знанием западноевропейских языков – французского, немецкого, английского. Бобровников был выпускником того же факультета, окончившим курс в 1901 году.

После окончания университета первое назначение отца⁴ по Министерству иностранных дел было в 1896 в Кашгар, в Восточный Туркестан – китайскую провинцию Синьцзян. О трудном пути туда мама иногда вспоминала. Молодой семье приходилось преодолевать тяжелые горные перевалы из города Ош на лошадях. После того отец на какое-то время был откомандирован (после возвращения в Санкт-Петербург в 1900) в Маньчжурию в связи со строившейся там КВЖД, а мама с детьми осталась в России, живя на даче у семьи Н.А.Колоколова⁵, брата отца, в Санкт-Петербурге. Как память об этом периоде жизни нашей семьи у меня сохранилась книга на французском языке о перспективах роста экономического

благополучия Китая, купленная отцом в Порт-Артуре в 1901 г., с его автографом.

Хотя отец знал в достаточной мере английский язык, он все же держал под рукой очень большой словарь английского языка Funk & Wagnalls⁶, находившийся для удобства пользования на особой наклонной полочке, изготовленной им самим на другом конце стола. Пользовался он иногда при этом большой круглой лупой, которая сохранилась в нашей семье, пожалуй, как единственный предмет, которым он пользовался при работе.

После возвращения отца из этой командировки последовало назначение в Мукден в 1902. Дальше было назначение консулом в 1909 в Фучжоу (приморская провинция Китая), а оттуда опять в Мукден уже на должность генерального консула.

По «Табели о рангах» он был действительным статским советником, и обращение к нему было «Ваше превосходительство». Его английский коллега в Мукдене Батлер О'Брайен предрекал ему следующее назначение уже посланником в Пекин, настолько высоко было мнение о нем иностранных коллег.

Родился я в Харбине 14/27 октября 1911 года. Мама, видимо, приехала в этот русский город в Северной Маньчжурии заблаговременно, чтобы воспользоваться имевшейся там основательной базой русской медицинской службы⁷. Крестили меня там же, в Благовещенской церкви⁸ Пекинской <православной духовной> миссии, а восприемницей моей (крестной матерью) была жена генерала Хорвата Камилла Альбертовна, урожденная Бенуа⁹. Муж ее служил в высоких чинах русской военной администрации полосы отчуждения. Кто был крестным отцом – не помню, хотя и имел на руках метрическую запись, впоследствии бездумно отданную мной в советское консульство при оформлении гражданства в 1945 году. Мне и в голову не пришло тогда, что я мог потребовать метрику назад.

После возвращения мамы со мной в Мукден начались годы детства в этом городе, постепенно сплетавшиеся в последовательную связь зарисовок с натуры на сохранившихся фотографиях работы моего отца, большого любителя фотографии, всегда самостоятельно проявлявшего и печатавшего снимки. Для этого в нашем жилом доме была у него отдельная, «черная» комната в конце коридора, в ранние мои годы пугавшая меня своей таинственностью, всегда закрытой дверью, куда нельзя было

входить, когда уединялся в ней отец и зажигалась запретительная красная лампочка над дверью.

В этом большом двухэтажном доме, построенном китайцами и сдававшимся в аренду под жилье российскому представительству, не было современных удобств, и даже когда к нему была сделана под руководством отца пристройка, то и тогда, в более поздние годы, не было в нем ни водопровода, ни канализации. Снабжение водой обеспечивалось водяным насосом в кухне, как и во многих других домах, сдававшихся в наем иностранцам.

Одним из моих ранних воспоминаний было, как меня купали в переносной ванночке, которую ставили на две табуретки и смешивали воду из принесенных двух ведер, а мама опускала оголенный локоть в воду, чтобы определить, достаточно ли вода теплая. При этом присутствовала моя русская няня, и я шалил, хлопая по воде ладошками, меня останавливали, хватали за руки. Няней, как мне теперь представляется, была жена одного из казаков конвоя, приданного консульству для охраны, а может быть, и из соображений престижа. Основанием для существования конвоя было то, что в Маньчжурии еще долго после окончания Русско-японской войны сохранялись шайки разбойников – «хунхуз»¹⁰, как их называли тогда, иногда нападавшие на населенные пункты и даже, первое время, на поезда. Поэтому долго сохранялась практика сопровождать поезда небольшим отрядом охранников, для чего в хвосте железнодорожного состава прицеплялся специальный вагон, называвшийся обычно тендером. Из состава этих «хунхузных» шак со временем выделился один из главарей, ставший жестким вершителем судеб этой окраины Китая, Чжан Цзолин¹¹, сделавший впоследствии головокружительный рывок к власти уже в Пекине.

Конвой при консульстве был отозван по просьбе отца, когда после Февральской революции в среде казаков стали возникать настроения, не совместимые, по мнению отца, с сохранением престижа России за ее пределами, в чужой стране. Он обуславливал свою просьбу тем, что военные в ту пору были более нужны на Родине, а в Мукдене укрепилась уже надежная власть китайской администрации.

...Помню себя крепко закутанным в тяжелую шубу, в зимние месяцы гуляющего за руку с няней. Иногда я вырывался из ее рук, бежал по заваленным снегом дорожкам нашего сада, и за мою непоседливость няня звала меня «коршуном тряпичным», о чем так любила потом вспоминать мама. Любимым моим занятием было, прильнув к флагштоку мачты, следить за развевавшимся на ветру

российским флагом. Так просыпалось, видимо, во мне первое осознание своей принадлежности к государству, как к чему-то гордому и высокому. Был этот флаг с развернутым к древку якорем на белой половине полотнища, как я понял потом, символом мореплавания и торговли. В этих областях и важна была, в первую очередь, консульская служба. Для меня было событием, когда однажды флаг запутался и, чтобы его освободить, пришли рабочие-китайцы, повалили мачту и наладили работу катушки, по которой бежала бечевка для поднятия флага. Расправили его, и он снова начал гордо реять на ветерке.

Развитию во мне патриотических чувств способствовали и проводившиеся учения нашего конвоя на пустыре рядом со служебным домом консульства, на которые я ходил смотреть с няней. У меня захватывало дыхание, когда казаки бросались в атаку на воображаемого противника, или ползали по-пластунски и, поднимаясь, рубили шашками воображаемого врага в виде расставленных снопов гаоляна. Когда казаки уехали, и не стало у меня няни, я остро ощущал отсутствие сверстников-мальчишек, с которыми мог бы встречаться и играть.

К этому периоду сохранились у меня воспоминания о старшем брате Всеволоде¹². Как он тогда выглядел, я не помню, но помню, как он вырезал для меня нарисованные на кусочках ватмана железнодорожные поезда и загибал их по линии воображаемых рельсов, а я с увлечением, высунув язык, водил эти поезда по столу, голосом при этом подражая свисткам и шипенью паровоза.

Из Мукдена вела в Пекин государственная китайская железная дорога, и служба движения находилась под контролем приглашенного английского сотрудника Элдара. Жил он с семьей на первой станции после центрального вокзала Мукдена Хуангутунь (в переводе –Село дочери императора).

Наши семьи были в большой дружбе. Помню, что Элдар присылал за нами маленький двухосный вагончик «тендер», и мы ехали к ним в гости. Если верить рассказам мамы, в более позднее время, до своего отъезда на учебу в Санкт-Петербург, Всеволод забирался на маневровый паровоз, привозивший этот «тендер», и машинист-китаец даже доверял ему переставлять под его наблюдением рычаги управления.

Это все о моих ранних детских воспоминаниях. Теперь пора перейти к более существенному рассказу о нашей семье. Было у меня два брата и одна сестра. Сестра Катя¹³ была самой старшей из

детей, родилась она в 1892 году и ей, и родившемуся в 1898 году брату Всеволоду довелось перенести вместе с родителями все тяготы нелегкой дороги через Тянь-Шань к месту первой службы отца в Кашгар.

Мои воспоминания о Кате не относятся к ранним детским годам. Помню только, как меня водили к ней уже после рождения у нее сына, Вилларда–Сержа, в 1918 году, когда мне было уже семь лет. Она рано вышла замуж, познакомившись в тесном кругу немногочисленной иностранной молодежи Мукдена с американским вице-консулом Гровером Матью Фолкнером, немногим старше нее. Папа был против замужества, и мама делала все возможное, чтобы погасить разгоревшийся конфликт.

С Гровером я встречался и до этого. Он заманивал меня к себе в небольшой домик, в котором жил и который был напротив того самого пустыря, где происходили военные игры нашего казачьего конвоя. Был он невысокого роста, с темными веселыми глазами, сидел в кресле с откидной спинкой возле камина, набивал трубку табаком из маленького мешочка, затягивавшегося сверху шнурком. Порожние мешочки лежали у него без дела, и он отдавал их мне, а я хранил в них свои безделушки, мелкие монетки и гайки. Было у него на маленьком столике много американских газет с последней, детской, страницей, сплошь заполненной рассказами в картинках о похождениях «Веснушкина» (так звали героя в переводе с английского <Freckles>) и его друзей, и их бесчисленных проказах. Эти комиксы переходили из номера в номер, и для меня это было захватывающим чтением, когда годы спустя я научился кое-что понимать из сопровождавших картинки надписей на английском.

Как выглядел в ту пору старший из нас, братьев, Всеволод, я не могу вспомнить. Родился он в 1898 году, и, стало быть, был намного старше меня. Родители рано отправили его на учебу в Россию, где определили в Александровский лицей в Петербурге. В Мукден он приезжал на каникулы, и среди сохранившихся после папы бумаг была папка с корреспонденцией о его учебе и перепиской с коллегами папы по консульской службе в различных пунктах КВЖД с просьбой помочь Всеволоду по пути его следования от границы до Мукдена. В последний раз он уезжал из Мукдена в 1916 году. Мне запомнился только его блестящий лицейский мундир и золоченый воротник, надевавшийся им в торжественных случаях, да картинки поезда, которые он рисовал на бумаге. Однако лицо Всеволода, как ни стараюсь, так и не закрепилось в моей детской памяти. В

Петербурге учеба брата в лицее должна была проходить под присмотром нашего дяди Николая Александровича, чей дом стал его вторым родным домом. Были там и наши двоюродные сестры¹⁴ Оля и Наташа, и самая старшая – Муся, примерно одних лет со Всеволодом.

Вскоре после отъезда Всеволода из Мукдена отца стали тревожить предчувствия надвигающихся политических событий в России. Были отправлены на родину казаки из консульского конвоя, в газетных сообщениях стали появляться беспокойные нотки. Произошла Февральская революция, отец ее принял, но, видимо, считал, что на это дело не кончится, и послал Всеволоду приказ как можно скорее возвращаться домой, тем более, что Всеволод к тому времени уже заканчивал свой курс обучения в лицее. Однако революционные настроения настолько овладели им, что он проигнорировал требования отца. Больше того, он стал проявлять знаки внимания молодой девушке, Марии Кирилловне Бумагиной, жившей в семье дяди воспитательнице двух младших его дочерей Ольги и Наташи. Впоследствии, видимо, уже после Октября, когда он почувствовал себя совершенно свободным в своих действиях, Всеволод женился на ней вопреки всем стараниям дяди и его жены Ольги Константиновны помешать этому. Дальнейшие события начавшейся гражданской войны прервали всякую связь со Всеволодом, и мы в Мукдене получали о нем лишь отрывистые сведения в письмах, изредка доходивших до нас от бабушки Марии Павловны Майер из Севастополя.

Разрыв всякой связи с Россией тяжело сказался на судьбах нашей семьи. У родителей был загородный дом недалеко от Петербурга, в дачном месте Дибуны¹⁵, построенный папой в расчете поселиться там после выхода на пенсию. Он был деревянный, двухэтажный, и у нас долго сохранялась фотография его, стоящего среди высоких стройных деревьев. В нем было много комнат; по рассказам мамы, по комнате всем членам нашей семьи. Все попечение о доме было поручено дяде Коле, ему же перечислялись деньги на его содержание. Это тем более было не трудно делать, так как и дядя имел свое поместье в Дибунах, и у нас даже сохранилась в семейном альбоме фотография его дома с башенкой, так же, как и у нашего, после революции уже реквизированного новой властью. О нашем доме доходили потом сведения, что в нем помещалась школа, затем он сгорел, не оставив и следа. Так, по крайней мере, сказал мне

Всеволод, когда много лет спустя мы, все три брата, вновь встретились в Ленинграде уже в 1957 году.

Я стал просить его съездить вместе посмотреть хотя бы то место, где, по планам отца, нам предстояло обосноваться прочно на родине после долгих лет службы его в Китае. Все планы тогда перечеркнул Октябрь. Происходящее в России отец, видимо, тяжело переживал, и, возможно, на этой почве возникла у него тяжелая болезнь, которая и унесла его в могилу еще сравнительно нестарым человеком в октябре 1921 года.

Отец очень ревностно относился к воспитанию Всеволода, мечтая дать ему основательное знание китайского языка и с юных лет приставив к нему в Мукдене учителя-китайца. Заложенные с детства знания китайского послужили впоследствии основанием для успешной дальнейшей работы Всеволода как китаеведа, принесшей ему всеобщее признание и достойное место в науке.

Ближе мне по возрасту был мой брат Глеб, родившийся в 1904 году¹⁶. Много лет спустя, Всеволод, делаясь со мной воспоминаниями, любил говорить, что Глеб родился под грохот японских пушек. Он уверял меня, что в Мукдене тогда рассыпались по крышам домов осколки японских шрапнелей, хотя вооруженные действия не могли еще, на начальном этапе войны, простираться так далеко от Порт-Артура. Экспансивный, всегда готовый на разные проказы, Глеб часто втягивал и меня в свои шалости. Любил поиздеваться над полицейскими; подбрасывал к участкам пустые коробки от конфет, в которые собирал сучками и палочками нечистоты от бегавших по улицам города бездомных собак, перевязывал коробки ленточками. По его глубоким убеждениям, эти коробочки подбирали полицейские, и он представлял себе, в какое негодование приходили они, раскрывая эти коробки в своих участках, оброненные, по их мнению, прохожими. Иногда Глеб посылал гостям, бывавшим на приемах у мамы, состриженные с собаки клочки шерсти в изящной упаковке. Отправлял он эти «посылочки» с посылным какой-нибудь из дам, у которой были проблемы с бровями. Запомнился он мне и как умелый и ловкий на всякие поделки из дерева и жести. После появившихся в Мукдене первых автомобилей Глеб смастерил маленькую изящную модель, у которой зажигались фары, но не помню, работал ли мотор, над которым он старательно мудрил. Во время упоминавшейся мною поездки семьи в отпуск в 1913 году Глеб, как любила вспоминать мама, бегал по коридору гостиницы, где останавливались

транзитные пассажиры, ожидая пересадки со своего поезда на другой и, видя торчавший из замочной скважины ключ, немедленно подбегал и поворачивал его, запирая незадачливых жильцов, потом громко колотивших в дверь, требуя выпустить их из номера. Глеб тогда кричал от удовольствия, что шалость удалась.

Теперь время написать о нашей маме, которой мы, ее дети, доставляли много хлопот, огорчений и забот. Родилась мама, София Григорьевна, в семье горного инженера Григория Николаевича Майера, много лет проработавшего на Алтае в районе Змеиногорска, а затем на горных разработках в Нижнем Тагиле на Урале. Был он сыном того самого Николая Васильевича Майера, выходца из Германии, которого Лермонтов вывел под именем доктора Вернера в своем «Герое нашего времени»¹⁷. Прожил он долгую жизнь и умер в 1921 году в возрасте 79 лет, тщетно надеясь дожить до времени, когда закончится начавшаяся в России «заваруха». Жена его, наша бабушка, Мария Павловна, до замужества Добровольская, пережила его на много лет, и мы с ней переписывались, когда более-менее восстановилась возможность переписки, до самой ее смерти в 1938 году в Севастополе. Жила она там в семье своего сына, Николая Григорьевича, ветерана Первой мировой войны, последние годы своей жизни проработавшего сторожем одного из бездействующих фортов крепости.

Как сейчас помню адрес, по которому отправлялись наши письма бабушке из Китая: Севастополь, ул. Луначарского 27, кв. 3. Много лет спустя, отдыхая в санатории в Ялте, во время экскурсионной поездки в Севастополь я попросил гида нашей группы дать мне возможность побывать по этому адресу, но она сказала, что сделать это невозможно из-за того, что во время Отечественной войны и обороны города все дома по этой улице были разрушены прямым попаданием снарядов и бомб.

Возвращаясь к рассказу о моей маме. Это была очень энергичная и смелая женщина, добрая по складу характера, образованная и умная. Как сейчас представляю ее себе – с карими добрыми глазами, острым носом и перламутровыми шишечками над правой бровью...

Мама получила очень хорошее образование, окончив Анненшуле в Петербурге¹⁸, владела немецким языком, неплохо говорила и на французском, а впоследствии осилила и английский. В молодые годы выйдя замуж за отца, она, как я уже упоминал выше, мужественно и стойко перенесла все невзгоды путешествия через Тянь-Шань в город Кашгар и там, вдали от удобств и благоустройства своего

родного города, создавала семейный очаг в условиях тогдашнего примитивного быта этого среднеазиатского города, где ее мужу предстояло делать первые шаги дипломатической карьеры.

Какой круг общения ожидал ее в Кашгаре? Это, была, возможно, немногочисленная русская колония, в основе состоявшая из коммерсантов, торговавших по завозу находивших здесь спрос русских товаров¹⁹. Помню, мама вспоминала, что очень ходовым товаром был русский ситец, возможно, и различные другие товары, производившиеся развивающейся русской промышленностью того времени. По своему общественному положению маме скорее приходилось общаться не с ними, коммерсантами, а с иностранными представителями и их семьями в том же ранге – было в Кашгаре и английское консульство, происходили приемы. И, кроме всего, с местными китайскими властями. Тут мама оказывалась на высоте и умело справлялась с выпавшими на ее долю обязанностями.

Наряду с этим из-за примитивности быта маме приходилось заниматься и хозяйственными вопросами, хотя, конечно, была, видимо, и прислуга, но поскольку она состояла из людей коренного населения, то была совершенно не знакома с требованиями жизни на иностранный лад. Называла она их сартами²⁰. Росли дети, и пришлось завести корову, появились куры, и маме нужно было управлять этим сложным хозяйством, в котором, конечно, ей помогали сарты. Спустя годы, после переезда в Манчжурию маме познакомилась с еще одним народом — китайцами, с которыми установились самые теплые отношения взаимопонимания на долгие годы.

Воспитание детей составляло для нее самую главную заботу. Сколько пришлось пережить ей тревог и беспокойства еще в Кашгаре, когда, отправляясь на какую-то речку, Всева¹⁸ упал с мостков в воду и стал захлебываться. Катя, бывшая с ним, ни минуты не раздумывая, бросилась в воду и вытащила за волосы братца из воды. Надолго после этого случая осталась у мамы боязнь воды как источника возможной опасности для ее детей. Поэтому, наверное, мы росли под запретом появления у водоемов и не научились плавать.

В Фучжоу круг общения мамы расширился за счет иностранных миссионеров, проповедников христианства среди китайцев. Они создавали свои школы для китайских детей, и на первых порах, из-за

---

¹⁸ Здесь и далее имеется в виду Всеволод Колоколов (см. прим. 12).

отсутствия русских школ поблизости, Катя получила первые уроки у англичан-миссионеров, заложивших у нее и первые знания английского языка. Возможно, и Всева получал навыки лепетать на этом языке, хотя по возрасту уже стремился к общению с китайскими ребятами, привыкая к звучанию китайских слов, с годами приведшему к освоению всех тональностей этого непростого языка.

Затем на смену Фучжоу пришел Мукден, и там произошел расцвет общественной и семейной сфер деятельности нашей мамы. Как жена консула России, она проводила самостоятельные приемы, оказывалась радушной хозяйкой и для представителей других кругов иностранной колонии, во много раз более обширной, чем в тех местах, где ей приходилось действовать раньше. Ко всем было у нее доброе слово приветя, участливое слово в случае трудностей или забот. Консульство в то время было прибежищем для всех русских, оказавшихся случайно или по роду деятельности вдали от родины. Трехцветный русский флаг был маяком, указывавшим путь к защите и покровительству.

С иностранцами отношения тоже были очень хорошие. Часто организовывались совместные выезды в окрестности города на пикники. Вблизи, среди буйно разросшегося леса, были императорские могилы – Бэйлин к северу и Дунлин к востоку²¹. На первых порах выезжали с казаками охраны, впоследствии, по мере укрепления безопасности охраны города, выезжали уже безо всякой охраны, захватив лишь прислугу, быстро расстлавшую скатерть на выбранном месте пикника и ставившую самовар или чайник на тут же разведенный костер. Когда пировали с конвоем, казаки приучили Всеволода к верховой езде, тоже пригодившейся ему в будущем.

Время шло, дети росли, и вставал вопрос, где их учить. Катя росла очень любознательной девочкой, после общения с миссионерами быстро пристрастилась к чтению по немудреной программе. Миссионеры знакомили ее и с другими предметами. И родители, видимо, тянули время, не решаясь ее отправить учиться в Харбин, ближайшее место, где имелась русская школа. Всеволода же решили отправить учиться в Петербург, в Александровский лицей, где преподавателем был наш дядя Николай Александрович. Для Глеба пригласили из Харбина студента, Анатолия Михайловского, и он начал готовить его к поступлению в гимназию.

Поступил ли он тогда в гимназию или много позже, я теперь не помню, только два или три года спустя, помнится, у нас появился

уже другой репетитор, который взялся также готовить и меня – Николай Иванович Изотов.

К тому времени я уже научился самостоятельно читать. Любимой книгой у меня были произведения Гоголя в одном толстом томе. Прочитана была добрая половина этого тома, он был хорошо иллюстрирован, и на меня большой страх наводила фигура скелета с косою на фоне темной украинской ночи и берега Днепра, сопровождавшая повесть «Вий».

Возможно, из-за моего пристрастия к чтению мне была поставлена небольшая парта в кабинете отца, где я втихомолку предавался любимому занятию в то время, как за большим письменным столом занимался отец, постоянно что-то записывая, а иногда беря книги с выдвижной полки рядом. Иногда он что-то печатал на портативной машинке «Соропа», таких машинок было у него две – одна с русским, другая с английским шрифтом. То уже было беспокойное время приближающейся русской смуты. Папа получал из Америки газету «Christian Science Monitor» и внимательно следил за оценками этой газеты положения в России.

Помимо увлечения чтением, у меня не было ничего такого, чему бы я отдавался с такой же охотой. Объяснялось это отсутствием сверстников среди немногочисленной колонии европейцев, живших в Мукдене. Этот недостаток, конечно, восполнялся дружбой с китайской детворой, от которой я в процессе игры и набрался отличного знания разговорного китайского языка. В этом мной предводительствовал племянник нашего слуги – «боя», как тогда в Китае называли старшего из нашей китайской прислуги. Его звали Вэй Цзы, и был он всего на несколько лет старше меня. Научился я от него и отборным китайским ругательствам. После того, как был отозван конвой, вахтером при консульстве стал работать пожилой китаец Ван Чжансяо. Я часто приходил в его коморку и, что греха таить, стал покуривать сигареты, до которых он был большой охотник.

В то время в Мукдене была табачная фабрика «British American Tobacco», или коротко ВАТ. Она выпускала сигареты в пачках «Kuby Queen» и «Rirat».

Каждая пачка, помимо привлекательной упаковки, имела еще внутри карточку с изображением птичек или цветов и порядкового номера. В погоне за этими карточками я и бегал к Ван Чжансяо. За собранный полный набор карточек можно было получить приз, но не

это меня прельщало, а только азарт собирательства, который годы спустя привел меня к увлечению филателией.

В чем состояли мои игры? Я уже писал, как ездили мы в маленьком вагончике в гости к английскому железнодорожнику Элдару. Это привязало меня к игре в железную дорогу, где вагонами должны были служить пустые коробки от папирос.

Отец был заядлым курильщиком и курил только один сорт папирос, специально им выписываемый из Харбина. Производились они фабрикой «Лопатс», филиалом той же ВАТ, в Мукдене папиросы не выпускавшей. Коробки были большие, на 250 папирос и служили отличным «подвижным составом» для моей воображаемой железной дороги. К коробкам я приклеивал вырезанные из картона колеса, а для их сцепления в состав приделывал крючки и колечки из перегнутых и закругленных канцелярских скрепок. Что же касается локомотива, это дело стоило большой выдумки, но и с ним я справился с помощью клея. В трубу паровоза вставлялся кусочек ваты для имитации дыма. И весь этот состав двигался по полу комнат от кабинета отца до большой столовой в пристройке.

У нашего соседа, Ивана Александровича Бобровникова, была племянница примерно таких же лет, как я, и она приходила иногда к нам со своей тетей, женой Ивана Александровича, но партнером в моих играх она так и не смогла стать.

За забором отведенного нам участка при жилом доме находился пруд, к которому я прибегал, перелезая через забор. Моим занятием было пускать «блины», подбирая на берегу плоские камешки и, умело нагнувшись, «пускать» их так, чтобы камешки, ударившись о поверхность воды, отскакивали и при этом снова ударялись о воду. Надо было насчитать возможно большее число раз в таких «прыжках» камешка. Раз, побежав к пруду, я нашел возле него еще одного мальчика моих же лет, и между нами установился контакт, хотя разговор не получился, на мои вопросы на русском он не отвечал, а на китайском обращаться к нему было бы неправильно — он явно был европейцем. Тем не менее, мы стали встречаться, и я рассказал дома о новом своем приятеле. Каковым же было мое изумление, когда мне запретили с ним встречаться — он был из немецкого или австрийского консульства, а наши страны воевали!

Китай много позже вступил в войну и больше этого мальчика я не встречал. На смену ему появился английский мальчик Филипп, но это было много позже. Уже после смерти папы он как-то забегал к нам, мама усадила его пить с нами чай, но мы были какие-то

замкнутые, отчужденные. Он это заметил и звонким голоском спросил, что случилось. Тут мы и поведали ему о нашем горе. С папой я не был особенно близок, он всегда был занят и тогда не обращал на меня внимания. Он даже высылал меня из своего кабинета, когда к нему кто-то приходил. Один такой случай мне запомнился. Пришел к нему французский консул Хот Корн, и папа быстро выслал меня, хотя я, на мой взгляд, ничем не мешал их разговору, тем более что говорили они на совершенно не понятном мне французском языке. Это уже было в пору русской революции и разговор, видимо, касался важных вопросов.

Помню и маленький домик-особняк внутри обширного сада, где располагалось французское консульство. На задах от него, близ другого консульства – английского, была небольшая игровая площадка для детей, с песочницей, качелями и на тот уголок для малолеток я совершал иногда набег, отнимал у малышей игрушки и меня с позором прогоняли китайки-«амки», приводившие туда детей играть («ама» – обычное обращение к няням, которых нанимали для присмотра за детьми в иностранных семьях).

Все эти вылазки я производил, перелезая через кирпичный забор позади кухни нашего дома и хозяйственного двора, где были куры и гуси, и рядом, еще за одним забором, находился коровник. Мама держала корову, когда на нашем попечении оказался Виллард, и ему было необходимо молочное питание. Раз, преодолев забор после вылазки, я не удержался и упал, ударившись спиной о землю. С трудом поднявшись, я не мог наладить дыхание и, скорчившись, побежал в кухню и только через некоторое время стал нормально дышать. Для меня это послужило хорошим уроком, и я стал более осторожен, подставлял что-нибудь к забору с той и другой стороны, чтобы снова не сорваться.

Катя вышла замуж за Гровера как-то незаметно для меня. Просто Катя больше не жила с нами, и я бегал к ней в их маленький домик недалеко. Потом, тоже как-то не заметно для меня, у нее родился мальчик. Меня однажды привели и показали младенца. Он хныкал и плакал, и я не нашел его достойным своего внимания. После рождения сына, названного Виллардом, а также Сержем в честь деда – у американцев в обычае было иметь два имени или больше – Катя долго болела. Приходя к ним, я находил ее в постели, а Гровера озабоченным, не склонным поиграть со мной.

И вдруг пришло решение, что маленький Виллард будет жить с нами. Срочно была переоборудована одна комната под детскую,

---

приглашена китаянка-«ама», и мама всецело занялась Виллардом, кормила его из рожка, для чего покупалась детская смесь «Меллинс-фуд», остатки которой давались иногда мне, что мне очень нравилось. Было это уже в 1918 году (Виллард родился 12 мая). В нашем саду, непосредственно под окнами комнат первого этажа, рабочие стали строить беседку. Оказывается, по совету врачей Гровер договорился с нами построить беседку, чтобы Катя могла в ней спать на свежем воздухе и тем поправить здоровье. Беседку, довольно широкую, обтянули со всех сторон провололочной сеткой, а пол в ней вымостили кирпичом. В такой обстановке Катя провела лето и большую часть осени, пока было тепло.

Наличие беседки вошло памятным событием в мою жизнь. Я видел ее во сне и мне крепко запомнился сон, в котором над беседкой, на уровне окон второго этажа, где была моя спальня, будто бы пролетел самолет или, как тогда говорили, аэроплан. Случилось это, конечно, под впечатлением прочитанного в журнале о полетах гражданской авиации, входивших тогда в моду и отмеченных в журналах с иллюстрациями.

Помню такие журналы, которые родители получали сперва из России, а потом и из других стран. Из России это были, конечно, «Нива», потом «Исторический вестник», «Огонек», детские «Светлячок», для Глеба – «Путеводный огонек», «Природа и люди». Запомнились мне и «Задушевное слово», выписывавшееся для Кати, «Родник». Спустя несколько лет они перестали приходить, в России началась «заваруха», и журналы позакрывали. На смену им на столе отца стали появляться для нас «Saturday Evening Post» из Америки, «Illustration» из Франции. Помню обложку «Illustration» за май 1921 года, где Наполеон, увенчанный лавровой ветвью, выходил из разверзнувшейся могилы. Франция переживала всплеск патриотических чувств после Версаля²². Как не подумать при этом, что и Россия была близка к победе – прорыв австро-немецкого фронта Брусиловым, начатое новое наступление, а главное – вступление Америки в войну предвещали и близкое ее завершение. И имея такие виды на победу – пойти на Брест-Литовск²³?! Германия уже задыхалась, а Россия дала ей глоток кислорода еще на год кровопролития!

Отца очень интересовал вопрос вины и ответственности за революцию. Первую, Февральскую, он встретил нормально, на консульских бланках в заглавии «Императорское Российское Генеральное консульство» краской было запечатано

«Императорское». Вторая, Октябрьская, поставила его в тупик, и он ее не принял, как не приняли и все остальные российские представительства за границей. Отрыв от Центра после ликвидации министерства иностранных дел в Петербурге и переход на комиссариат положил начало короткой самостоятельной работе всех российских консульств — их продолжали признавать местные власти. Для общего руководства было создано Центральное управление в Париже, названное Советом послов²⁴, и у отца появилась папка «Отчуждение». Инструкции, поступавшие из Петербурга, не исполнялись. А оттуда первым делом потребовали смещения первого лица и замены его на второе — из подчиненного в начальствующее — и, следовательно, вице-консул Бобровников становился теперь консулом, а отец — вице-консулом. Такие указания, видимо, поступили и в другие консульства. Китайские же власти продолжали считать отца консулом и подчеркивали уважительное к нему отношение, выработанное за годы его деятельности на этом посту. Окончательное закрытие консульства произошло позже, и тогда появилось горестное для всех нас новое название ex-Russian. Наверное, отцу было тяжело это пережить и, возможно, как я уже писал, это обстоятельство ускорило его смерть в октябре 1921 года.

Китайцы отца любили. Помню, как приезжали к нам иногда высокопоставленные китайские чиновники. Их сопровождал многочисленный конвой из полицейских, которые рассыпались по двору, когда чиновники удалялись в служебный корпус консульства для переговоров. Память об отце продолжала жить и много позже. В 1928 году, когда было совершено удавшееся покушение на Чжан Цзолиня, возвращавшегося из Пекина в свою вотчину, маме было прислано официальное приглашение на его похороны. Мама не сочла возможным пойти, поскольку не имела основания считать себя общественной деятельницей, но, видимо, послала цветы или какие-то другие знаки внимания в благодарность за оказанную честь.

С горьким чувством проводили мы в небытие условные телеграфные адреса «Russolat» для консульства и «Legarusse» для посольства в Пекине. Но теперь уже бывшие русские консулы в различных городах Китая чувствовали общность своей судьбы и при случае поддерживали связь друг с другом: Тидеман в Тяньцзине²⁵, Люба — в Харбине²⁶, Усатый — в Цицикаре²⁷... Они помогали друг другу, когда встречалась к тому необходимость. Так, например, Глеб

смог жить у Люба, когда поехал учиться в гимназию, и так и остался у них в отдельной комнате на весь срок учебы. А Тидеман очень любезно встретил маму, когда она поехала к заболевшему Вилларду много лет спустя, разговор об этом будет в своем месте.

В Мексике, куда уехала Катя с мужем Гровером, ее ждали тяжкие испытания. Не прошло, возможно, и года, как Гровер получил сильную травму головы, проезжая на «фордике» по одной из ухабистых улиц Сан-Луи или где-то поблизости от него, и травма вылилась в менингит. Он очень страдал, терял зрение и только протирал руки, чтобы схватиться за Катю, неотлучно дежурившую возле него на больничной койке. Врачи не сумели его спасти... Похоронив мужа, Катя вернулась к нам в Мукден, к своему сыну Вилларду, которого она оставляла на попечение бабушки перед своим отъездом в Мексику. Приехала она совершенно здоровым человеком и вскоре устроилась на работу, видя, что Виллард в надежных руках и быстро растет под рачительным наблюдением бабушки.

В Мукдене была уже иностранная молодежь, служащие разных фирм и учреждений. Среди них и молодой голубоглазый француз, проходивший стажировку на получение чина в китайской морской таможене, старательно запоминавший китайские иероглифы в специальной подготовительной школе. Между Катей и французом возникла дружба, пришла и любовь

Вскоре они поженились, хотя, как вспоминала мама, папа опять был решительно против этого брака. Франк Филиппо, как звали этого француза, имел за плечами службу в действовавшей армии, был летчиком и имел хорошие о себе отзывы от начальства. Катя ознакомила его со своей обязанностью перед Виллардом воспитать его и поставить на ноги, с чем Франк согласился и честно выполнил данное слово о нем заботиться. Не помню свадьбы, событие это как-то прошло мимо моего внимания. Помню только, что вскоре Франк был отправлен по месту назначения в китайский город Чжэньцзян на железной дороге между Нанкином и Шанхаем. Тем временем, утрата общественного статуса, отсутствие известий о родных в России и переменчивая судьба разгоревшейся в России гражданской войны усугубили состояние уже начавшего болеть моего отца. К тому же, получив по решению Советов послов причитавшиеся выходные суммы вследствие окончания своих полномочий, он поместил их в открывшееся в Мукдене отделение французского банка (Banque

---

Industrielle de Chine), а банк возьми да и объяви себя банкротом. Перспектива оставить семью без средств приводила отца в отчаяние.

...Помню один день в начале октября 1921 года, когда папа, одетый во все дорожное, сидел на стуле в вестибюле нашего жилого дома и ждал маму с верхнего этажа, которая должна была появиться с запасом одежды и других нужных вещей и ехать с ним в больницу Южно-маньчжурской железной дороги, где его уже ждала отдельная палата. С первых дней болезни чувствуя недомогание, он советовался с доктором Морикава, японским врачом, который по договоренности обслуживал всех консульских работников России. Кроме него, отец пользовался также советами другого японского врача, доктора Агава, из больницы Красного Креста.

Японские врачи внушали большую уверенность вследствие своей высокой квалификации, о них говорили, что многие из них получили образование в Германии. Принимая на обследование больного, осматривая его, они тщательно дезинфицировали руки, да и в процессе осмотра вынимали из кармана маленький футлярчик с готовыми марлевыми платками, слегка смоченными спиртом.

Увы, врачебная помощь оказалась бессильна при быстром развитии болезни: папа кашлял и выплевывал в особый сосуд мокроту. Но внешне он поддерживал надежду на излечение, был бодр, занимался просмотром газет, которые ему доставлялись в больницу. Помню его таким, когда однажды меня повезли к нему в больницу. В вестибюле нам предложили тапочки, тоже смоченные каким-то раствором, которые надевались на ботинки.

Раз не было консульства, не было и конного выезда. Давно все это было ликвидировано, и мы ехали в больницу на рикшах, они дежурили обычно на бирже, расположенной на перекрестке дорог, недалеко от нашего дома. И вот помню день, когда к нам явился японец, приехавший из больницы на велосипеде. Он сумел объяснить, что отцу плохо, что ежеминутно ждут смерти. Было это, кажется,

17 октября. Мама и еще несколько человек, не помню, кто, но, очевидно, кто-то из соседей – а ближайшими были Бобровниковы – отправились в больницу на рикшах. Представляю, как тягостно им было ощущать, что, возможно, они опаздывают. И, действительно, они опоздали. Японский врач сказал, что папе вспрыскивали камфару, чтобы они успели застать его живым, но перед ними уже было бездыханное, еще не остывшее тело.

Все хлопоты с похоронами взял на себя Федор Федорович Груннер. Об этом человеке мне здесь надо упомянуть. В 1912 году приезжала из России в Мукден специальная комиссия обустроить русское военное кладбище на предоставленном китайским правительством участке земли, вблизи от корейского поселка, возле башни Сита на западной окраине Мукдена²⁸. В 1905 году под Мукденом произошло самое большое сражение Русско-японской войны. Ни одна из сторон, кажется, не приписывала себе честь победы, потери у обеих были весьма велики, но русские отступили и перешли на новые позиции под Телином. Разбросанные по полю захоронения павших русских солдат не могли не вызвать желания их достойно перезахоронить, и была создана комиссия, которая и занялась вопросом устройства русского кладбища после соответствующего согласования с китайским правительством. Был отведен довольно большой участок. В мыслях было также устроить часовню-памятник. Потребовалась рабочая сила из китайцев проводить необходимые работы как по перенесению праха, так и строительства ограды и домика для смотрителя. Организация найма рабочих была возложена на Груннера, то ли уже жившего в Мукдене, то ли приехавшего с комиссией. Он быстро взялся за дело. Мама рассказывала, видно, с его слов, что когда вскрывали временные захоронения, стоял страшный смрад, и переносили останки на новое кладбище, определяя принадлежность трупов к тем или иным воинским подразделениям. Впоследствии в отстроенной часовне-памятнике названия этих частей были обозначены золотыми буквами на стенах часовни, а сама часовня построена в форме славянского шлема с забралом, приходящимся как раз на вход во храм. Часовня была устроена посредине насыпанного возвышения и смотрелась очень хорошо. Звонница была построена на некотором удалении.

Чем занимался Груннер после выполнения поставленной перед ним задачи, я не знаю. В ту пору, когда мы с мамой вернулись в Мукден в 1926 году из Гонконга, у него был мебельный магазин на главной улице китайской части города, и мы в рассрочку покупали у него мебель для снятой нами квартиры.

Груннер в то время был высокий, внушительный по размерам мужчина с широкой бородой, в очках, энергичный и быстрый в движениях бизнесмен с широкими связями в китайском торговом мире. Звали его китайцы просто «дахудза», то есть бородач, и знала его вся округа. По-китайски он говорил не особенно грамотно, но

объяснялся без труда, хотя и имел при себе китайцев-помощников по торговым своим делам.

Про него бытовала легенда, что, не сумев правильно построить на китайском нужную фразу, он свел дело к тому, что китаец-рикша вывернул его из коляски после того, как он настойчиво кричал на возницу, приказывая повернуть на другую улицу, переезжая перекресток. Он крикнул «фаньголай», ошибочно полагая, что эти слова по-китайски обозначают поворот, хотя на самом деле обозначали «перевернуть».

В том старом Мукдене, в котором мы жили, основным транспортом были рикши, их было великое множество. Рикша – это коляска на одного пассажира с возницей, впрягшимся впереди в оглобли. За весьма умеренную плату он вез бегом седока по заявленному маршруту. И в летнюю жару, и в зимний холод возницы-рикши зарабатывали на пропитание своей семьи и себя, делясь выручкой и за аренду коляски, если не было достаточно денег купить себе собственную. Кроме рикш на резиновом, мягком ходу, были «фудутунки», запряженные в одну лошадь, с крытым верхом и стенами с трех сторон, и со входом, прикрытым пологом, громыхавшие коваными колесами по обычной каменной мостовой по улицам города и мягкой, пыльной проселочной дороге за его пределами. На подобных двухколесных арбах с большим днищем для перевозки грузов осуществлялся гужевой транспорт на лошадях и выносливых мулах. Обычно возница шел рядом, щелкал длинным бичом, от которого доставалось и несчастным мулам, если он находил, что они замедляют ход или он торопится доставить по назначению груз от товарной станции до получателя. Часто, увязая в грязи немоощных дорог, арбы застревали. Возницы собирались в круг, если застопоривалось движение, и общими силами подталкивали арбу, или освобождали ее, облегчая работу мулам. Стоял невообразимый крик и щелканье бичей. Были, конечно, и извозчики, собиравшиеся у вокзала в ожидании прибытия поезда, а, следовательно, и пассажиров. Более престижными были кареты с откидными ступеньками и открывающимися и закрывающимися дверями. На сидениях внутри могли разместиться двое пассажиров, и два на откидных перед ними. По бокам были фонари, и высоко на козлах восседал кучер, также безжалостно погонявший лошадей.

И совсем экзотическим видом транспорта были паланкины, переносившиеся на плечах, – их несли четверо, два спереди и двое позади с запасной палкой-опорой, на которую клались брусья

паланкина, когда носильщики переносили груз с одного плеча на другое, предупреждая товарищей спереди или сзади о проводимой операции. Редко использовавшиеся в быту, паланкины широко входили в обязательный ритуал свадебных церемоний. На них перемещалась китайская невеста в дом жениха, это был как бы завершающий церемониал, проходивший под громкий рокот барабанов и звон медных тарелок, и под певучие ритмы свирелей. Сам паланкин иногда бывал ярко раскрашен, и сама невеста обязательно густо припудрена, с раскрашенным лицом и подведенными глазами, в роскошном праздничном наряде. По улицам города сновали велосипеды, этот вид транспорта становился все более популярным, и в более позднее время появился гибрид его с рикшей – позади к раме велосипеда крепилась повозка для пассажира.

Автомобили в Мукдене появились довольно поздно, лишь к началу 20-х годов. Их было немного, были у них и номера, и мне доставляло удовольствие поглядеть на них, когда раздавались гудки проезжавших мимо дома машин. Гудки издавали резиновые груши. Марки машин были различные, и окрашены они были в разные цвета, и я быстро научился различать их по гудкам, запоминая их порядковые номера, не превышавшие цифру 10. Таково, наверно, и было все количество машин, курсировавших по городу от железнодорожной станции до центра китайского города. В Мукдене на электростанции был директор-американец, видимо, еще со времени постройки электростанции по контракту с американской фирмой, по фамилии Поплер. У него, на удивление всем, был электромобиль, двигавшийся бесшумно по суетливым китайским улицам, по которым движение производилось без какого-либо соблюдения дорожных правил. Только после вторичного возвращения нас с мамой в Мукден стало внедряться обычное для Китая левостороннее движение транспорта.

С Поплером мы были знакомы, и мама брала меня с собой, когда он приглашал нас к себе. У него был роскошный, великолепно обставленный дом в районе Сяохэянь, где находилась и электростанция, снабжавшая электроэнергией город. Во дворе был даже бассейн для плавания, и, как рисовало мне мое воображение, должна была быть и лодка. Он говорил тихим голосом, растягивая слова, и существовала легенда, будто его предки родом из Чехии и его настоящая фамилия Поппик. Семьи у него не было.

В довершение рассказа о городском транспорте надо упомянуть о конке на конной тяге, по преданию привезенной из Сан-Франциско, где такой вид транспорта существовал на рубеже веков. Маршрут был один – от станции Мукден-пассажирская ЮМЖД до центра Китайского города, где все дороги сходились ко Внутреннему городу, обнесенному крепостной стеной с выездом через эту стену на еще один внутренний двор четырехугольником, от которого через еще одни ворота открывалась дорога в собственно центр с императорскими дворцами посередине. Мукден был историческим центром Циньской империи, последнего царствующего дома в Китае, овладевшей тронном Поднебесной в середине XVII века.

Из других иностранцев, с которыми наша семья вела знакомство, была семья Шишманов, у которых был сын, тоже Борис, на несколько лет старше меня. Со мной он вел себя покровительственно, и это не могло не раздражать меня, хотя внешне дружба продолжалась все время, пока они жили в Мукдене. Сам Шишман был вроде бы директором ВАТ, табачной фабрики, и руководящих работников этой организации тоже часто переводили с места на место в этой разветвленной кампании с иностранным капиталом в Китае. Еще был американец Дрейкфорд, представитель нефтяной компании «Тексас», наряду с другой, «Сокони», завозившей в Мукден нефтепродукты и особенно керосин, поскольку в китайской глубинке широко использовались керосиновые лампы.

«Сокони», кроме керосина, торговала лампами и переносными керосиновыми печами, легкими по весу и весьма полезными для обогрева помещений. У нас тоже была такая печка, и я пользовался ею в своей комнате на мансарде в одной из квартир, в которой мы, попеременно переезжая, жили в Мукдене уже в начале 30-х годов. Керосин был хорошей очистки и горел совершенно без запаха, фитиль в горелке можно было то поднимать, то опускать, регулируя степень обогрева, а на крышку печки можно было ставить чайник, согревая так рано по утрам себе завтрак.

Знакомы мы были и с миссионерскими семьями, жившими по улице Идинлу, занимая своими постройками почти целый квартал. Среди домов была и спортивная площадка. На ней проходили несложные спортивные соревнования учащихся младших классов руководимых ими школ, вроде вольного бега или эстафет, шуточные бега в мешках, или с яйцом на ложечке, или с водой в стакане, чтобы не расплескать. Было много шума и азарта, дамы-патронессы

ласково прижимали к груди победителей, одаривали подарками. Иногда проводилось при этом чаепитие с неизменными сэндвичами.

Отец редко приходил на такие мероприятия, он всегда был занят и подолгу не выходил из кабинета. К нему заглядывали за советом и помощью некоторые русские дельцы и коммерсанты, владевшие мелкими предприятиями. В большинстве это были евреи. У одного магазин, у другого гостиница, возникали споры между собой или китайцами, и приходили к отцу со своими жалобами. Он их судил и рядил.

В пору разыгравшихся революционных событий в России, в которых принимало участие большое число евреев, отец в шутку или всерьез в беседе с местными евреями высказывал мнение, что было бы лучше их представителям в России заняться скорее обустройством своего дома в Палестине, чем мешаться и руководить делами в России. Мама говорила, что между собой евреи даже спрашивали друг друга, не «свой» ли здесь консул человек? Позднее, после поражения Турции в Первой мировой войне, отец высказывался в поддержку образования в Палестине, отошедшей под мандат Великобритании²⁹, собственного государства для евреев в связи с приобретением все большую известность движением сионизма. Его очень возмущала роль Троцкого³⁰ в России и пришедших ему на подмогу целого ряда других евреев, и обширные репортажи о событиях там заставляли его думать о существовании заговора против России, осуществляемого их руками.

Со вниманием следил он и за всеми перипетиями гражданской войны. Мама рассказывала, что он выходил даже на перрон железнодорожного вокзала в Мукдене, пытаясь задержать поезд, который проследовал без остановки и на котором будто бы провозилась в Японию часть российского золота³¹, попавшего в руки атамана Семенова³² после крушения колчаковского правительства в Омске³³. В то время еще представитель Российского государства, он выразил гневный протест против такого расхищения достояния российской казны.

Папа не был щедр в проявлении ласки и внимания ко мне. Только изредка он брал меня на прогулки с палочкой в китайский парк. Бывало, брал с собой фотоаппарат и снимал меня где-нибудь в уютном уголке, вручая мне свою неизменную палочку. Сопровождала нас иногда и какая-нибудь из собак, а их у нас было сперва две, а потом три. Из первых двух одна была сеттер по имени Они – «черт» по-фински, в память о запомнившемся во время

поездки в Финляндию из Дибунов слове. Другая – дворняжка Лок была очень привязана к нам, детям, и после нашего отъезда после смерти папы к Кате долго, по рассказу друзей, оставалась после ухода поезда на перроне, надеясь на наше скорое возвращение. К новым хозяевам, которым ее отдали, она не чувствовала привязанности.

После отъезда Кати с Гровером к нам перешла и ее комнатная собачка Ойра пекинской породы. Она скоро признала меня за хозяйина. Я с ней много возился, и она следовала за мной по пятам.

В семье все больше было разговоров о политике, назывались государства, сочувствующие или враждебные России. И в моем сознании возникла мысль создать в уме свое, воображаемое государство. Получило оно название, производное от клички моей собаки, – Ралия. Видя, какое значение придает отец газетам, у меня родилось желание издавать свою газету и в ней писать о различных событиях, происходящих у нас дома, придавая им расширительное значение. В то время у нас уже был репетитор Анатолий Иванович Михайловский. Он коснулся моей новой затеи и в пику или «оппозицию» моему «Вестнику Ралии» стал издавать «Никчемный листок». Это меня очень забавляло, и на его реплики я сочинял ответные реплики, корректировавшие его оценки происходящих событий, вроде: «Почему вчера выла собака на Луну?»

Потом, много-много лет спустя, эта склонность к журналистике зародилась и у моей дочери и стала делом всей ее сознательной жизни, доставившим ей широкую известность и горячую признательность читателей.

Прошло еще немного времени, и Михайловский от нас уехал, то ли продолжать свое образование, то ли по другим причинам, и на смену ему приехал Николай Иванович Изотов. Он взялся за меня, так как Глеб уже благополучно начал учиться в Харбине, живя в семействе Люба, последнего российского консула в Харбине. Я уже сносно владел словом, и он дал мне тему для сочинения. Одним из слов названной темы было слово «лес» в новом, принятом уже в России правописании. Слово это было мне очень знакомо и во всех книгах, где встречалось, оно писалось через «ять»; в написанном Изотовым предложении оно было через «е». Затаив дыхание, я побежал к маме и громко заявил, что учитель у меня безграмотный. Мама, конечно, разъяснила мне обстановку, примирила с появившимся новым правописанием, а Николая Ивановича попросила впредь им не пользоваться, а писать все для меня по-

---

старому и по-старому же спрашивать с меня. Трудно было маме согласиться с нововведением, у нее еще долго удерживались консервативные взгляды, и всю жизнь писала она, до самой смерти, по-старому.

Помню, как на следующий после смерти папы день все мы, включая приехавшего Глеба из Харбина, снова поехали в морг, где лежал папа. Меня не пустили и оставили на время на улице у входа. Внутри уже был Груннер, туда внесли длинный черный ящик, обитый бархатом и с белым крестом на крышке. На улице переговаривались китайцы-носильщики.

Когда, наконец, меня позвали, отец уже лежал в гробу, все о чем-то тихо перешептывались между собой, и я краем уха уловил, что на груди у папы был расплывшийся вширь синяк от внутреннего кровоизлияния. Говорили, что у него произошел разрыв аорты...

Потом вошли китайцы, вынесли гроб, соорудили носилки, на которые положили гроб, и, встав попарно в три ряда, подняли гроб, и мы двинулись по направлению к русскому кладбищу. Путь был долгий, с выходом на одну из главных улиц японской концессии. Мама тяжело переживала, вся была в слезах, но ее успокаивали неизвестно откуда взявшиеся и совершенно посторонние люди. Это были и русские, и иностранцы, для которых утрата всегда благожелательного к ним человека тоже была горем. Траурная процессия под начавшим выпадать осенним снегом с час или полтора неспешно приближалась к кладбищу. На входе нас встретил священник отец Сергей Сузуки, японец, бывший тогда настоятелем храма³⁴. Гроб внесли в церковь, поставили на скамейки посередине. Была отслужена панихида, и потом мы все, сильно расстроенные, вернулись домой.

Папа не был религиозен и иной раз скептически относился к духовенству. Мама вспоминала, как он осуждал одного из прежних священников, называя его мздоимцем. Отец Сергей был тому явной противоположностью. Еще до Русско-японской войны в Японии была образована епархия православной русской церкви, возглавлял ее епископ Николай, снискавший большое уважение среди японцев³⁵. В годы Русско-японской войны японцы, кажется, даже не сажали его в лагерь как гражданина враждебной страны, и он много делал для облегчения участи русских воинов, попавших в плен после сдачи Порт-Артура и привезенных в лагерь военнопленных в Японию. После Цусимского боя в лагерь попали и спасенные с русских кораблей моряки.

На японском языке издавался в то время даже религиозный журнал³⁶ и росла паства обращенных в православие японцев. Вот из той среды и был отец Сергей, невысокого роста, худой и с белой бородой в три волоска. Он неизменно улыбался, был приветлив и всегда рад общению. У него был сын, ученик японской школы, часто к нам приходивший, и мы играли с ним во дворе в теннис, хотя он намного был старше меня. Но, по японским канонам, он был неизменно благожелателен и терпелив со мной, намного моложе его по возрасту.

Отец Сергей говорил по-русски не очень грамотно, часто употреблял присказку «не так ли», сообразуясь в таких случаях с правилами родного языка. Перед раскрытой могилой отца он произнес небольшую речь о путях человеческих, отслужил еще раз панихиду, пропел со всеми присутствующими «вечную память». И кинул на гроб горсть китайской земли... Потом подошел к нам и очень сердечно, обняв поочередно каждого из присутствующих, сказал слова утешения и веры в милость Божью. Надолго я потом запомнил этот ритуал последнего прощания.

Место для могилы было выбрано самое хорошее – против алтаря, ближе к краю насыпного холма, на котором стояла церковь. В знак глубокого уважения к своему коллеге на консульствах в этот день были приспущены флаги. На русском же его давно уже не поднимали – с 1920 года Китай уже не признавал за ним легитимного статуса представительства соседней страны. На этом закрылась страничка моего безмятежного детства...

Еще до этого появился Виллард-Серж, и год или два я рос уже сам по себе, а вниманием мамы полностью завладел внук, отодвинувший родного сына на задний план.

В нашем доме произошли важные перемены. После закрытия русских консульств к нам переехал жить по договоренности с папой консул Михаил Иванович Лавров³⁷ из Чаньчуня, а вернее, Куанченцзы, это было совсем рядом – терминал КВЖД.

Старый холостяк, всегда одетый, как на парад, он увлекался собиранием фигурок китайских Будд и постоянно находился в их поиске и любил делиться деталями удачных находок. Он носил пенсне и относился индифферентно к происходящим событиям. У него был брат в Харбине, служивший в правлении КВЖД, остававшийся там после смены руководства и выбравший советское гражданство, когда на смену Остроумову³⁸ из Москвы прислали

нового начальника дороги. Что случилось дальше с ним, для меня осталось неизвестным.

Теперь нам надо было ликвидировать хозяйство, куда-то уезжать, так как на занимаемый нами дом после закрытия российского консульства объявился новый претендент в лице американского генерального консула Понтиуса³⁹. Китайцы нас не торопили, но американцы выражали нетерпение, так как открывалась более радостная перспектива жить в лучших условиях, чем в переделанной под консульство китайской кумирне, в которой они находились уже несколько лет.

Грустно и тоскливо проходили теперь наши дни. Собирались вечером в маленькой столовой внизу. Рядом была опустевшая комната, из которой уехал со своими божками Лавров. Приходили несколько дам из русской колонии, имена и отчества которых стерлись из моей памяти, Глеб и приехавшая на похороны папы Катя. До болезни папы мы собирались в этой комнате в куда более веселой обстановке. Сменявшиеся у нас репетиторы вносили оживление своими рассказами, иногда даже сбивались на пение русских романсов, а теперь стояла гробовая тишина – не знали, о чем завести разговор, как отодвинуть грустные мысли о случившемся, и о том, что нас ожидает в нелегком будущем.

Задумывался и я над важными для меня вопросами, что такое жизнь и что такое смерть. Вот родился Виллард и включился в жизнь, а вот теперь не стало папы, и ушел он в никуда... Почему мама не захотела открыть крышку гроба, когда он лежал в церкви, когда об этом спросил Груннер... Каким он стал, мой папа, когда скосила его смерть? Та самая, которая из книжки Гоголя вздымала руку в темное небо, в другой держа высокую косу на берегу Днепра...

На смену всему приходили размышления о том, что теперь маме надо будет распродавать мебель, избавляться от лишних вещей и сдать на уговоры Кати поехать жить к ней в далекий Чжэньцзян. Мысль о предстоящей поездке радовала меня. Опять будет поезд, замелькают за окном незнакомые места, будет все новое, никогда прежде не виданное.

...Было решено, что Груннер произведет аукцион нашей мебели, и для этого надо было стащить все в большую столовую и распахнуть двери в гостиную, чтобы все поместилось. Началась суета, пришли от Груннера рабочие, и все пришло в движение. Между столовой и гостиной были раздвижные, складывающиеся по

секциям двери, а над ними во всю ширь проема – китайская картина с изображением множества деятелей китайского фольклора. Она как-то незаметно и загадочно исчезла, хотя и была предварительно снята и свернута в рулон. Собаки и кот Фомка, старожил нашей семьи, пришли в полное замешательство. Впрочем, они уже вскоре были переданы в чужие руки, но Лок и Ойра до конца оставались с нами.

Наконец наступил день аукциона. Груннер занял место, поднявшись на какое-то возвышение перед рядом стульев. Такие ряды выстроенных в ряд стульев помнились мне и по прежним случаям, когда в Мукден приезжали какие-нибудь артисты или исполнители, и так же преображались эти две комнаты и начиналось какое-нибудь событие – концерт или декламация. Рядом с Груннером был китаец, повторявший вслед за ним исходную цену какого-нибудь предмета, а на столике перед ними лежал молоток, удар которого венчал совершение сделки. Ушли «с молотка» бронзовая ваза, украшавшая интерьер одной из комнат, медная чаша для отмывания рук после съеденных ягод или фруктов, и ряд других принадлежностей торжественных застолий. Исчезли кадки с апельсиновыми деревцами, стоявшие под окнами в папином кабинете, диваны, кушетки, кресла и бесчисленное множество других мелких и крупных вещей. В один день невозможно было все продать, и аукцион продолжался и на следующий день.

Катя тем временем хлопотала о проездных билетах в Чжэньцзян. Мама сортировала домашние вещи, хотя ей трудно было это делать из-за начавшегося приступа ревматизма. Холод во всем доме в связи с постоянно открывавшимися дверями из-за выноса купленной вещи только усугублял ее состояние. Я бегал, одетый в теплое пальто, суется, не зная, куда приткнуться.

В сундуки-кофры укладывались различные семейные реликвии и ценности, папин форменный сюртук, его награды и ордена, и даже шпага – неременная принадлежность форменной одежды на торжественных приемах. Все это как-то незаметно потом растворилось, исчезло, и как жалел я потом, что не видел всех этих сокровищ. Впрочем, сабля потом попала к Глебу, помню, как мы вынимали ее из ножен, удостовераясь, что она лишь декоративное оружие и совсем не острая. Рукоятка ее была увенчана российским гербом.

От Понтиуса приходили, видели наши сборы и, удовлетворенные, возвращались назад для доклада. Наконец, подошел день отъезда. Мама не в шутку разболелась и уже не могла свободно

передвигаться. Все суставы у нее болели. С трудом усадили ее на извозчика и, наконец, выехали из дома, многие годы служившего нам родным гнездом. Мелькнуло лицо «Мариванны», племянницы Бобровникова, также пришедшей нас проводить. Ее тетя, жена Бобровникова, уже к тому времени ушла от мужа, познакомившись с успешным коммерсантом из Германии Хельмом, открывшим свое дело в Мукдене. Поверженная Германия сделала решительный рывок, начала активно залечивать раны, нанесенные войной, и завоевывать восточные рынки. Сын Бобровникова к тому времени тоже исчез из поля зрения. Говорили потом, что он вместе с матерью ушел к Хельму, который, наладив работу своего предприятия в Мукдене, уехал в Японию, где должна была находиться его главная контора.

В Мукдене было два железнодорожных вокзала – один ЮМЖД на японской концессии в полосе отчуждения, другой китайский, возле того самого парка, в который мы часто ходили гулять с отцом. Туда к отходу поезда нас всех и привезли извозчики. Мама сама не могла зайти в вагон с перрона, ее на плечах внес в вагон здоровяк китайский носильщик. Был произведен обычный пересчет личной клади, взятой с собой. Все оказалось на месте. Собака Лок, увязавшаяся за нами, печально осталась сидеть на перроне. Поезд тронулся...

Путь наш был в Тяньцзин. Я, не отрываясь, смотрел из окна на удалявшиеся знакомые городские места. Наконец состав нырнул под мост основной магистрали КВЖД и повернул к вокзалу ЮМЖД, где обычно происходила короткая остановка для тех пассажиров, кому удобнее было садиться с этого вокзала. Дальше Хуангутунь – вот и мелькнул дом, в котором жили Элдеры, к тому времени закончившие работу по контракту у китайцев.

Китайцы постепенно сами набирались опыта и успешно справлялись со всеми делами без посторонней помощи. Шел уже 1922 год, это был год Вашингтонской конференции, где Китай как участник Первой мировой войны уже потребовал уравнивания себя в правах с другими победившими державами⁴⁰. Если устранения экстерриториальности для всех Китаю так и не удалось, то для побежденных она стала возможной. Более того, Китай добился возвращения себе Циндао, под именем Киячио находившегося под управлением Германии после убийства немецкого посла в Пекине во время боксерского восстания в 1900 году⁴¹. То было время дележа опорных пунктов на побережье Китая. Россия еще раньше получила

права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, сразу после этого Англия выговорила себе поблизости Вэйхайвэй на побережье Шаньдуна. Даже Италия не хотела остаться в стороне и тоже выдвинула какое-то требование, но Китай, учитывая относительно высокое значение европейских держав, сумел ее притязания вежливо отвергнуть.

В противоположность Китаю, долго сохранявшему нейтралитет в схватке держав в Европе, Япония не замедлила объявить Германии войну и осадила Циндао, находившийся под немецким управлением. Это прекрасный порт с защищенной стоянкой для кораблей военно-морского флота. Оттуда, кажется, ушел и «Эмден», немецкий крейсер, совершивший много нападений на коммерческие суда держав Антанты, а в Пенанге на Малайском полуострове безнаказанно расстрелявший русский крейсер «Жемчуг», шедший на Запад для участия в военных действиях на море против немецких рейдеров⁴². Циндао оказал вооруженное сопротивление, но японцы, высадившиеся на материк, обходным маневром принудили немецкий гарнизон сдаться.

Итак, вдаль уходил Мукден, город моего детства и ранней юности. Вспоминались давно знакомые места – Бэйлин, куда ездили летними днями на пикник. Дорога вилась вдоль северной окраины города, проходила над линией японской железной дороги на Чанчунь, мимо обширного игрового поля для гольфа с его круглой будкой-рестораном, участка с песчаным грунтом, где часто буксовали машины в более поздние года развития автомобильного транспорта, а дальше напрямик, переходя по мосту над каналом, тянувшимся на Запад к построенным впоследствии зданиям университетского городка. За мостом начались уже зеленые чащи Бэйлина. Дальше, дальше, и, наконец, сами императорские могилы, заключенные в опоясывающие их каменные ограждения с храмами и башнями. Сама могила императора была расположена под высоким насыпным холмом, запечатана каменной кладкой с рельефным изображением на поверхности в виде императорского дракона. По преданию похоронен здесь был Нурхацци⁴³, вождь маньчжуров, начавший поход на Пекин и сломавший сопротивление китайцев, воцарившийся на древнем престоле китайских богдыханов.

Были в Мукдене еще одни императорские могилы – к востоку от города и потому называвшиеся Дунлином. Они были на значительно большем расстоянии от города и редко посещались экскурсантами. Как-то, бродя там среди густо разросшихся посадок и слушая шум

ветра, то приближающегося, то отдаляющегося, я находил на некоторых старых деревьях вырезанные ножом русские имена и фамилии. Это был оставленный русскими воинскими частями след пребывания в Мукдене в годы, непосредственно предшествовавшие Русско-японской войне.

Вспоминался и район города Сяохэянь, где жилые кварталы одноэтажных китайских построек подходили вплотную к берегу реки Хуанхэ. Была она небольшая, мелководная, потому и называли ее китайцы Сяохэянь, т. е. «берег речки». Я заметил, что китайцы, живя на берегу реки, опускают в разговорной речи ее название. Так, на берегах самой крупной реки Янцзыцзян я слышал обычно короткое «чандянь», то есть «длинная река».

Перед окном вагона мелькали деревья, стоявшие без листвы, – шел последний месяц зимы, телеграфные столбы, заснеженные поля. Провода от столба к столбу то снижались, останавливаясь на мгновение, то вновь поднимались к следующему столбу. Для меня все смешалось воедино – телеграф, телефон: тут и там провода, непонятным образом передававшие звук, послания.

Вспоминалась жестокая шутка, проделанная раз Глебом. Я уже писал о крахе французского банка, в который вложил деньги папа, а следом за ним и Бобровников. Слишком импозантным было здание этого банка на той улице, где была табачная фабрика. Как незыблема была фабрика, таким надежным представлялся этот французский банк. И вот случилось Глебу получить в подарок или купить самому детский телефон. Было это на каникулах, когда от нечего делать он разыгрывал разные шуточные ситуации. Повесил он телефон, сымитировал звонок и предложил мадам Бобровниковой подойти – она была в другой комнате, дескать, говорят из банка, приглашают прийти за получением вклада. Телефонов в Мукдене тогда почти совсем не было в жилых домах, и по виду детский телефон легко можно было принять за настоящий. Она подошла, и Глеб, успевший перебежать в другую комнату, стал измененным голосом приглашать ее зайти на следующий день в банк. И ведь она поверила и пошла! Можно представить, какой был финал этого розыгрыша...

Банк долгие годы не проявлял признаков жизни. И только потом вкладчики стали получать право на постепенное возвращение своих денег. Точного механизма этой финансовой операции я не мог себе представить, но дело, видимо, свелось к тому, что банк располагал облигациями китайского займа, произведенного китайским правительством в погашение контрибуции, наложенной на Китай из-

---

за боксерского восстания <1>900-х годов. Производились розыгрыши этих облигаций, погашавшиеся выходили в тираж и оплачивались. Так мама стала иногда получать некоторые суммы в валюте. Но это произошло только лет через десять после объявленного банкротства.

Деньги тем не менее понемногу накапливались, и Глеб потом выговаривал маме, что, если бы она согласилась, он мог на них поехать в Америку и там добиться успеха в жизни. Вообще тема Америки часто всплывала на различных этапах нашей жизни. Еще Крейн, американский посол в Китае, лично знавший и очень уважавший папу, как-то в разговоре предложил за свой счет увезти кого-нибудь из нас, детей, учиться в Америку⁴⁴. Против этого энергично возражала мать отца, бабушка Екатерина Колоколова в Питере, когда еще была у нас переписка. Жила она отдельно от нашего деда и была твердых правил, и выше всего ставила престиж и славу России. Дед, Александр Петрович Колоколов, был, по рассказам, человеком не очень твердых нравственных устоев и оставил жену, за что его осуждали в нашей семье и мало вспоминали в ту пору. Умер он, кажется, в 1913 году, до начала Первой мировой войны. Наши знакомые американцы, влюбленные в свою страну, и позже высказывались в том же роде, что лучшее образование можно получить только в Штатах, и часто возникали предложения стать спонсорами для кого-нибудь из нас, детей, поскольку в Мукдене не было русских школ, да и события, произошедшие позже в России, лишали нас возможности получить высшее образование там.

Так и получилось, что мы, дети российского безвременья, не получили высшего образования. Хорошо, конечно, было бы иметь богатого «американского дядюшку» и получить бесплатно хорошее образование, но до нас доходили слухи, что в Америке хорошо устроиться удавалось далеко не всем. Так, сын Блонских, Жорж, уехавший туда и снабженный порядочной суммой денег, вынужден был зарабатывать еще и мытьем посуды, чтобы прокормиться. Такая же участь постигла и его сестру, Лиду, которая уехала следом.

Следует здесь написать, что Блонский⁴⁵ был старожилом Мукдена и помощником военного агента России в Китае⁴⁶. Звали его Василий Васильевич, и он настолько обжился в Мукдене, что приобрел участок и жил в собственном доме, пристроив в дополнение еще один – с выходом на улицу.

Этот второй он сдавал и долго спорил с арендатором, требовавшим сделать выход с крыльца этого дома прямо на улицу

через окружавший весь участок кирпичный забор. Забором было обнесено все его владение с центральными воротами – въездом с улицы. Мария Васильевна, его жена, помнится, приезжала к нам в Дайрен, когда родилась у нас дочь Катя, и была восприемницей ее при крещении.

Семьи наши в Мукдене были тесно знакомы, и я бегал к ним во двор, когда у них гостили племянники, откуда-то приехавшие на побывку. Впоследствии Блонский долгое время считался руководителем русской общины, образовавшейся со времени наплыва беженцев из России после разгрома Колчака. Именно его усилиями и по его инициативе создавалась тогда в Мукдене русская школа.

В пору японской оккупации всей Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу—го, он вошел в конфликт с властями и был арестован японцами. Содержался некоторое время в заключении и вышел оттуда совершенно разбитым человеком, хромя на одну ногу. После его смерти Мария Васильевна, уже в пятидесятые годы, уехала к сыну и дочери в Америку. К тому времени они уже сумели создать себе там благополучную жизнь.

Глеб дружил с Жоржем Блонским, эта дружба и подпитывала его желание тоже попытать счастья в Америке, и он укорял маму, что она не помогла ему осуществить его мечту, когда к тому была возможность. В меньшей мере высказывались сожаления обо мне, когда я уже достаточно подрос, но возле нас тогда уже не было американцев с толстой сумой, звавших туда.

Итак, в начале февраля 1922 года ехали мы с мамой на поезде – давнишняя моя мечта — начинать новую жизнь у Кати в маленький городок на Янцзы – Чжэньцзян. Мне исполнилось десять лет. Прожиты эти десять лет были как-то одиноко, без друзей-товарищей, не было у меня сверстников, если не считать китайских мальчишек, иногда забегавших на пустырь за домом возле пруда. Одни млели перед мальчишкой из чужой страны, представителем незнакомого народа, который их старшие братья и отцы называли «большеносыми» — «да бинза», другие, наоборот, склонялись поиздеваться, если были постарше и посильнее, обзывая «янгуйцзы», что в переводе должно было обозначать «заморский чертенок». Силой большой я не обладал и обычно избегал таких встреч.

От китайских мальчишек я перенял и их спортивное увлечение сверчками. Как в иных местах проводили петушинные бои, так в

Китае господствовали среди подрастающего поколения бои сверчков. Их находили в расселинах старых стен, под камнями, определяя их нахождение по стрекотанию в лунные ночи. С зажженными фонариками мы их разыскивали, умудрялись изловить двумя руками, накрывая осторожно ладонями. Они стремительно спасались от нас прыжками, и какая была досада, когда потом между собой мы делились огорчениями – не удалось поймать, а какой великолепный экземпляр упустили! В китайских лавочках продавались блестящие, покрытые глазурью горшочки, в которых надлежало держать пойманных сверчков темно-коричневого цвета с блестящими крылышками на спине, двигая которыми они и производили такое милое нашему сердцу стрекотание. В горшочек насыпалась земля неглубоким слоем, увлажнялась и уплотнялась нажиманием всех пальцев, выравнивалась и туда, наконец, сажался наш пленник. Если сверчок попадался большого размера и бойкий, метавшийся вдоль стенок своей клетки, это уже была верная надежда, что со временем будет из него храбрый боец.

Летать они не умели, зато отлично прыгали и, открывая горшочек, мы снимали крышку очень осторожно, чтобы сверчок не вырвался на волю. Кормили сверчков зеленой травкой. Подбирая рацион, живо обсуждали его и советовались между собой, и, наконец, приходили к общему мнению. Когда пленник поуспокаивался и привыкал к неволе, давали даже кусочки чего-нибудь мясного в предположении, что это усилит агрессивность нашего любимца при первой же встрече с соперником.

Для боя переводили его в чужой горшочек и затем, прильнув друг к другу, возбужденно, с часто бьющимися сердцами, наблюдали схватку, иногда подзадоривая бойцов короткой сухой веточкой. Особо выдающихся сверчков меняли, отчаянно торгуясь, на какую-нибудь забавную игрушку или предмет, нужный в детском хозяйстве.

Был в Китае еще другой вид сверчков, обычно водившихся среди буйно разросшейся зелени. Поскольку они и сами были зеленого цвета, то их было трудно заметить, и только громкий голос выдавал их присутствие. Их обычно держали в клеточках из гаоляна. Клетки плелись самими любителями. Стебель гаоляна разрезался на равные отрезки, скреплялись эти отрезки тем же гаоляном, для чего с него снимался наружный покров, и кусочки отрезков вгонялись друг в друга, составляя скелет клетки. Работа была кропотливой, конструкция получалась нехитрая, но достаточно прочная, и в ней обитал наш любимец, услаждая слух своим стрекотанием. В быту на

севере Китая приезжие иностранцы называли этих сверчков цикадами, среди нас же прочно утвердилось название «кузнечики», хотя по своим размерам они явно отличались от тех прыгунов, которые водились в траве. Да и цикады на самом деле были совершенно другими, и распевали на другой лад. И ареал их обитания был на Юге, в Шанхае и дальше, к Учжоу, где мне тоже довелось пожить некоторое время в семье Кати.

Родители мало уделяли внимания моему воспитанию, и я рос один, без обычных назиданий о жизни, что хорошо, что плохо. На меня больше влияния, по-видимому, оказывал тот репетитор, который был в период становления моей личности в семье, готовя Глеба к поступлению в гимназию в Харбине. Отец, видимо, выжидал с моим воспитанием, всегда очень занятый в кабинете, ожидавший, возможно, окончания гражданской войны в России, когда не поздно было бы заняться всерьез и мной. Мама же была поглощена воспитанием Вилларда. На ее руках был первый ее внук, которому она отдавала все силы своей души. Только когда я сильно шумел или проказничал, мама вела меня к отцу на расправу, но он обычно только поглядывал на меня, но от внушений воздерживался. Я же забивался в угол и постепенно у меня стихал страх наказания, которому никогда меня не подвергали.

К характеристике моего отца надо сказать, что он находил иногда отдых от своих дел в мелких столярных работах. Для этого в «предбаннике» к своему просторному кабинету был у него стол с верстаком, рубанки, пилы и различные другие предметы и струганые доски, гвозди, молотки, пилы. Как память об этом его увлечении были различного формата рамки для фотографий и картин с выпиленными узорами по бокам, или сверху, или снизу, подставки для отрывного календаря и различные другие поделки. К сожалению, он не приучал меня к этому занятию, и у меня не выработалось никакого пристрастия к тому, чтобы делать самому что-нибудь своими руками. Мама тоже обладала даром к творчеству, что-то вышивала, потом пристрастилась к искусственным цветам из гофрированной бумаги. Благодаря своей постоянной возне с бумагой – книгами, газетами и необходимостью поддерживать их в порядке, отец неплохо переплетал, и у нас долгое время хранились переплетенные им иллюстрированные воскресные приложения к «Новому времени», получавшиеся до революции из России.

Помню, как после обхода всех хозяйственных объектов – курятника, каретного двора, коровника, мама, держа в руках связку

ключей, поднимала ее и под громогласный звон ударявшихся ключей как-то набок кривила рот, решая про себя обуревавшие ее хозяйственные проблемы. Такая привычка сохранялась у нее долго, несмотря на сужавшийся круг «объектов», когда постепенно не стало у нас сначала своего выезда после закрытия консульства, уменьшилось количество кур и гусей из-за необходимости экономии, да и потребности в своих продуктах поубавились по мере взросления детей. Один из казаков, обычно присылавшийся для поездки к кому-нибудь на приемный день, садился на козлы и поворачивался к маме: куда везти? Бывало это и английское консульство, где консулом был Перри Асквит, мама называла фамилию, и казак, ухмыльнувшись, повторял: «К Перевязкину, как не знать, совершенно русская фамилия!»

Все это в прошлом. Теперь мы в поезде. Едем с Катей к ней в Чжэньцзян. По этому направлению, на юг, к Тяньцзину нет на дороге крупных населенных пунктов, и, следовательно, среди сходящих или садящихся в поезд на остановках нет иностранцев. Густая толпа китайцев, одетых в ватники, однообразных, суетящихся, толкающих друг друга и что-то кричащих за окнами вагона. Тут же на перроне переносные лотки со всякой снедью, дымящейся на морозе. Стоят продавцы в широких толстых войлочных туфлях с горбинкой спереди и толстой теплой прокладкой, чтобы не мерзли пальцы. Все очень бедно одеты.

Помню, как перелезал я через кирпичный забор в Мукдене к пруду, чтобы позабавиться бросанием камней в воду, и там встречался с сумасшедшим бродягой, известным на всю округу, собиравшим угольки в корзинку из кучи золы, которую выносили каждый день из топившихся в доме печей. В то время невозможно было найти во всем городе жилого дома с центральным отоплением, разве что в американских домах «Сокони» да еще в жилом доме руководящих работников табачной фабрики. Набравшись храбрости, я бегал к болоту и дразнил бродягу, как делали ребятишки-китайцы, крича «фынцза, фынцза!» («псих, псих!»), и стремительно убегал прочь, когда он, поднявшись во весь рост, делал вид, что кидается за мной. Вид его был для меня ужасен, он был высок, грязен, с полуоткрытым ртом, из которого текла тонкой струйкой слюна. А в общем-то, он был совершенно безобиден и, вспоминая это теперь, после целой прожитой жизни, удивляюсь, какими жестокими могут быть дети.

Кончились маньчжурские просторы, мы въезжали в собственно Китай, его основные 18 провинций («шиба шэн»), как иногда называли свою родину китайцы. Над ними тогда реял пятицветный полосатый флаг, символизировавший пять основных народностей, в том числе и маньчжуров, которым была присвоена вторая по вертикали желтая полоса. Ведущая верхняя, красная, была отведена собственно китайцам, остальные – монголам, мелким народностям на юге и мусульманам, сартам в Синьцзяне («Новой провинции» – Восточному Туркестану на Западе) – синяя, белая, черная⁴⁷.

В Китае было тогда неспокойно. Власть набирали генералы, еще не забылась попытка Юань Шикая восстановить монархию и старавшегося обособиться от центральной власти в Пекине⁴⁸. Улучив момент, японцы предложили китайскому правительству унижительные 21 требование, существенно нарушавшие свободу и суверенность Китая как независимого государства. Западные державы, также имевшие интересы в Китае, были заняты послевоенным обустройством Европы. А Россия в это время была погружена в небывалый социальный эксперимент, выведший ее из круга великих держав. Однако Запад, опомнившись, собрал в 1922 году конференцию в Вашингтоне, на которой Японии пришлось отказать от своих требований или хотя бы смягчить их и, более того, вернуть Китаю порт Циндао, занятый в ходе военных операций против Германии, имевшей там свой опорный пункт.

Прильнув к окну вагона, я ожидал встречи с Великой китайской стеной, на восточном отрезке которой она подходила к берегу моря в Шаньхайгуане. Мама стала гораздо лучше себя чувствовать благодаря заботам о ней Кати и в Тяньцзине, куда мы вскоре прибыли, уже не ощущала болей в суставах. Не помню, была ли пересадка в Тяньцзине, или поезд напрямик провез нас дальше на юг, к Пукоу, напротив Нанкина, где предстояло выгрузиться из поезда со всеми нашими корзинами и чемоданами, и на пароме пересечь Чанцзян [р. Янцзы]. Поскольку память не сохранила никаких происшествий во время переправы и посадки в другой поезд, все прошло благополучно благодаря готовым к услугам многочисленных носильщиков на всех станциях китайской железной дороги. Здесь все строилось под ранжир английских железных дорог, на руководящих должностях все еще были англичане – инженеры и путейцы, которые, конечно, внедрили свои порядки. В противоположность японцы на ЮМЖД следовали образцам американцев, даже на паровозах были на корпусе колокола, громко

извещавшие о прибытии состава на подходах к перрону, чтобы кто-нибудь невзначай не попробовал бы переходить рельсы перед приближающимся поездом. Впрочем, в Мукдене, на станции Мукден-пассажирская были подземные переходы под перронами на всех путях, с которых отправлялись составы. Обслуживание в вагонах было тоже построено по американскому образцу с услужливыми проводниками в белых кителях.

Что нас ждало на типичной английской, как мне впоследствии представлялось, маленькой ухоженной станции в Чжэньцзяне? Никаких извозчиков, не было, кажется, и вездесущих рикш, а только паланкины, которые на английском мы почему-то называли стульями – «чери, chairs». Заботливые китайцы-грузчики усадили нас всех и кавалькада тронулась в путь во главе с Франком, распорядившись движением. Пронесли нас через весь, казалось, китайский город сквозь расступавшуюся толпу на улицах. Наконец, дойдя до ворот в стене, опоясывавшей иностранный квартал, свернули налево и стали подниматься в гору к большому двухэтажному дому по узкому переулку. Остановились возле железных решетчатых ворот, из сторожки вышел китаец, вежливым поклоном встретивший прибывших. Распахнулись ворота и паланкины с нами проследовали дальше, к самому подъезду – крыльцу, к которому вели широкие ступеньки. Вошли в дом. Прислуга стала следом вносить вещи, а мы осматривались кругом.

Все комнаты были обставлены мебелью. Квартира была казенная и располагаться было легко и удобно. Тут же был и Виллард, и мы с ним, несмотря на разницу в возрасте, стали бегать по комнатам. В некоторых комнатах были камин, вероятно, была и система центрального отопления, но из-за наступившей там раньше весны, не ощущалось никакой необходимости обогрева. Когда мы с дороги помылись и принарядились, китаец-бой позвал за стол, не помню, к обеду или к ужину. В общем, полная перемена обстановки после Мукдена, где мы мерзли в не отапливаемом доме, где не было у нас уже слуг и не подвозили, не покупали уголь и дрова. По-видимому, американскому консулу Понтиусу, торопившему нас с выездом, много пришлось потрудиться, чтобы привести в порядок дом после нашего отъезда, и установить, возможно, в нем центральное отопление вместо печного.

Освоившись со всеми переходами и коридорами, я залез по крутой лестнице на чердак, представлявший обширное, ничем не занятое пространство под крышей, со слуховыми окнами на три

стороны. Одно окно было с видом на реку и прилегающей к берегу части города с иностранным кварталом на первом плане. Впоследствии это сделалось излюбленным моим местом для наблюдения за пароходами, подходившими к причалам и дебаркадеру, укрепленному на якорях на довольно значительном расстоянии от берега. Это было местом стоянки речных судов компании «Батерфилд энд Сквайр» (Butterfield & Squire), владевшей судами также и для каботажного плавания. Постепенно я стал запоминать и другие иностранные компании, осуществлявшие рейсы своих речных судов из Шанхая до самого Ханькоу. Это была еще одна английская кампания «Жордан энд Матесон» (Jardin & Matheson), которую я сразу стал выделять по окрашенным в красный цвет дымовым трубам, японская «Ницин» с трубами, помеченными белыми полосками по сплошной черной краске, и своя, китайская, с желтыми трубами.

Пароходы были большие, с несколькими палубами, способные перевозить большое количество грузов и пассажиров. У китайской компании, называвшейся «China Merchants», был и крупный пароход с колесом на корме, делавшим его наиболее интересным типом речного парохода да еще и в единственном экземпляре. Открывающийся вид на эту могучую китайскую реку охватывал и остров, сплошь покрытый густой растительностью и проглядывавшими сквозь нее китайскими храмами. Остров этот иностранные жители называли Серебряным (Silver Island), и однажды мы всей семьей совершили на него поездку на маленьком речном катере. Застали на нем церемонию религиозного обряда по канонам буддийской веры, с монахами в красных, накинутых на голое тело хитонах, стоящих в два или три ряда, распевających молитвенные обращения к изваянию Будды, застывшему в позе медитации перед ними. Перед входом в храм были развешаны молитвенные барабаны, повернув который за ручку можно было избавить себя от многократного прославления Всеведающего – «о-ма-ни-пад-ме-хум».

Близко к острову подступал изогнутый в этом месте край берега, на котором в отдалении стоял город. Проход между островом и этим берегом был не судоходен для крупных судов и им приходилось делать большой крюк, обходя остров с другой его стороны. К таким судам относились морские пароходы, поднимавшиеся по глубоководной Чанцзян [Янцзы] до самого Ханькоу. Среди них – большие сухогрузы линии «Blue Funnel», имевшие окрашенные в

голубой цвет дымовые трубы. Имена их черпались из древней греческой мифологии.

По навязанным Китаю после неудачных войн несправедливым договорам плавание по внутренним водам было предоставлено всем судоходным компаниям, которые, конечно, располагали более солидным тоннажем и участвовали беспрепятственно во внутренних перевозках, оттесняя тем самым и отечественную китайскую «China Merchants» (Китайское торговое мореходство). Были и менее крупные китайские пароходства, а между близлежащими маленькими городками вдоль реки перевозки грузов и пассажиров осуществлялись небольшими катерами. Вместо парусных китайских джонок на реке пользовались баржами, буксируемыми катерами. Непостоянство ветров и изогнутая траектория реки не располагали к использованию парусов.

Все это впитывалось, как в губку, в мой взрослеющий детский ум.

Иностранный квартал состоял лишь из нескольких улочек, прибранных и ухоженных, с деревьями вдоль тротуаров и очень небольшим движением. Тут были и рикши, хотя и расстояния совсем небольшие, и несколько автомашин у обочины перед иностранными конторами. Помню большой пожар, на складах «Butterfield & Squire» горел сахар в мешках и разливался густой коричневой рекой вдоль тротуаров. Говорили, будто его сгребали даже ложками в банки.

Не помню, как и почему я вдруг заболел. Была высокая температура, я бредил и весь горел. Должно быть, болело горло, я плохо говорил и приходил врач-англичанин Ламли. Он сам или сестра, приходившая с ним, делали мне уколы в живот. Мама неотступно дежурила возле меня и раз, когда я очнулся от очередного приступа бреда, стала вдруг говорить мне о папе, о Гровере, где они сейчас и как им хорошо у Господа, и, может быть, я увижу их, главное, не надо бояться... Потом у меня опять начинался бред и представляю, как переживала мама, когда доктор Ламли сомневался в благополучном исходе болезни. У меня, видимо, был дифтерит.

Не помню, как я начал поправляться. Снова возвращались ко мне силы, интерес к окружающему. Наконец я выздоровел. За домом находилась горка, и я стал опять лазить и, вспомнив Мукден, из поломанных веток смастерил мачту с перекладиной, раздобыл у мамы или у Кати кусок голубой материи, поднимал на мачте флаг. В Мукдене перед консульством были флагштоки, вот и у меня

появился. Не было только собаки, придуманной мной в Мукдене «страны Ралии», по имени отданной кому-то моей «пекинки».

Но все хорошее быстро кончается. Франку опять вышел перевод по службе в таможне. Не знаю, сказалось ли то, что он был женат на русской, но назначение было на границу с Россией, в местечко Суйфэньхэ. Это китайский городок, где обрывалась КВЖД на станции Пограничная с переходом через границу на русское Гродеково. Опять дорога, собираться в путь. Временами я был еще под впечатлением тяжелой, недавно перенесенной мной болезни. Вспоминался отец Сергей, провожавший в последний путь моего отца, вспоминалось, как задушевно он меня утешал, ласкал меня и повторял, что «все там будем, у Бога на небесах». «Не так ли?» – добавлял он при этом обычную в японском языке добавку к какому-либо утверждению. От священника мои мысли перебежали к его сыну, приходившему также в наш дом. Он был много старше меня и приходил в форме японского школьника, но я запомнил его и в японском кимоно, вызывавшем у меня неподдельный интерес своим сходством, как мне казалось, с женской одеждой. Непонятным образом мои мысли переключались на японское консульство за прудом в Мукдене, которое занимало с целым рядом одноэтажных пристроек, почти не выглядывавших из-за высокого забора, целый квартал. Говорили, что в одной такой пристройке, а скорее отдельной казарме, содержались пленники из числа корейских патриотонационалистов, боровшихся за отделение Кореи от Японии. В этой связи запомнился и вывешенный как-то недалеко от домика Гровера в Мукдене корейский флаг с символом «ба гуа» посередине и черными то сплошными, то прерывающимися черточками по краям полотнища. Дома отец с мамой тогда говорили о выступлении корейцев, произошедшим в городе, и было это, кажется, в 1919 году, то ли 1 сентября, то ли 1 марта⁴⁹. Не в казематах ли японского консульства сидели эти несчастные, болевшие душой за свою родину корейцы, не пытаются ли, не убивают за этими высокими стенами из красного кирпича? – раздумывал я...

В связи со сборами в дорогу в Чжэньцзяне, когда пересматривались и укладывались вещи, вдруг хватились, что нет мехового боа Кати, очень ценного. И тут вспомнился эпизод: по лестнице со второго этажа в нашем доме как-то спускался один из слуг, занимавшийся уборкой помещения, и очень странно ставил ноги на ступеньки. Вскоре он исчез, не попросив расчета. И Катя, и Франк тогда даже обрадовались, что избавились от слуги, вероятно,

---

как они подумали, болевшего венерической болезнью. Тут-то и пришло в голову внезапное объяснение его тогдашней «странной» походки – он уносил этот дорогой мех, спрятав его в штаны...

Когда уже начали выносить вещи, появился мальчик из рядом находившегося дома, где жили американские миссионеры. С ним у нас налаживались дружеские отношения, но, начитавшись Марк Твена, я как-то стал объявлять ему мое возмущение тем, что американцы так жестоко поступали с неграми, били их и истязали. Конечно, говорилось это на очень плохом английском – я безбожно коверкал некоторые знакомые английские слова, при этом еще и широко использовал язык жестов. Он обиделся и стал возражать, и временно наши встречи через забор прекратились.

Участок, где находился дом, в котором он жил, и следующий за ним, был ниже нашего, и нам хорошо было видно, что у них стоит в углу двора китайский гроб, окрашенный в черный цвет, покрытый брезентом от непогоды. Надо сказать, что состоятельные китайцы хоронили своих мертвецов в очень крепких гробах с толстыми стенками, выпуклой формой наружу и массивной крышкой, края которой переходили за стенки, таким образом как бы оберегая покойника от любого воздействия окружающей среды. В таком состоянии гробы у китайцев иной раз стояли не погребенными на кладбищах месяцами, пока не съезжались родственники для проведения торжественных похорон.

Конечно, моего запаса английских слов не хватало, чтобы задать вопрос, что это за гроб во дворе, и почему его долго так держат. Потом гроб вынесли китайцы-грузчики, и ясно было, что его куда-то увезли. Дома мне объяснили, что американцы привыкли хоронить своих покойников на родине и потому гроб вынесли со двора, чтобы отправить в Америку.

В доме у Кати господствовал английский язык, Катя плохо осваивалась с французским, а Франку английский был нужен и по работе, так как вся документация и оформление на таможне шли на английском языке, разумеется, с соответствующим переводом на китайский. На английском же печатались ежегодные справочники по работе таможенного ведомства.

...Теплый южный климат помог маме полностью избавиться от болезни. Мы с ней даже ходили в кино в квартале для иностранцев. В зале были мостки позади, повыше мест в партере, обычно занимаемые китайскими зрителями, для которых делался устный перевод по ходу развития действия в фильме. Было строго

запрещено курение. Зрители иногда перешептывались не совсем понимая перевод который осуществлялся субтитрами. Ведь это еще был век немного кино! Европейские зрители получали места на мостках – широком помосте сзади, где сильно было слышно стрекотание мотора.

У мамы появились знакомые среди местных дам, особенно близко сошлась она с мадам Алибастр, женой комиссара таможни. Она была русская по национальности, а встретить в Чжэньцзяне соотечественницу было для нее приятным сюрпризом. Лето было в полном разгаре, стояли жаркие, душные дни и мадам Алибастр пришла в голову мысль доставить маме удовольствие поехать в горы, провести несколько дней в охотничьем домике, вдали от города наслаждаться чудными местами. Поехали на «черах», и мама взяла меня с собой.

Первые два-три дня были превосходными. Китайские носильщики бодро шагали в гору, изредка останавливаясь для отдыха. Наконец, показался в гуще деревьев маленький домик. Приведя себя в порядок, мы освежились и поспали – при домике был буфет и прислуга, делавшая все для нашего комфорта. Была и библиотечка, и текущие номера шанхайских газет и журналов из Англии «Illustrated London News» и другие. В общем, мы были довольны, и у мамы была внимательная слушательница, с которой она делилась своими наблюдениями и рассказами из прошлой жизни.

Но вдруг погода испортилась, полил проливной дождь, в домике стало сыро и зябко. Для нас разожгли камин. Мы же уже начали испытывать нетерпение – погода все ухудшалась. Я бесконечно листал иллюстрированные журналы, высказывал свои замечания, не всегда удачные, и тогда надо мной дружно смеялись две дамы. Всему бывает конец, и на небе снова появилось солнце. Подождали, пока дорога назад не станет проходимой, и бедные наши носильщики понесли паланкин назад. Дорога вилась вниз по серпантину, с высоты была видна железная дорога, шел поезд, все меня радовало, и я постоянно кричал: вот одно, вот другое!

Теперь дорога повела нас вперед, вдоль гольф-клуба, где собирались иностранцы, проводившие по обыкновению свой досуг за любимой игрой. Всюду, куда они попадали в Китае, они старались воссоздать привычную для себя обстановку. На площадках при гольф-клубе проходили и детские соревнования по бегу, и еще смешной бег с яйцом в ложке. Выигрывал тот, кто приходил первым

и доносил яйцо до финиша. Еще соревновались в беге в мешках, играли в прятки и разные другие игры. Уже у самого города другая дорожка, выбранная носильщиками, шла по-над станцией, рельсы уходили под гору и пропадали в тоннеле. В общем, поездка вполне удалась, хотя Катя уже начала беспокоиться из-за нашего долгого отсутствия.

Потом, когда сборы были закончены, предстояла опять дорога на станцию, также на «черах». Виллард уже достаточно попрос и тоже был охвачен волнением – предстоящее путешествие захватило и его. Из Шанхая мы должны были плыть морем до Маньчжурии, а оттуда уже Катя с Франком и Виллардом отправлялись на Пограничную, а нам с мамой предстояла дорога в Харбин. Дольше терпеть было нельзя – меня надо было определить куда-нибудь учиться. От пребывания в Чжэньцзяне на фоне спора с американским мальчиком о положении негров и отделения для китайцев специальных мест в кинотеатре у меня осталось в душе неприятное ощущение – я открыл для себя существование неравенства людей, какого-то превосходства одних над другими, что меня очень заботило, и искал этому объяснения.

В Чжэньцзяне у меня не было возможности общаться с китайцами, даже с теми, которые нам прислуживали, так как они говорили на другом наречии и меня не понимали, поэтому общение происходило на ломаном английском, получившем название «Pidgin English». Приведу для примера некоторые сохранившиеся в памяти слова этого языка, создавшегося на смешении английских, а часто и французских слов, с характерными для последних окончаниями и построениями. Например, «сави-но-сави» (фр.) – «знаешь или нет», «било-чило-мальчан» – «было», «булчило» – искаженное английское «чайлд», «топи-топи» – «поговорить» (англ.) и т. д. На таком языке общались на бытовом уровне с китайским населением не только в Шанхае, но и в других портовых городах Китая.

Французский банк, в котором был заморожен вклад отца, стал проявлять признаки возвращения к жизни. Благодаря ли стараниям Франка или естественным ходом развития событий, но мама была признана наследницей, снова открылся денежный вклад, на который стали поступать выходившие в тираж облигации китайского займа в погашение боксерской контрибуции. Мама становилась обладательницей живых денег и зависимость от Кати уменьшилась.

Шанхай во время первого знакомства с городом мне мало запомнился, он, видимо, просто ошеломил меня своей бурной

жизнью, интенсивным движением транспорта, шумом и многолюдьем. Да и были мы там очень недолго, и не помню, где останавливались.

Франк посадил нас всех на пароход, готовящийся к отплытию, и сел сам, завершив все формальности. Пароход был каботажного плавания, «Chusan» под английским флагом и принадлежал пароходству «Butterfield & Squire». Плавание должно было завершиться в порту Аньдун в устье реки Ялу, разделявшей Китай и Корею. На пароходе было только несколько кают для случайных пассажиров, основное назначение его было для перевозки грузов. Мое знакомство с пароходом было чем-то необычно интересным. Я заглядывал во все уголки, особенно интересовало меня машинное отделение, которое показал нам старпом. Туда все старался проникнуть кот, искавший тепла от появившейся стужи. Раскачивание парохода и шум разбивающихся о его борт волн завораживали меня. Заглядывая вперед по ходу движения, я восхищался зрелищем того, как нос парохода рассекал морскую гладь.

Первая остановка была в Чифу, как его называли все иностранцы, живущие в нем, как называли они и Мукден – Мукденом, хотя у этих городов были другие, коренные китайские названия. Чифу был Янтай, а Мукден в то время был Фынтяном. Появление отличных от китайских названий произошло в пору первых знакомств иностранных путешественников с Китаем. Мукден возник, видимо, от маньчжурских или монгольских корней, а Янтай от каких-то совершенно иных причин⁵⁰. Что меня особенно порадовало и воодушевило, так это русский пароход, стоявший на якоре недалеко от нашего «Chusan» во время краткой стоянки. Развешивающийся на корме российский триколор вызвал во мне взрыв патриотических чувств. Я прочел и название парохода — «Индибирка» и порт приписки — Владивосток. Во Владивостоке еще не установилась тогда советская власть, происходила частая смена местной власти — то братья Меркуловы⁵¹, то Дитерихс⁵², генерал, поднимавший народ на шествия по городу с иконами и молитвами о спасении города и мирной жизни в лихолетье уже по существу закончившейся гражданской войны. Вот и сохранился во Владивостоке еще бело-сине-красный флаг, который развевался на пароходе, зашедшем в иностранный порт. Выгрузка и погрузка грузов на рейде в подошедшие баржи была короткой, и мы снова вышли в море.

Впечатление о Чифу было самое поверхностное. Улицы города и постройки подходили близко к берегу. Вдали виднелся пляж, по

которому бродили случайные любители полюбоваться прибоем. Была уже глубокая осень, шел год 1922-ой...

Через короткое время плавания пароход остановился вне видимости Ангуня, в широком устье реки, вливавшей свои желтые воды в море, как и в Шанхае. На выходе из Шанхая «Chusan» тоже проходил мимо небольшого кораблика, приткнувшегося к берегу, кажется, даже со сходнями, на котором можно было различить название «Охотск», но флага на нем не было, да и никаких признаков присутствия жизни. Он был по правому борту, а по левому должны были проходить форты Вузуна [Усун], но их не удалось разглядеть — ширина водного простора была чрезвычайно велика. Впоследствии в этих местах разыграются ожесточенные бои с высадкой японцев во время начавшейся в 1937 году войны между Японией и Китаем.

Вот и прибыл наш «Чусан» в Аньдун. Ни берега, ни причала. Остановились на внешнем рейде. Город не из важных, на самой границе Китая с Кореей. На корейской стороне – Синьдзу [Синьиджу], вероятно, покрупнее – торговый порт. И между ними река Ялу. Лесные концессии, расположенные в ее верхнем течении, и были, кажется, яблоком раздора, поводом для начала Русско-японской войны.

Помнится, я ждал с интересом, как нас доставят на берег, а может, будут и при нас разгружать судно, поднимать из трюмов привезенный для Аньдуна лебедками груз. Память не сохранила такой разгрузки на пригнанную баржу, о чем мне рассказывали. Не помню, как попали мы на берег и благополучно добрались до железнодорожной станции. Только Катя и особенно мама сильно волновались за Вилларда, чтобы с ним не случилось бы чего-нибудь в сутолоке.

Снова в поезде, который довезет нас до Мукдена. Опять проводники в белоснежных кителях. Ехали мы по первому классу, со всякого рода обслугой и удобствами. Переезд из Аньдуна в Мукден был не особенно долгим, и поезд подали на отдельную от других платформу. Опять громадное здание вокзала с шапкой купола над его центральной частью. Шумная толпа на перроне, пересадка на основную магистраль дороги, теперь уже Южно-маньчжурской. Привычная эмблема на товарных вагонах, тут же перегонявшимися на другие пути маневровыми паровозами под звон установленных на них колоколов. Эмблема эта в виде поперечного сечения железнодорожного рельса на фоне стилизованной буквы «М» с выгнутыми наружу боковыми стенками, сходящимися к подножию

рельса – намек на монопольное владение всей железнодорожной сетью Маньчжурии в будущем.

Мукденский пассажирский вокзал занимал довольно обширный участок земли, внутри вокзала находились обширные залы, комнаты отдыха для обычных пассажиров и для высокопоставленных, а на верхних этажах помещения гостиничного типа для пассажиров, останавливающихся в Мукдене на непродолжительный срок.

Не помню деталей дальнейшего путешествия до очередной, на этот раз последней, пересадки в Чанчуне на поезд уже КВЖД, который доставил нас до места назначения – в Харбин.

К одному перрону с противоположной его стороны подходили соответствующие составы ЮКЖД и КВЖД. Русские вагоны КВЖД были совершенно не похожими на японские. На русских вагонах были окошечки обычного городского типа, сами вагоны не были такими вытянутыми в длину, как японские, и лесенки в них со ступеньками не такие удобные. Мной овладело некоторое разочарование при сравнении их с японскими пульманами. Они качались и гремели на ходу, и сцепка их одного с другим была не автоматической, а в общих вагонах, в которых мне впоследствии приходилось ездить во время учебы, проводником зажигались в фонарике свечи.

Моя любознательность и в ту пору была изумительной. Отправление со всех встречных станций сопровождалось звонками по счету – первый, второй – такого на ЮМЖД уже не было. Подавалась, кажется, световая сигнализация с плавным отходом поезда и свистками проводников и начальника поезда. Обратил я внимание и на то, что вдоль полотна железной дороги провода телеграфно-проводной связи провисали от столба к столбу больше, чем на ЮМЖД, и на самих столбах у японцев они кучно сбегались к поперечным балкам, в отличие от того, как, значительно уступавшие по количеству на КВЖД, поддерживались изоляторами, просто воткнутыми сбоку в столбы. Это должно было указывать на меньшее количество средств связи, следовательно, и меньшую степень развития систем коммуникаций.

Поезд приближался к Харбину, оставляя сбоку ряды невзрачных домиков и, наконец, переходя многочисленные стрелки переводов с одного пути на другой, остановился у пассажирского перрона. К вагонам сбегались комиссионеры, как их называли, различных гостиниц, и нам попался комиссионер из гостиницы «Гранд-отель», название которой располагало к выбору именно этой.

Гостиница была недалеко от вокзала, вправо от него в первую поперечную улицу, и мы были доставлены туда на извозчиках, поскольку в городе еще не было сильно развито передвижение на автомашине. Пока мы устраивались в номере, Катя с Франком пошли на поиск отведенной нам квартиры в казенном Доме таможи. Он тоже оказался недалеко, и через день-два, пока его приводили в порядок, мы смогли в него перейти. На следующий день выйдя из гостиницы, мы с Виллардом увидели русского парня в форменной шинели, с шашкой и с фуражкой на голове. Мама обратилась к нему с вопросом, не полицейский ли он. Оказалось, он действительно был стражем порядка, и его смущало, что теперь он в подчинении у китайских властей.

Дом с отведенной нам квартирой на втором этаже был по Железнодорожному проспекту, почти напротив здания Управления дороги с большими венецианскими окнами, в два этажа, на углу другой, поперечной улицы. Открывая с улицы входную дверь, надо было подняться по лестнице на второй этаж. Наверху была небольшая прихожая, столовая и жилые комнаты, на задах кухня и ванная с туалетом. Внизу жили тоже работники таможи и что-то громко заколачивали.

В городе были заболевания корью или скарлатиной, и меня пугало, не случилось ли внизу несчастье и не заколачивают ли гроб.

Немного выше по Железнодорожному проспекту, выходящему на вокзальную площадь, было очень импозантное здание Русско-Азиатского банка. На нем над куполом, венчающим это здание, развевался по выходным дням французский флаг. Мне объяснили, что поскольку правление Русско-Азиатского банка перемещено в Париж из-за революции в России, то он находится теперь под защитой Франции.

Проспект был широкий и шел в гору и на конце его был виден высокий кафедральный собор⁵³, впоследствии мной осмотренный, деревянный, в котором позже, учась уже в гимназии, мы посещали церковные службы, слушали Двенадцать Евангелий и говели. Весь он был срублен из дерева, и, как говорили, без единого гвоздя. Вокруг него была железная узорчатая ограда.

Теперь оказалось возможным заняться вопросом моей учебы. Итак, мной был пропущен почти целый год после того, как от нас в Мукдене уехал мой последний репетитор Николай Иванович Изотов. Сперва мама захотела возобновить прежние связи и решила поехать со мной к семье Хорват. До того Хорват возглавлял русскую

администрацию в полосе отчуждения и был в чине генерал-лейтенанта. Жена его, Камилла Альбертовна, происходила из талантливой семьи Бенуа, отлично рисовала и в один из своих приездов в Мукден нарисовала мой большой портрет, который впоследствии берегла у себя Катя и который бесследно исчез после гибели всей семьи Кати в морской катастрофе. Виллард оставался тогда в Китае, и в отпуск Катя его не взяла. К сожалению, Хорватов мы дома не застали. Жили они в старом Харбине, среди обширного сада с высокими деревьями, в большом особняке, к которому вела усыпанная гравием извилистая дорога. Нам сказали, что Хорваты уехали в Пекин утрясать какие-то текущие дела с передачей полномочий генерала китайскому правительству по управлению полосой отчуждения. На папиных фотографиях я потом находил фотографию Хорвата, статного старика в военной форме при шашке, на перроне мукденского вокзала. Носил он бороду, что для меня было непривычным – до того бородатых людей мне не часто приходилось видеть. Папа бороду не носил, только усы, и борода была только у Груннера, о котором была речь ранее.

Меня наполнила грусть по поводу ухода из города русской власти, я так и не успел застать ее во всей силе. Над административными зданиями, связанными с железной дорогой, развевались уже флаги, разделенные надвое по диагонали – слева китайский, пятицветный, а справа, как бы на отлете, русский триколор.

Не застав Хорвата, мама решила действовать самостоятельно. Снова мы поехали на извозчике, на этот раз в Коммерческое училище, самое привилегированное учебное заведение Харбина. На улицах преобладало русское население, были русские магазины, все это ласкало взгляд после жизни в исконно китайских городах, где иностранцы жили обособленно, в концессиях. Движение на улицах было не настолько большим, каким я успел его заметить в Шанхае. Мостовые были выложены бульжником, и дорога была тряской. Стояла уже глубокая осень, небо хмурилось, и вот-вот должен был появиться первый снег.

Почему-то мама решила, что будет более успешным увидеться с директором Коммерческого училища не на работе, а дома, и я помню, как мы ехали, расспрашивая, как добраться до его дома. Наконец, мы нашли одноэтажный дом, каких было много вокруг, казенного типа, для служащих дороги. Нас впустили и оказалось, что Борзова⁵⁴, директора, вот-вот ждут с работы. Пока мы сидели в гостинице, раздавался звук открываемой двери, и нам было видно, как

входил в опорошенной снегом шубе немолодой благообразный мужчина. После представления мама объяснила цель визита, кивая на меня. Я, конечно, обомлел, ожидая решения своей судьбы.

«Нет, не могу, уважаемая Софья Григорьевна, классы все заполнены, нет мест, да и не можем принять школьника со стороны. Училище только для детей железнодорожников», – таков был его ответ. С тем мы и уехали, не добившись никакого исключения из правил, хотя нам было известно из расспросов, что в Коммерческом училище учились далеко не одни дети железнодорожников. Извиняло Борзова только то, что город был действительно переполнен беженцами из России, многие из них имели громкие звания и имена, и для них такие исключения делались.

На улицах попадались школьники в форменных шинелях с фуражками – еще не настала пора меховых шапок. На фуражках кокарды из двух переплетенных веточек и какого-то вензеля. За плечами – ранцы. Все это фиксировал глаз, и запечатлевалось в памяти.

Катя помогала в наведении справок о других учебных заведениях. Выяснилось, что открылась недавно новая смешанная школа – все другие были переполнены учащимися. Эта школа помещалась в здании ХСМЛ⁵⁵, американского культурно-спортивного объединения для молодежи, незадолго перед тем открывшего филиал в городе. Находилось оно на Садовой улице – сразу было отмечено мной, что и улицы в городе носили русские названия. Найти дорогу не представляло никакой трудности, к тому же и извозчики были преимущественно русские. Были и двухколесные «драндулеты» на два сидения – одно для возницы, другое для седока. Автомобилей в городе было мало, такси – маршрутные: Пристань – Модягоу с остановкой в Новом городе возле магазина Чурина⁵⁶. Все это замечалось и постепенно запоминалось. Появились, и как говорили, незадолго до нашего приезда, автобусы «Магируссы»⁵⁷ на твердом ходу, посадки в которые производились сзади по маленькой приступочке из двух или трех ступенек. Они отчаянно грохотали по бульжной мостовой. Шоферы и кондуктора были русские, недостатка в рабочей силе в городе не ощущалось, возникали магазины и мелкие предприятия – среди беженцев из России было много предприимчивых людей. Однако были и недостатки: попадались нищие, особенно на паперти у храма.

Виллард был еще маленький, особых забот с ним не было, а вот меня надо было учить, учебный год уже начался, и наши пути повели меня с мамой на Садовую, в Новую смешанную гимназию.

Мне уже исполнилось 11 лет. Маму давно угнетало сознание того, что я не получаю должного школьного образования. Это и заставляло торопиться. И вот мы снова в пути по брусчатке харбинских улиц. Рядом с нашим домом, на другой стороне переулка, красивое здание из красного кирпича, над одним входом бельгийский флаг – очевидно, консульство, над другим — вывеска «Чистяков и К^о». Это видное частное предприятие с главной конторой в Ханькоу. Чуть подальше, на другой стороне Железнодорожного проспекта было внушительное здание с куполом – Русско-Азиатский банк. За ним и ближе его – другие дома.

Почти весь квартал огорожен железным решетчатым забором. Дорога шла в гору, к харбинскому собору Св. Николая. Слева же, чуть не доходя поворота, в обход собора, стоял маленький деревянный домик недавней постройки, казалось, с еще не просохшей свежескоричневой краской под вывеской «Русское дело». Это было одно из возникших мелких предприятий, создаваемых наиболее предприимчивыми из нахлынувших в город русских беженцев. Судя по их числу, можно было убедиться в масштабах произошедшей в России катастрофы. Рухнуло Белое движение, пытавшееся противостоять стремительно надвигавшейся Красной армии. В этом «Русском деле» продавали книги и писчебумажные товары, много было книг и газет, издававшихся тогда в западноевропейских странах на русском языке. Продавцами были бывшие офицеры.

В разговорах часто упоминались все эти грозные события, и у меня в памяти возникала фигура отца, несколько лет перед тем подошедшего в нашем мукденском доме к лестнице на второй этаж и громко крикнувшего маме: «Юденич у Петрограда!» Видно, его сильно всколыхнуло это известие, и он торопился поделиться им с мамой. Не родилось ли у него в тот момент трепетного ожидания возможных перемен, которые принесли бы успокоение разбушевавшейся стихии гражданской войны? Здесь, в Харбине, можно было воочию убедиться в тщетности тогдашних надежд...

В Китай хлынули разбитые белые части и даже, как говорили в городе, якобы привезли с собой тело убитого генерала Каппеля⁵⁸, одного из сподвижников Колчака, чтобы похоронить с почестями на местном кладбище.

И вот мы с мамой в канцелярии Новой смешанной гимназии. Принял нас директор <Владимир> Фрюауф <Frueauf>. Никаких вступительных испытаний мне не пришлось проходить. В массе своей дети беженцев принимались даже без документов, по возрасту определялись в подходящие для них классы. А тут я, уже набравшийся достаточно солидных знаний, знающий все четыре действия в арифметики, бойко читающий и хорошо писавший. Так что путь мне был сразу во второй класс, хотя до него был еще первый, а перед первым два приготовительных – старший и младший. Не знаю, предьявляла ли мама при этом какие-нибудь документы, похоже было, что одного ее слова оказалось достаточно.

Я ошалел от шума и гама школьников, вырвавшихся из классов на большую перемену в большой зал рядом с канцелярией. Провели меня в класс. Все классы были в полуподвальном этаже, с широкими окнами. Подвели к классной руководительнице, назвав меня и удостоив при этом лестной характеристики. Сперва посадили меня на парту в конце класса, среди двух-трех мальчишек, воззрившихся на меня во все глаза. Стали сбегаться с перемены и остальные ученики. Не помню, какой был мой первый урок в школе, обстановка для меня была настолько новой и необычной, что впечатления наслаивались одно на другое, и к концу занятий я совсем обалдел.

На следующий день я чувствовал себя более уверенно, на большой перемене ребята с соседних парт взялись меня качать, и я стал потихоньку втягиваться в жизнь класса. Играли в поддавки – это когда надо было сбить руку у партнера, державшего ее согнутой и прижатой к голове. Потом прыгали друг через друга, один, нагнувшись, опирался рукой на одно колено, а другой с разбега должен был перепрыгнуть через него, при прыжке отталкиваясь от его развернутых плечей. Наконец, устраивали «кучу малу», когда все сбивались в кучу и барахтались в углу зала. Иногда кому-нибудь взбрело в голову посадить другого себе на плечи, удерживая его своими откинутыми назад руками и в таком положении насакивать на другую такую же сдвоенную фигуру, стараясь сбить ее с ног. Падали, ушибались, дрались и, бывало, доходило до слез от обиды или горечи поражений.

По большей части школьники были в форме, но были и одетые во что попало: родители не всегда располагали средствами хорошо одеть своих мальчишек. Гимназия была смешанная, были и девочки, однако их было немного, и они жались друг к дружке, стараясь

держаться вдали от мальчишек с их возней. Да и мальчишки мало на них обращали внимания.

По проторенной дорожке я стал ходить в школу один, с ранцем за плечами. Раз я пришел домой с раскрытым ранцем, из которого кто-то, посмелее меня, сумел, запустив руку, по дороге вытащить пенал.

Однажды по дороге в школу со мной произошел случай, заставивший меня потом краснеть от досады. К этому времени китайцы уже ввели в полосу отчуждения свои вооруженные силы, и в городе появились китайские солдаты, разнузданные и нахальные. И вот раз вижу, что из «Магируса», шедшего по одной из боковых улиц и уже выезжавшего на Железнодорожный проспект, вдруг выпал человек. Поблизости был китайский солдат, и я по простоте душевной сказал ему об этом, надеясь, что он окажет упавшему помощь. Вместо этого солдат бросился бежать за уходящим автобусом, увидел поблизости извозчика, вскочил на него и приказал догонять автобус, оставив человека лежать без всякой помощи на брусчатке. К счастью, на улице были еще пешеходы, бросившиеся на помощь к лежавшему и поднявшие его. Я же, пристыженный неожиданностью результата своего поступка, пошел дальше. Меня потрясло открытие того, как я ошибся в человеке, и встревожила мысль о том, что солдат, если догонит автобус, может жестоко расправиться с шофером.

В то время в городе было много отпетых хулиганов и среди русских. Происходили нападения на случайных прохожих, об этом я не раз слышал от Глеба, а Франк при этом говорил, что нечего бояться, необходимо уметь самому себя надежно защищать. При этом он демонстрировал приемы с выдвинутыми в толчке пальцами каждой руки, сжатыми в кулак, и уверял, что так можно нанести крепкий удар. Глеб высмеивал этот прием, и раз вечером инсценировал нападение на Франка. Быстро схватив Франка за руки, Глеб повалил его, и Франк не сумел ничего предпринять в свою защиту. Глеб любил вспоминать этот эпизод; Франк, не теряя красноречия при этом, себя всячески выгораживал.

В доме на Железнодорожном проспекте жить нам пришлось недолго. Остановка в Харбине была лишь прелюдией к основной службе Франка на Приграничной. Нам же не оставалось ничего иного, как присмотреть себе жилье и взять к себе Глеба, который уже заканчивал учебу. Мы обосновались в доме Кролла на Гиринской. Там были квартиры на три комнаты в трехэтажном доме. На последнем, третьем, мама и сняла квартиру. Однако она была не

совсем неудобна для нас, и вскоре мама принялась за поиски более удобной. Мы еще не съехали из этой квартиры, когда произошло сильное землетрясение в Японии, и я хорошо помню панические настроения среди тех, у кого были сбережения в японской йене.

Власть в Харбине была уже полностью в руках китайцев. Сиротливо висела на одноэтажном доме на одной из улиц вывеска «Русская почта». Дверь была на замке, большой двор, на котором в свое время, как рисовало воображение, находились повозки на конной тяге, перевозившие мешки с почтой, был пуст. К тому времени я уже пристрастился к собиранию марок. Одноклассники, некоторые из которых уже имели стаж коллекционирования, посвящали меня во все тонкости этого хобби. В нашей семье сохранялся подаренный кем-то Глебу альбом с крепкими застежками сбоку, и я, соревнуясь с другими в похвальбе, громко заявил, что у меня марок «целый миллион»! Я разыскал этот альбом, и мне стало не по себе за неумную похвальбу — марок-то в нем оказалась лишь небольшая горсть!..

Учителя были высокого мнения обо мне и как-то сказали об этом матери одного ученика, Володи Перемилковского. Этого мальчика мать тщательно оберегала от «вредного влияния» других мальчишек. Она ухаживала за мою положительную репутацию хорошего ученика, и в результате меня пересадили к нему. Он слыл примерным учеником, никогда не участвовавшим в драках, и мы с ним подружились настолько, что он стал звать меня к себе. С лица он был сильно смуглым, но с голубыми глазами. Мать у него была еврейка, врач по специальности, а отец – типичный русак, где-то работавший⁵⁹. Был он страстным коллекционером марок, однако в этом не признавался, прячась за Володю, который будто бы был единоличным владельцем коллекции. Володя еще был в плену детских развлечений, собирал марки разных стран, придумывал свои марки для какой-то сказочной страны, которую назвал «Новой Персией». Отец потакал ему в его фантазии. Даже придумал игру, в которой страны с наибольшим количеством собранных марок, возводились в ранг королей, ниже – принцев, князей, баронов и лордов. Меня забавляла эта игра, просматривая его марки, расклеенные на листах ватмана, я с большой энергией стал собирать марки сам. В этом помогало мне и мое увлечение географией. Я брал книги из библиотеки французского писателя-географа Элизе Реклю⁶⁰, чтобы расширить круг своих познаний.

Меня приводили в восторг рассказы о малых государствах Европы с их интереснейшим историческим прошлым – Черногории, Люксембурга, Лихтенштейна, Сан-Марино. На сэкономленные на завтраках деньги старался купить марки этих стран в «Конторе марок» на Китайской улице, принадлежавшей Аверсту⁶¹.

Преподавателем географии в гимназии был Ламанский⁶². Он был внушительных размеров мужчина, обладал большим объемом знаний по географии, почерпнутым, по-видимому, из собственных путешествий по миру. Он иллюстрировал свои уроки географии показом фотографий тех мест, о которых он рассказывал. Ламанский предложил нам план – собирать снимки из журналов и отобрал нескольких мальчишек, меня в том числе, для похода по иностранным конторам, где мы должны были собирать старые журналы, из которых вырезать иллюстрации и клеить их на листы плотной бумаги. Эта забава меня очень увлекала.

Китайцы построили в городе большое здание почтамта. Не знаю, на основании каких предположений мама считала, что там, на почтамте, могут оказаться и для нас письма «до востребования». Связь с нашими родными в России давно прервалась, и мама часто горевала, что не имела никаких сведений о Всеволоде, а также о своих братьях и их семьях – о моих дядях и тетках. Со стороны отца с нами поддерживал переписку только дядя Николай Александрович, но и от него не поступало никаких известий о Всеволоде, кроме того, что он ушел из-под его присмотра и женился на Марии Кирилловне.

И вот однажды, не помню, каким образом, мама получила сведения о том, что с нами хочет встретиться приезжий из России, якобы имеющий сведения о Всеволоде. Помню, мы отправились в неведомые мне пригороды и там, в уютной квартирке железнодорожника, встретились с человеком, который назвался Мамаевым⁶³. Он рассказал о Всеволоде, что он не терпит никаких лишений, наоборот, благодаря знанию китайского языка приносит большую помощь родине. Мама вступила с ним в спор о роли революции в жизни народа, о своем неприятии нового режима. Он вежливо парировал все ее обвинения. От Всеволода он привез даже короткую записку, в которой Всеволод жалел, что мы продолжаем жить среди «миазмов загнивающего старого мира» и как было бы хорошо встретиться в обстановке «свободы и благополучия», которая теперь открылась в России. Встреча эта ни к чему не привела, мы вежливо распрощались, и я не помню, передала ли мама ответное послание Всеволоду. В общем, стали рассматривать этот

эпизод как пропагандистский трюк, тем более, что в Харбине в то время, по мнению многих, появилось много политических агитаторов за признание эмигрантами из России советской власти. К тому же Китай признал СССР, и на смену Остроумову как управляющему КВЖД спешил из Москвы новый глава дороги Эйсмонт⁶⁴ с целым рядом новых начальников отдельных служб в руководстве дороги. На объединенном двуедином флаге КВЖД место русского триколора занял алый флаг Советского Союза.

Встреча с Мамаевым забылась, не возвращался к ней и я, когда впервые после нескольких десятилетий разлуки снова встретился со Всеволодом в Ленинграде. Наиболее активные оппоненты советской власти среди эмигрантов стали муссировать слухи о подрывной деятельности советских агентов и, возможно, послужили в скором времени причиной налета китайской полиции на советское консульство, приведшего к сильному обострению отношений между Китаем и Советским Союзом⁶⁵. За этим последовали переговоры, и инцидент был улажен дипломатическим путем с принесением китайцами извинений.

На рождественские каникулы мы съездили к Кате на Пограничную. У них была маленькая квартирка, хорошо обставленная и уютная, и мы провели там с мамой несколько дней. Франк показывал на невысокие холмистые гряды на горизонте и говорил, что там – Россия. Близость России ощущалась не только в этом. На железнодорожных путях стояли товарные составы с эмблемой скрещенных серпа и молота, попеременно с другими вагонами, на которых еще оставались нестертыми императорские орлы.

В доме Кролла на первом этаже жила семья, имевшая родственников в Приморье, и мне перепали от них марки с писем, которые они получали из Владивостока с надпечаткой «Д.В.» на советских марках и новыми номиналами в золотых рублях.

Прошла власть Меркуловых во Владивостоке, еще цеплявшаяся за старые порядки, не удержался и Дитерихс, царский генерал, организовывавший шествия по городу с иконами, призывая Бога спасти последний оплот Белого движения. Ушла в море и флотилия адмирала Старка, по пришедшим позднее сведениям нашедшая приют на Филиппинах⁶⁶.

После возвращения с Пограничной мы вскоре обосновались на новой квартире, снятой мамой на Стрелковой улице в Новом городе. Меня забавляло и радовало, как сохранялись русские названия улиц,

---

как долго еще в городе держался русский дух. Был даже женский монастырь, бесчисленное количество церквей, митрополичье подворье, и всюду русские лица, русский говор.

Между тем, в нашу гимназию как-то приходили представители и новых стран, появившихся как отдельные государственные образования. Был визит эстонского консула, видимо, среди учащихся были и дети прибалтов. А на спуске по Гоголевской к Модягоу было здание, в котором обосновался Украинский дом.

На Стрелковой улице мы стали жить по укладу, более или менее напоминавшему старый наш Мукден. Была у нас прислуга – русская, уже немолодая женщина Аннушка. В квартире из трех комнат была и коморка для прислуги. И это было для меня новшеством, до этого прислуга в доме всегда была из китайцев. Впрочем, в Харбине во многих домах были и повара китайцы, которым по привычке всегда давали русские имена, все чаще звали их Николаями. На вокзале, возле выхода на перрон, был большой образ Святителя Николая, китайцы его очень чтили и ставили ему свечи перед посадкой на поезд. А вот собор не сберегли, в годы «культурной революции» много десятилетий спустя его сожгли распоясавшиеся хунвейбины⁶⁷.

Глеб уже кончал учебу и часто приводил к нам своих друзей, из которых мне запомнился китаец, тоже звавшийся Николаем, студент Политехнического института, один из родственников богатого китайского купца Тифонтая, нажившего состояние на поставках русской администрации, когда она была еще в силе. Бывал у нас часто и другой развеселый парень, которого в шутку или всерьез мы называли бароном. С ним всегда царила в квартире непринужденная атмосфера молодости и веселья. Маме она очень нравилась, она посылала обычно кого-нибудь из них в магазин поблизости за чайной колбасой или халвой «Ипсиланти», и мы проводили вечера за веселой беседой и общей чашкой чая. Китаец-студент великолепно говорил по-русски, в обращении был прост, а когда надевал форменный сюртук с блестящими регалиями, был душой компании.

Улица Стрелковая пересекала Большой проспект, и слева от места пересечения был ряд магазинов, настоящий Гостиный двор, и можно было купить все, что хочешь, и по очень невысоким ценам. На задах этого Гостиного двора был базарчик, так что, не уходя далеко от дома, можно было запастись всякого рода провиантом.

Пребывание Кати с Франком на Пограничной было недолгим. С ними был и маленький Виллард. Видимо, Франк должен был

наладить работу китайской таможни на этом пункте возле границы и после выполнения этой задачи был направлен с такой же целью в Лахасусу, маленький городок на месте впадения Сунгари в Амур⁶⁸. Мы даже ходили с мамой провожать их на речной пароход с причала в Фудзядяне, китайском городе, части Харбина, расположенной на берегу реки. Там была обстановка типично китайского города, с шумом-гамом на улицах, множеством лачужек и харчевен, и даже рикшами, которых в русском Харбине и помина не было. Так уживались две цивилизации, не мешая друг другу и только их дополняя.

Пароходы на Сунгари были еще старые русские, и командовали на мостике прежние русские капитаны. Мы познакомились с тем, который был на пароходе, которым отплывала Катя. Назвался он «Ивановым». Пароход был колесный, что тоже мне было интересно, поскольку отличался от того, колесного, в Чжэньцзяне, китайского общества «China Merchants», и местом гребного колеса посередине, и своими значительно малыми размерами корпуса.

В Лахасусу Катя жила-поживала, знакомые охотники привели ей даже маленького медвежонка, которого она, кажется, выкормила молоком из бутылки. Что с ним дальше стало, я уже не помню. Однако запомнилось, что в Лахасусу она познакомились с русским врачом Сильнищким, человеком с окладистой бородой и, как оказалось впоследствии, отчимом Нелли, ставшей много лет спустя женой Глеба⁶⁹. По договору с таможней он работал лечащим врачом для сотрудников таможни. В Лахасусу было много гнуса и комаров, и вся семья страдала от их укусов.

Я успешно кончил в 1924 году третий класс. Всего классов было семь, и мы должны были сдавать письменный экзамен по математике. Я выдержал, как мне казалось, удачно, задачу решил, но, как впоследствии оказалось, перепутал очередность действий по вычислению процентов, и мне поставили «три». Когда я выходил из класса, сдав свою работу, меня обступили ребята из другого класса и, скопировав мое решение так, как я рассказал, выставили шпаргалку в окне. Классы, как я уже отмечал, были у нас в смешанной гимназии в полуподвальном этаже. К несчастью, ребята из нашего класса воспользовались решением в «шпаргалке» и тоже все получили по тройке.

Хочу вспомнить ребят, с которыми дружил помимо того Володи, который ввел меня в таинство филателии. Это был Слава Иваницкий, сын железнодорожного работника. Жил он на одной из улиц,

---

поперечной Железнодорожному проспекту, и в первые месяцы моей учебы, еще во втором классе, мы часто ходили из гимназии вместе. Как-то в свободное от занятий время я забежал к нему и спросил Славу. Он вышел ко мне весь заплаканный. Оказывается, перед этим отец устроил ему выволочку, возможно, с ремнем, за очередную двойку в дневнике.

В противоположность этому неудачнику я дружил с Пекой Лилониным, бывал и у него дома, в семье интеллигентов. Мать где-то работала, а отец, очень раздражительный седой человек, донимал меня вопросом, где и как я думаю устроить свою жизнь после окончания учебы. На это, пожав плечами, я отвечал: наверное, буду работать где-нибудь на службе, может быть, в конторе. Он приходил в неистовство и срывался на крик: «Только не так! Надо что-то создавать, строить, предпринимать!» Впоследствии я узнал, что до эмиграции он был владельцем электростанции в Сочи. Меня всегда поражало обилие чемоданов у них на шифоньере, поставленных один на другой. Все говорило о том, что им пришлось в свое время много путешествовать, и так судьба предназначила им поступать и в дальнейшем. Они уехали в Париж, где, мне рассказывали, Пека и умер, заразившись корью или скарлатиной. Слава тоже вскоре уехал из Харбина, семья Иваницких эмигрировала в Канаду, оттуда я успел еще получить от Славы несколько писем.

Вскоре в нашей судьбе опять произошли резкие перемены. Франка откомандировали обратно в Центральный Китай, и Катя настояла, чтобы мы поехали к ним, тем более, что и материально мы уже не могли позволить себе жить отдельной квартирой и иметь прислугу: у мамы не хватало денег.

Жаль было прощаться с Харбином, где все было так мило и близко душе. Помню, к нам приходила вдова одного незаметного консульского служащего, Елена Степановна, любившая у нас попить чай и всегда жаловавшаяся на множество болезней. Мама, перенесшая ревматизм, охотно поддерживала эту тему, обоюдно обменивались рецептами и наблюдениями за состоянием своего здоровья. В шутку мама называла нашу гостью «бедной родственницей», и расстались мы очень душевно, отдав ей кое-какие вещи из обстановки при прощании.

Путь в Шанхай лежал наш через Дайрен. Для этого надо было записаться японской визой – в Дайрене была японская власть. Не составило труда ее получить по уплате незначительной суммы консульского сбора. К тому времени уже много русских из первой

волны массовой эмиграции из России растекались по всему Китаю. В Дайрене, как он назывался по-японски, – так читались два китайских иероглифа «да лян»», мы не задерживались и вскоре уже опять плыли на японском пароходе в Шанхай, с заходом по пути в порт Циндао на Шаньдунском полуострове. Звучание китайских иероглифов «да лян» побудило русских, впервые вступивших на эту землю за несколько лет до Русско-японской войны, переименовать их в «Дальний». Под этим именем стал возводить здесь портовый город русский инженер Сахаров⁷⁰, повторяя градостроительные традиции им же застраивавшегося, по преданию, города Одессы.

Традиционными бумажными ленточками провожали японцы наш пароход с причала, они раскручивались с многочисленных рулонов в руках отъезжающих. В Циндао стоянка была непродолжительной, и вот мы опять у устья Ванпу, подплываем к Шанхаю. Не помню, был ли с нами Франк или только встречал на причале. Помню только, что уже на машине мы отправились в ожидавшую нас квартиру. Работники китайской таможни обслуживались на самом высоком уровне.

Мне трудно судить по прошествии стольких лет, что побудило маму прервать мою учебу в Харбине и согласиться на переезд в Шанхай к Кате. Тут переплетался целый ряд обстоятельств. Катя ждала ребенка, и маму это настораживало: после рождения Вилларда Катя сильно болела, и мама, наверное, боялась повторения всего того, что было ей тогда пережито. Вопрос с Глебом легко разрешился – он окончил учебу и устроился на работу в американскую фирму «Standart Oil» в Мукдене, с ним уже не было проблем, он стал сам зарабатывать на жизнь, мамы же средства были на исходе. Облигации «боксерского займа» во Французском банке пока еще редко выходили в тираж. Все это вместе взятое и заставило маму согласиться на переезд. Возможно, была надежда отдать меня в иностранную школу, если пребывание в Шанхае перейдет на постоянную основу.

На Синза-роуд, куда нас привезли, был ряд одноэтажных и двухэтажных домов, каждый вертикально разделенный на две квартиры. В одном из них мы и поселились. С фасада они выходили на улицу, а сзади у каждого был большой участок с газоном и клумбами для цветов, по внешнему краю участка кустарник и деревья. По соседству в одном из домов жила русская семья Жавроцких. Внешне поддерживались добрые отношения, хотя не помню, чтобы были знакомы домами.

У меня была маленькая комнатка на переходе между двумя этажами, и я был предоставлен самому себе. Не осталось в памяти, была ли отдельная комната и для Вилларда, о котором все заботы, на правах заботливой бабушки, в большой степени осуществляла мама. В 1923 году родилась у Кати дочь, названная Эллой (полностью Gabrielle), появилась в доме и китаянка-ама.

Шанхай гудел и шумел. Это был огромный город. Я был уже достаточно большой, чтобы постепенно с ним знакомиться. Освоил маршрут трамвая №1, конечная остановка которого была недалеко от нас возле Honckew Park'a, там он делал петлю и снова шел к центру по Hart Road (на пиджин-инглиш – Хата-лу). Дальше Bubblin Well со своим ипподромом. И, наконец, самая важная торговая магистраль – Nankin Road с ее знаменитыми универсальными магазинами «Синсир Уинг-он» и «Вайтевай-Лейдлоу».

В городе уже было большое русское население, в основном перекочевавшие сюда беженцы из России. Помню, как забрел к нам на Синди-роуд один русский парень, одетый в еще не изношенную вконец военную форму. Он просил помощи, нигде не в состоянии устроиться на работу. Катя приняла в нем участие и временно дала поработать на участке, привести в порядок зелень и газон ручной косилкой, где при движении скошенная трава попадала в прикрепленный жолоб – очень умное, как мне казалось, приспособление. В конце концов Катя через Франка все же нашла ему работу – охранником в какую-то контору или банк.

Мама нянчилась с маленькой Эллой. Как всегда, где маленький ребенок, было много суеты и всяких забот. Но и здесь Франку не дали долго удержаться на одном месте. Где-то на юге Китая понадобилось наладить работу, и Франку пришлось распрощаться с Шанхаем.

Мне было жаль уезжать из Шанхая. За короткое время я как-то полюбил этот город, этот колоссальный муравейник с его небывалым шумным движением. В ходу были звуковые сигналы, свистки полицейских – регулировщиков движения. В трамвае расплачивались за проезд медными монетками, которые пассажиры носили в маленьких мешочках. Они ходили по определенному курсу по отношению к основному платежному средству – китайскому серебряному юаню. На монетах в один юань был изображен Юань Шикай.

Кроме Сеттльмента – района, где располагалась деловая часть и жили иностранцы, была еще французская концессия с ее авеню Фош и другими улицами с французскими названиями.

Сеттльмент имел свою структуру власти. Полицейские набирались из индусов, и они выделялись колоритными фигурами в цветных тюрбанах. Здоровые, высокие, они умело дирижировали уличным движением. На французской концессии полицейскими были аннамиты из Индокитая. Они, конечно, были не под стать индусам, щуплые, худые, в конусообразных шапочках. Власти Сеттльмента имели и свои вооруженные силы – были роты различных национальностей. И в том числе и русская рота. Такой же порядок был и у французов. В былые времена на Сеттльменте была и своя почта, равно как и в других китайских открытых портах, но к началу <19>20-х годов китайцам удалось добиться закрытия всех иностранных почтовых контор, объединив почтовое дело в руках китайской национальной почты. Впрочем, в рядах руководителей китайского почтового ведомства долгое время сохранялись посты, занимаемые иностранцами, так называемых комиссаров. Комиссары были и на таможне. Пришлое русское население стало изоциряться в топонимике шанхайских улиц и каналов, так появились, например, «Нянькин рот» вместо Nankin Road, «Сучкин крик» вместо Soochow Creek. Этот канал пересекал излучину реки Вампу, на его берегах было английское консульство, а через мост – российское консульство. Оно выходило фасадом на реку и загоразивало расположенную позади гостиницу. Говорили, что владельцы гостиницы много бы дали, чтобы купить здание консульства. Слух этот прошел в связи с переменами в России, бегством оттуда интеллигентных слоев, развалом экономики. К счастью, это осталось только слухом, здание так и осталось за Россией, и в нем расположилось новое представительство, теперь уже Советского Союза. Последним российским консулом был там Гроссе⁷¹. Не знаю, как сложилась потом судьба самого Виктора Федоровича, а сын его⁷² еще долго оставался в Шанхае и полемизировал в английской газете «North China Daily News» с противниками советской власти. На страницах газеты долгое время появлялись карикатуры на бытовые темы и злобу дня с подписью «Сапоку» (Сапожу), и мне впоследствии стало известно, что они принадлежали искусному русскому карикатуристу Сапожникову⁷³.

На Soochow Creek было много китайских шаланд, на которых китайцы-бедняки жили, варили еду, стирали и развешивали белье.

Немного вверх по этому каналу при нас было выстроено здание китайской почты, весьма импозантное. Вообще о застройке города можно рассказать очень многое. На набережной (The Bound) высилось здание с облицованным каменным фасадом «Hong Kong & Shanghai Bank» с львами по бокам главного входа. Неплохо выглядело со стороны реки и здание российского консульства.

В маленьком скверике на Боунд (Bound), вблизи Гарден-Бридж (Garden Bridge) – моста через Сучжоу-крик (Soochow Creek), стараниями русской общины был поставлен памятник Пушкину⁷⁴, впоследствии перенесенный на французскую концессию.

Многое стало связывать меня с этим городом, и тем не менее, когда Франк вдруг опять получил новое назначение в провинцию Гуйчжоу⁷⁵, нам пришлось снова готовиться в путь.

Мама не могла оставить маленькую Элли и не мыслила свою жизнь без нее. В Гуйчжоу Франку надлежало переехать к месту службы в город Учжоу на Жемчужной реке (Сицзян)⁷⁶. Опять предстояло плыть морем до Гонконга, а оттуда на речном пароходе вверх по реке до этого Учжоу. Мне же скорее хотелось обратно, в Харбин, к продолжению так удачно начавшейся учебы в своей, русской, школе. Все восставало в моей душе против, казалось, предательского распоряжения моей судьбой, хотя мне жаловаться, по существу, было не на что, и Франк, и Катя были хороши со мной, и я мог жить в свое удовольствие.

Мне часто вспоминались одноклассники. С Володей Перемиловским мы даже переписывались летом, когда он уезжал с родителями на станцию Танканцзы ЮМЖД на отдых. Мы же с мамой не знали таких выездов в дачные места, а близ Харбина их было немало, Маозршань и другие, о которых рассказывали знакомые.

Теперь, по прошествии более семидесяти лет, я нахожу, что в моей памяти не сохранилось никаких впечатлений от этого нового крутого виража в нашей с мамой судьбе. Все было как-то не мило мне, а потому и не запомнилось. Все подробности были заранее предусмотрены и билеты куплены, время пересадок заранее определено, и начну уже с самого Учжоу.

Прибыли мы туда на речном пароходе «Tamina» под британским флагом, будучи единственными иностранными пассажирами на верхней палубе, отделенной от нижней проволочным ограждением для защиты от возможного захвата парохода пиратами, часто нападавшими на коммерческие суда. Командовал пароходом

капитан-англичанин по фамилии Спинк, в издевку иногда пассажиры меняли одну букву «п» на «т» в его фамилии и получалось, что плавали мы по Жемчужной реке с капитаном «Вонючий».

Высадка с вещами не представляла никаких трудностей, на причале не было недостатка рабочих рук, подхватывавших наши чемоданы и корзины. За неимением какого-либо транспорта мы побрели по берегу к видневшимся вдали двухэтажным домам для иностранцев.

Сам город нависал темной массой над рекой где-то вдали. Он был расположен на карте по линии прохождения северного тропика, в жаркой полосе, без морозов зимой и это нашло отклик в градостроительстве. Не было тесных кварталов одноэтажного жилья, а высились трех- и четырехэтажные дома, прижатые друг к другу, с узкими коридорами-улицами между ними. Но была та же говорливая и шумная толпа, всюду харчевни и продажа всевозможной снеди со звучными зазывалами. Только китайская речь звучала здесь иначе, сплошное трудно различимое цоканье с иногда перепедавшими словами, напоминавшими тот китайский, к которому привыкло на севере наше ухо. В Манчжурии говорили на почти неискаженном пекинском наречии, так называемом «гуанхуа», на котором составлены те китайские азбуки с громадными иероглифами, которые дарил мне когда-то отец и покупал для меня по его просьбе китаец-сяньшэн, каждое утро приходивший к нам. Он за чашкой кофе обычно беседовал с отцом о текущих событиях и настроениях в городе, когда еще существовало консульство. После нескольких попыток объясниться на китайском в Учжоу я убедился в невозможности этого сделать – меня не понимали.

Нам отвели половину двухэтажного дома, фасадом обращенного к реке, за окружающей дом изгородью начинался пологий спуск к реке. В другой половине жил холостяк англичанин Хоукинс, тоже работник китайской таможни. Дом был как бы приподнят над землей, стоял на полуподвальной капитальной основе и под ним было пустое пространство. Предусмотрена была опасность наводнений, когда вода в реке поднималась на довольно значительную высоту и заливала все пространство вокруг дома.

В некотором отдалении находился белоснежный дом для работников американской фирмы «Standart Oil», имевшей и здесь свой филиал. В мукденском филиале этой фирмы уже успешно работал Глеб, присылавший нам в Учжоу свои письма. Все заботы в доме были сосредоточены на маленькой Элле. Когда были заняты

взрослые, присматривал и развлекал ее Виллард. Элла также была очень привязана ко мне и бегала за мной по саду, уже лепеча и коверкая на свой лад английские слова, по-прежнему бывшему основным языком общения в семье, хотя Катя уже знала большое количество французских слов и в угоду Франку старалась полностью овладеть языком. Была, конечно, и китайская ама, ухаживавшая за Эллой, и полный штат прислуги, державший в порядке и чистоте квартиру.

От нечего делать я мастерил из бревен, которые были для растопки камина, кораблики и пускал их в разливавшийся в лужу за забором маленький ручей, стекавший с возвышенности за домом.

Был еще дом для комиссара таможи, им в то время был японец Эбара. Жена его, японка, была весьма интеллигентной на иностранный лад особой. Оба великолепно говорили на английском. Между нашим домом и их резиденцией была проложена дорожка, и по обе стороны ее мадам Эбара разбила грядки, на которых выращивала овощи и делилась ими с нами. Еще дальше, в глубь береговой полосы, был большой участок для спортивных игр и за ним большой многоквартирный дом для других служащих таможи, в основном тоже японцев.

Сбоку, среди буйно растущей зелени, был одноэтажный домик – клуб, где кроме бара и комнаты для игры в карты и катания мячей, была еще бильярдная и небольшая библиотека. В те далекие времена на внутренних водных артериях Китая, где находились открытые для иностранцев города, ходили еще иностранные канонерки, в основном английские. В Учжоу иногда навевывались и они, и тогда матросы шумной толпой пировали в клубе и возвращались мимо наших домов на канонерку, громко переговариваясь и, бывало, кричали, изрядно зарядившись английским виски.

Жизнь у меня проходила скучно и однообразно, я много читал и, конечно, больше на английском. Франк приносил журналы и газеты. Увлечение марками вспыхнуло с новой силой. В одной из газет, обычно «South China Morning Post», я прочел объявление марочной фирмы, предлагавшей каталоги марок издательства «Скотт», и послал туда требуемую сумму за экземпляр, сам отправившись в китайский город разыскивать почтовое отделение. Потом также получал каталог по почте. Среди китайской толпы я не чувствовал себя чужим, хотя, естественно, обращал на себя внимание.

Между тем, именно в этой части Китая нарастали первые признаки антиимпериалистического движения. Фирма была португальская, в Гонконге, и я успел еще послать им пару долларов за марки Макао, которыми впоследствии очень гордился. Были среди них разрезанные пополам марки на обрезках конвертов, в таком виде погашенные и прошедшие почту. Объяснялось это запоздалым прибытием свежих партий некоторых номиналов из Португалии, с которой в Макао была очень слабая связь.

В доме была канализация, но не было водопровода. Здоровые китайки заносили на чердак по черной лестнице два ведра воды и наполняли там большой чан. И это было необычно и привлекало мое внимание. Отопления как такового не было, были только каминные в некоторых комнатах, и когда стояла ненастная погода и в домах становилось зябко и неуютно, охапками приносили откуда-то дрова на растопку. Помню, в спальне Кати и Франка был такой камин, и на полке над ним стояла картина. Это было «Моление о Чаше», копия какой-то знаменитой картины⁷⁷.

Не зная, куда себя девать, я выходил на берег и сидел часами, наблюдая за жизнью на реке. Знал уже о времени прибытия очередного парохода из Гонконга, «Таминга», с которым было налажено знакомство, и пароход привозил нам конфеты и печенье, сахар, чай, кофе, другие продукты, которые на месте нельзя было купить. Раз меня заметил один молодой китаец, возможно, студент, и стал разговаривать со мной по-английски, не очень правильно строя фразы. Делал это, видимо, для практики, старательно изучая язык. Встречи наши с ним продолжались некоторое время, пока однажды не появился идущий с работы Франк. Китаец-студент смутился и перестал приходить, а между тем у нас сложились хорошие отношения, у него был учебник английского языка, я ему читал, и он условно записывал «на слух» английские слова. Я даже произвел на него впечатление своим китайским «гуанхуа», на котором тоже говорил, вдобавок к своему кантонскому наречию. Кантон, или Гуанчжоу по-китайски, был от нас недалеко, и там назревали события вокруг острова Камин, на котором была английская концессия.

Шел уже 1925 год. Тревога нарастала, и было решено эвакуировать иностранцев. Приходила американская канонерка «Rampranga», по реке проследовало под китайским флагом судно, похожее на мореходную яхту, с высокими мачтами, и одно совершенно незнакомого вида военное судно с высокими

надстройками. То, что было похоже на яхту, в моем представлении казалось одним из русских судов, которые увел из Владивостока адмирал Старк. Все мои помыслы теперь были о том, на чем нас повезут, и вдруг оказалось в Учжоу небольшое суденышко «Такома», принадлежащее американской фирме «Нефтвфке Шшд» или, короче, «Socony». На нем служащие фирмы плавали в свое время в китайскую глубинку проверять работу своих агентов по продаже керосина – основного товара для керосиновых ламп в китайских деревнях. В Учжоу было электричество, хотя и очень ненадежное, с частыми перерывами снабжавшее нас энергией.

Жилось мне в Учжоу одиноко. Из Гонконга привезли пленки для моего маленького «кодака» в виде ящичка, и я с увлечением фотографировал. Пленки относил наш китаец-бой в город, там их проявляли, и я получал назад снимки и негативы к ним. Так составилась небольшой альбом снимков, который оставила у себя Катя, отдав некоторые фотографии и нам на память.

И вот пришел решительный день отъезда. Ехали мама и я с Виллардом. Мы погрузились на «Такома» – и снова в путь, на этот раз в Гонконг. К Гонконгу мы приближались ночью, и какое же это было феерическое зрелище! Гора, усеянная огоньками, как рождественская елка огнями! Приткнулись к берегу и долго не сходили на причал, пока Франк и Катя хлопотали, где нам обосноваться. В результате нас с мамой поселили в Каулуне [Цзюлун], на полуострове того же имени, через пролив, в гостинице «Station Hotel», названной так потому, что в Каулуне была станция железной дороги в Кантон, проходившей по арендованной у Китая территории на материке, так и называвшейся «New Territories»⁷⁸. Катя с Франком и Эллой оставались в Учжоу в силу служебного долга. Мы же, мама, Виллард и я, прибыв в Гонконг, огляделись, присмотрелись, и меня с Виллардом отдали в школу-пансионат «Сент-Джозеф колледж» на острове, по улице Кеннеди-роуд. Школа была миссионерская, католическая. Мама же осталась жить в гостинице, и мы с Виллардом приходили к ней «на побывку» в воскресенье. В гостинице жить можно было и на постоянной основе, по умеренной цене. Там жили, например, офицеры-индусы из расквартированных в Каулуне воинских частей с солдатами из Индии (Пенджабис).

Гостиница заслуживала особого внимания. В обширном зале столовой, где жильцы рассаживались по отдельным столикам с успевшими перезнакомиться друг с другом постояльцами, над всеми,

---

во всю ширь зала, под потолком, были подвешены опухшая, за веревочку раскачиваемые слугой из другой комнаты через глазок в стене. Так спасались от стоявшей в летнее время необыкновенной жары. Комнаты выходили на отдельные балконы для каждой, с перегородкой от соседнего, рядом с комнатой были туалет и ванная. В ванной стоял большой керамический чан, в который наливалась вода, когда постоялец заказывал себе ванну. Вода в ведрах заносилась опять же женщинами-китаянками, на коромыслах. Так не доходили еще до некоторых мест в колониях новинки городского благоустройства, внедрявшиеся в других местах довольно широко.

Мама чувствовала некоторое удовлетворение от того, что я, наконец, буду снова учиться. Учиться начал и Виллард, которому по возрасту тоже было пора в школу.

В Каулуне познакомились мы с одной русской четой, глава которой – Фельшов работал кем-то в английском городском хозяйстве. У них была квартирка тоже в Каулуне, на втором этаже, куда надо было подниматься по лесенке прямо с улицы. И здесь, в Гонконге, встретились мы с русской эмиграцией, выплеснутой из России по ходу гражданской войны. Совершенно случайно Катя встретила одного, по-видимому, в прошлом офицера, скитавшегося в поисках работы. У него было ранение в ногу и, кроме того, осколок в переносице, который не смогли вовремя ему удалить, и он этим очень терзался. Катя приняла к сердцу злоключения этого несчастного ветерана и устроила его вахтером в английскую гостиницу на острове. Островная часть Гонконга была по существу самим городом, а Каулун – только пригород. Сообщение между ними поддерживалось паромом или морским трамваем. Два-три таких парома курсировали между островом и материком, и называлось это «Star Ferry». На двух палубах размещались сидячие места, и все удовольствие обходилось в 10 центов – мелкой английской монеты с изображением королевы Виктории, – с интервалом между отправлениями в 15 минут.

На набережной на острове, возле причала для этих паромов, был памятник королеве, а немного поодаль «Cenotaph» – памятник в честь погибших во время войны, у которого происходили парады с возложением венков 11 ноября – день примирения (Armistice Day) в Первой мировой войне. На флагштоке тогда поднимались флаги.

Уже рассказывая о Гонконге, перебираю в памяти события, которым оказался свидетелем в покинутом Учжоу. Это большой пожар, охвативший город в одну из ночей и продолжавшийся весь

следующий день. Дома, тесно поставленные друг к другу в узких улицах, в большинстве своем многоэтажные, явились легкой добычей огня. Средства для тушения пожара были слишком примитивны, да будь там и современная техника борьбы с огнем, она не могла бы развернуться и хотя бы отстоять часть из загоревшихся домов. Уже потом, после того, как остались одни обугленные остовы, я ходил смотреть на колоссальный размер разрушения. Осталось неизвестным, сколько при этом могло быть жертв. Обездоленные люди ходили вокруг, стараясь хоть что-нибудь найти целым из своего сгоревшего имущества.

Другое событие было связано с разыгравшимся летом ливнем и грозой. Вблизи нашего дома раздался оглушительный удар грома, и на следующий день, когда утихла гроза, на дорожке, вьющейся вдоль берега реки, лежал убитый разрядом молнии китаец. По всей вероятности, он бежал, спасаясь от ливня, и молния ударила в него, прожгла маленькое отверстие в его рубашке возле затылка. У рта и возле ушей были видны следы крови. Громкая сила разбушевавшейся стихии, помню, произвела на меня огромное впечатление, от которого я долго не мог избавиться.

Итак, меня снова повели представляться на учебу. На этот раз в католический Сент-Джозеф колледж. Находился он на тихой улочке, прижавшейся к склону горы с обильной растительностью вокруг. Провели нас в обширную комнату с мягкой мебелью в чехлах и столиками, на которых были цветы. Через некоторое время вышел к нам старый бородатый человек довольно высокого роста, в черной монашеской рясе. Он представился как брат Эймар, директор училища. Нас, будущих его питомцев, было двое – я и Виллард. Мама рассказала ему все о нас, иногда переходя на французский, правильно угадав по произношению директора его французское происхождение. После рассказа об условиях содержания учащихся брат Эймар провел нас на второй этаж, показал общую спальню, потом, вернувшись вниз, общую комнату для вечерних занятий, столовую, приотворил дверь и в домашнюю церковь. Обговорили и условия содержания, предметы, которые полагалось иметь при себе, запас белья и т. д.

На следующий день мы должны были уже явиться со своими чемоданами. Спускались мы уже по другой, указанной нам дороге, ведущей к станции фуникулера, почти отвесно местами поднимавшегося к самому пику, самой высокой точке на острове, где находилась резиденция английского губернатора и на высокой мачте

реял британский «Юнион Джек» с короной посередине. Обойдя станцию фуникулера, мы легко вышли на одну из центральных улиц, еще п

оворот, миновали «улицу холодильника» – Айс хаус стрит (Ice House Street) и вышли на магистраль Дэ-Вьюз-роуд (De Vieux Road), названную в честь одного из губернаторов, правивших раньше⁷⁹ и оставившего, очевидно, хорошую по себе память. Оттуда недалеко к причалу, ждать посадки на очередной морской трамвай «Star Ferry» в Каулун.

Учебные корпуса колледжа стояли отдельно, позади обширного двора и одной стороной выходили на трассу фуникулера. Еще до начала учебы у нас была неприятность. Перед отъездом обратно в Учжоу Катя подарила Вилларду детскую игрушку скутер (самокат), и Виллард с увлечением катался на нем. На другой стороне улицы от гостиницы, в которой мы жили, Nathan Road, были очень удобные для катания тротуары, выложенные плиткой. На участке один из домов был построен со вторым этажом, выступавшим в сторону проезжей части, с большими подпорками-столбами на тротуаре. Виллард в момент радостного возбуждения высовывал обычно язык изо рта, а тут в восторге от катания потерял ориентировку и налетел на такой столб, не успев запрятать язык. В результате прикусил его, да так сильно, что пошла кровь, и он очень перепугался. Поблизости оказалась аптека, куда мы и обратились за помощью. В Гонконге было в обычае при аптеках иметь и дежурного врача. Там Вилларду наложили на язык швы, и он несколько дней боялся говорить, чтобы не расстроить ранку. Это увеличило страх мамы, что с ним может еще что-то случиться из-за его неусидчивости, и потому она с облегчением доверила его заботам монахов в колледже, обещавших осуществлять хороший пригляд за мальчиком. Его определили в какой-то младший класс, меня же – в шестой. Счет классам шел с десятого назад, и первый был выпускным.

Интересной особенностью Гонконга было то, что расквартированный в Каулуне полк индийской армии, укомплектованный выходцами из Пенджаба, имел возможность содержать на территории части на Nathan Road коз и пользоваться козьим молоком как частью своего пищевого довольствия. Забор, ограждающий расположение части, был низок, и часто свободные от несения службы солдаты с белоснежными зубами и смуглыми улыбающимися лицами располагались кружками возле забора, наблюдая за движением на улице. Они не только наслаждались

отдыхом, но и приторговывали козьим молоком, и мама иногда его у них покупала, считая полезной добавкой к столу из гостиничной кухни. Так в Каулуне городская жизнь добавлялась деревенской идиллией.

В колледже мы получали хорошее питание с кофе по утрам и неизменным «пориджем»*. Подъем был в семь часов утра, дежуривший монах, а это был брат Эсебий, проходил вдоль коридора со звонком и громко приветствовал поднимающихся ребят: «With Jesus in our hearts!» («С Иисусом в сердце!»), и мы должны были ответить: «Always!» («Всегда!»). Протирая глаза и потягиваясь, мы вставали на несложную утреннюю зарядку, а потом гурьбой бежали под душ. Позднее одевались и по свистку того же брата Эсебия выстраивались и шли на молитву, затем в столовую, где за длинными столами каждый занимал отведенное ему место. Горячий кофе с молоком уже ждал нас, на столе был нарезанный ломтями хлеб и масло, разносили в тарелках кашу.

Перед едой читалась короткая молитва, после завтрака – еще молитва с благодарением Господу. Потом расходились к 9 часам по своим классам. Преподавателями в основном были монахи, но всегда европейцы. Были и метисы – португальцы, как их называли, независимо от национальности и паспорта.

Все они были хорошо образованные люди средних лет, говорившие безупречно на английском. Пошли обычные предметы, английский язык, география, история, математика. По физике уроки дополнялись опытами. Для этого было свое помещение с приборами, урок обычно назывался «object lesson» – наглядный урок. Опрос на уроках был требовательный, готовить уроки надо было прилежно, некачественный ответ наказывался, для чего виновный вставал в угол и его «награждали» ударом тростью по вытянутой вперед ладони. Число ударов определялось качеством ответа. Если выяснялось полное незнание, ударов было больше. Мальчишки стойко выдерживали наказание и не стыдились его. Во время перемены так же шумно и весело вливались в общее число учеников, как будто ничего с ними и не случилось.

Мы с Виллардом очень старались, и я не помню, чтобы нам часто приходилось подвергаться ударам тростью. На воскресенье нас отпускали домой с условием к шести вечера быть на месте в колледже. Занятия обычно производились с перерывом на обед,

---

* От porridge (англ.) – овсяная каша.

после него, если не было уроков, водили в хорошую погоду строем на прогулку, избирая наиболее живописные места на острове. Обычно это был Harry Valley (Долина счастья), где имелся большой выровненный участок с газоном, и мы на нем играли в футбол. На склонах, окружавших эту «счастливую долину», было много тропической растительности, вокруг вилась дорога со сравнительно небольшим движением, и воздух был чистый и живительный. Где-то среди растительности было и кладбище. Сигнал окончания прогулки подавался неизменным свистком монаха, сопровождавшего нас всю дорогу. У кого была местная денежная мелочь, тот мог тут же неподалеку из лавки покупать лимонад с откидными пробками на бутылках. Покупка лепешек и печенья обычно возбранялась, на лимонад запрета не было.

В один прекрасный день меня вызвали в канцелярию. Дежурный монах очень осторожно, чтобы меня не напугать, сообщил, что моя мама находится в больнице, и я могу пойти ее навестить. Серьезного ничего нет, но врачи нашли нужным ее на время госпитализировать. Дали мне адрес и как ее найти. Я пошел к ближайшей остановке городского транспорта. Вблизи колледжа были живописные места. Внизу были деловые кварталы города, ближе большая гладь водоемов, в которых скапливалась дождевая вода. Внизу, по городским улицам, ходили трамваи, были и двухэтажные автобусы, «как в Лондоне», говорили мне.

В больнице провели меня к маме. Действительно, с ней не было ничего серьезного, и появившиеся было у меня сердцебиение успокоилось. Просто осложнение от простуды, боли в суставах. На время лечения комната в гостинице за ней сохранялась.

В колледже моя учеба продвигалась вперед вполне успешно. Появились и друзья. Это и англичанин Миллс, и «португалец» Себастьян Хун. В классе развлекал всех своими шутивными выходками голландец, имени которого теперь не вспомню. Известен он был всем по прозвищу Billy Goat – козленок Билли, наподобие того, как в смешанной гимназии в Харбине потешали всех близнецы – два брата Сахаровы, настолько друг на друга похожие, что ходил анекдот, а может, и правда, что выходил ответить к доске только тот, который знал урок, заменяя того, который урока не знал. Подобным образом шутил и забавлял вас Билли в колледже.

К концу учебного года обычно приурочивалось соревнование по написанию лучшего сочинения, и награды от имени объединения старых выпускников (Old Boy Association) выдавали в День

Британской империи 24 мая — день рождения королевы Виктории, в царствование которой Англия присоединила Гонконг.

Я написал торжественно величавое сочинение на историческую тему, и мне перед собравшимися на спортивной площадке учениками вручили приз — книгу «Held Fast for England»⁸⁰ о героической обороне Гибралтара в эпоху наполеоновской войны. Я был одет по парадному, в галстук присвоенного колледжу цвета — в зеленые полоски с серебристо-белым просветом. Все это произошло на фоне уже разгоравшихся политических событий. Произошел Шамяньский инцидент, когда толпы китайцев — борцов против империализма штурмовали островок в Кантоне, где проживали иностранцы. Трудно было представить, что китайские студенты, такие же, как тот, что приходил ко мне для упражнений в английском языке, способны были на враждебные действия. Впрочем, оснований у китайцев было много для всенародного выступления. Это и навязанные Китаю неравноправные договоры, в силу которых иностранные канонерки, например, могли свободно плавать во внутренних китайских водах, и неподсудность иногравдан китайскому суду, и засилье иностранцев в китайских правительственных таможен, почте, соляном акцизе. Пример Советского Союза, отказавшегося от всякого рода подобных привилегий для иностранцев, воодушевлял китайцев на борьбу. С восторгом тогда был принят визит советского корабля береговой охраны «Воровский», зашедшего в Кантон по пути во Владивосток.

Апогеем антииностранного движения явилась генеральная стачка, прошедшая в Гонконге. Китайские служащие правительственных учреждений, банков и общественных организаций вышли на демонстрации. Не работала почта, не доставлялись телеграммы. Ответом английской администрации на это была мобилизация скаутов на работу по сортировке почтовых отправлений, по их рассылке и доставке по адресам корреспонденции и газет.

Семья Филиппо благополучно доживала срок службы Франка в Учжоу, откуда им предстояло отправиться в трудовой отпуск во Францию, где их ждала мать Франка, обеспокоенная событиями в Китае. Ехать они должны были на теплоходе французской компании «Мессежери Маритим», и они с радостью предвкушали отдых на Лазурном берегу в местечке Гольф-Жуан (Golf Juan), том самом, в котором высадился Наполеон, возвращающийся с острова Эльбы на знаменитые 100 дней, закончившиеся поражением в Ватерлоо.

Миссия мамы по воспитанию сперва Вилларда, а потом и Эллы успешно заканчивалась, и можно было всецело отдаться вопросу моего школьного образования. Глеб звал обратно в Мукден с тем, чтобы оттуда я мог поступить в Харбине в русскую гимназию. Не имело смысла оставаться в Гонконге и жить в разрыве с Глебом. В гостинице наступали тяжелые дни, так как обслуживающий персонал участвовал в стачке, и мы с мамой перебрались в меблированные комнаты, которые держала одна еврейка неподалеку от гостиницы по той же Nathan Road. Стали готовиться к отъезду. Мама справилась в пароходных кампаниях об условиях проезда по наиболее приемлемой для нас цене. Сперва предполагалось взять билеты на пароход «Dardanus» линии «Blue Funnel», называвшейся так по голубому цвету, в который были выкрашены трубы. На нем, обычном сухогрузе, было несколько кают для случайных пассажиров, но почему-то это не состоялось, и мы поехали на японском пароходе общества «Nippon Yusen», возвращавшемся в Японию через Шанхай из дальнего рейса в европейские порты. Это был, кажется, «Katoji Maru». В ходе переговоров с японцами в конторе мама поинтересовалась, разрешено ли нам сойти на берег, если бы пароход зашел по пути в Тайбей на Формозе⁸¹. Тут-то мы и познакомились со своим ущербным положением людей без национального паспорта. Японцы, вежливо улыбаясь, сказали, что не разрешили бы нам это сделать, так как Япония к тому времени уже признала Советский Союз и, вроде бы, по соглашению эмигранты не могли рассчитывать на свободу передвижения по японской территории. К тому же пароход не делал остановки на Формозе и следовал прямым рейсом до Шанхая. Итак, мы разъехались – Катя с Франком и детьми Виллардом и Эллой во Францию, а мы с мамой – в Мукден, где прошли мои детские годы. При посадке на пароход маме досталось место в женской каюте – мы, разумеется, не были пассажирами первого класса, а мне – в мужской. И во время перехода мы с мамой встречались только на палубе.

Совершенно случайно во время прогулки по палубе маму узнала одна видная, одетая по-европейски японка. Завязалась беседа на английском; оказалось, это жена японского консула, когда-то работавшего в Мукдене, и она вспомнила маму по встречам в нашем консульстве во время дипломатических приемов. Это была мадам Ачи-яй. Она рассказала о печальной цели своего нахождения на пароходе – везла прах мужа, видного японского дипломата,

---

умершего в Лондоне, для захоронения по японскому обычаю у себя на родине.

Все недолгое время плавания особых впечатлений у меня не было. Однако оказалось достаточно времени порассуждать о себе, о нашем положении беспаспортных, которым всегда могли грозить разные ущемления в правах и неприятности. Я сравнивал себя с другими, которые в этом отношении были гораздо счастливее – у них за спиной была родина, я же в какой-то мере чувствовал себя обкраденным, лишенным самого главного в жизни.

В колледже у одного ученика был краткий справочник по географии, и в нем, наряду с рассказом о разных странах, давались сведения о политическом устройстве той или иной страны. О России справка была составлена как-то невразумительно, и мне было больно и неприятно ее читать. Приходило на память все то, чего я достаточно слышал о революции в России, о том, как преследовали там интеллигенцию и какая страшная была гражданская война, унесшая сотни тысяч жизней и выплеснувшая за пределы страны так много беженцев. Были сведения и о законно отправленном за границу целом пароходе с видными учеными и научными работниками⁸², о гонениях на церковь. Умер Ленин и главой государства оказался Калинин⁸³, так, по крайней мере, значилось в иностранном справочнике. Страна стала называться Союзом Советских Социалистических Республик, по-английски USSR, что некоторыми расшифровывалось как Соединенные Штаты Советской России. На слуху было и осуждающее отношение к России, покинувшей ряды Антанты и заключившей позорный мир с Германией, когда та была уже на грани поражения. В войну вступила Америка, и только мир с Россией давал Германии передышку для продолжения безнадежной для нее войны.

Память о прошлой войне была еще свежа. В день 11 ноября многие мужчины носили в петлице маленькие искусственные цветки мака, продававшиеся на улице сборщицами пожертвований на нужды инвалидов войны. И день этот, годовщина перемирия 1918 года, назывался «Poppy Day»^{*}. Все это мешало мне гордиться своей родиной, в то время как окружавшие нас англичане на каждом шагу гордились своей. На вершине «пика» гордо реял «Юнион Джек», в порту стояли грозные корабли, на парадах выстраивались солдаты, исполнялся гимн «Боже, храни короля».

---

^{*} Маковый день (англ).

В городе все было спокойно, несмотря на повторявшиеся все время сообщения о нарастании антиимпериалистического движения в Китае. Пока был жив Сунь Ятсен⁸⁴, все сохранялось в рамках законности, но теперь выплескивалось через край.

В северных провинциях Китая грызлись между собой милитаристы, содержавшие свои вооруженные силы. Для успешного ведения операций против соперников за власть приглашали, как говорили, специалистов военного дела из числа безработных эмигрантов, имевших опыт гражданской войны, и платили им хорошие деньги. Иногда использовали их и для управления военными операциями.

На юге, в противовес малоэффективному центральному правительству в Пекине, образовалось свое правительство из состава руководителей Гоминдана, «народной партии», организованной еще Сунь Ятсеном в годы борьбы с бывшей в начале века династией Цинов, правившей китайской империей. Победившая в 1911 году революция отстранила от власти последнего малолетнего императора Пу И, выселила его из Запретного города в Пекине, и после того он жил уединенно в Тяньцзине на какой-то из иностранных концессий. Впоследствии, после захвата японцами Маньчжурии в 1931 году, Пу И был захвачен японцами, вывезен из Тяньцзина и провозглашен правителем, а потом и императором созданной японцами империи Маньчжоу-диго⁸⁵.

Оглядываясь много лет спустя на гонконгский эпизод моей жизни, вспоминаю, как все импонировало тогда моему мальчишескому самолюбию – и то трепетное, величавое отношение к своей стране англичан, выражавшееся в словах «My country right or wrong» – «Права или не права, но это моя страна!», парад и возложение венков к памятнику павших на войне 11 ноября, и неизменно появлявшийся на экране после показа художественного фильма портрет короля Георга⁸⁶. Китайцы-зрители предусмотрительно, еще до конца фильма, уходили из зала, чтобы не вставать, как делали это англичане, из уважения к монарху. Тогда это был Георг Пятый. Вот так бы и мне гордиться своей страной, далекой и непонятной, пережившей грозную смену власти и общественных отношений...

Вспоминались эпизоды из моей недавней учебы в колледже. Раз, во второй половине дня, к вечеру, в обширном зале, где за отдельными столиками каждый из нас сидел за приготовлением уроков, в зал через боковую дверь вошел незнакомый джентльмен с

монахом-директором Веймаром, предварительно сделав знак нам не вставать и не отрываться от занятий. Я услышал вполголоса произнесенные директором слова, когда он наклоном головы показывал на нас с Виллардом – вот, мол, двое русских ребят. И джентльмен, а им, как оказалось потом, был английский губернатор⁸⁷, с любопытством взглянул в нашу сторону. Последствий это, конечно, никаких не имело, но запомнилось мне как наглядное свидетельство того, какой интерес могло иметь присутствие детей из той загадочной страны, пережившей необыкновенную революцию.

Бывало и так, что дежурный монах, в том же зале прогуливавшийся для лучшего надзора за тем, чем мы были заняты, подсовывал мне католический религиозный журнал, где было отмечено карандашом краткое сообщение об якобы успешной проповеди католичества среди русского населения в Харбине. Все это скапливалось в моем сознании и давало пищу размышлениям о нашей судьбе, кем же мы все-таки будем, когда выйдем на дорогу взрослой жизни...

По прибытии в Дайрен нам не пришлось побывать у Васкевича⁸⁸ – над зданием русского консульства теперь реял уже советский флаг. Двумя годами раньше, по пути в Шанхай, мы были у Васкевича, последнего российского дореволюционного консула в Дайрене. По традиции консульские работники всегда шли навстречу друг другу, когда встречалась в чем-нибудь надобность. Помню, как мы с мамой пришли тогда в этот небольшой особняк возле центральной улицы Охироба, недалеко от гостиницы «Ямато». Нас встретила сестра Васкевича Ольга Юрьевна⁸⁹, очень радушно накормила, снабдила разными советами на дорогу. Теперь же искать их, не зная города, не имело смысла – все равно бы не нашли. Сам Павел Юрьевич Васкевич был в отсутствии, путешествовал где-то по островам Полинезии в поисках земного рая, прелестей южного солнца и прекрасной тропической растительности⁹⁰. Консулом он не был уже и тогда, но пользовался казенной квартирой при консульстве, пока, признав позднее СССР, японцы не выселили его из нее.

Дальше наш путь лежал по железной дороге в Мукден. Снова мелькали станции, названия которых были в памяти – курорт Танганцзы⁹¹, где когда-то отдыхал Перемилловский с сыном Володей. Из окна вагона на подходе к железнодорожной станции открылся вид на Ляоянскую башню, единственную известную мне пагоду в Маньчжурии. И вот уже перрон вокзала и нас встречает Глеб.

С вокзала Глеб повез нас в японскую гостиницу «Мияко». На тот момент не было известно, существовали ли еще номера Тенешева на японской концессии, арендовавшего дом японской планировки и сдававшего комнаты случайным приезжим. Эти номера существовали еще во времена работы консульств, и владелец, по словам мамы, приходил иногда с жалобами на неплательщиков и испрашивал совета у отца, что ему в таком случае делать. В то же время существовал и магазин Фукса, еврея-предпринимателя, и он тоже бывал в канцелярии отца по разным своим коммерческим вопросам с поставщиками товара. Иногда это были заезжие коммерсанты из Харбина, тоже евреи, и папа всегда находил выход и мирил их, проявляя понимание к их взаимным претензиям. Мама иногда вспоминала, что благодарные за посредничество евреи будто бы потом рассказывали об этом друг другу, и некоторые из них задавались даже вопросом, «не из наших ли он», удивляясь находчивости и умению папы находить выход из тяжелых ситуаций.

Маме сразу не понравилась мысль остановиться в японской гостинице. Перспектива располагаться на татами – японских циновках на полу ее не устраивала. Не радовала и возможность разыскивать в городе бывшие номера Тенешева, справедливо считая, что там не было бы спасения от клопов. И все же некоторое время мы пробывали в «Мияко». Эта гостиница была по Нанива-дори, вблизи центральной площади с ее памятником-обелиском и своей боковой стеной выходила на территорию японского храма Хотен-дзиндзя⁹². Не помню, тогда ли у мамы родилась идея открыть в городе «boarding house», но мысль эта понравилась Глебу уже одним тем, что ему бы не пришлось тогда жить на частной квартире, снимая комнату по немалой цене. Глеб рассказал, что предприимчивые китайцы настроили много двухэтажных особняков, прекрасно подходящих для создания «бординга», в котором нашлось бы место и ему.

Не составило большого труда найти китайца, владельца расположенных кустом целых четырех таких домов в новом районе, возникшем между основной частью города и японской концессией. В одном жили немцы, служащие одной из открывшихся в городе немецких контор, в другом поселился уже после того, как мы арендовали третий из этих четырех домов, представитель фирмы «Andersen Meyer» украинец Мизура. В доме не было центрального

---

* Пансионат (англ.) –.

отопления, но были канализация и водоснабжение – посредством ручного насоса в кухне и, конечно, электропроводка. Мама с успехом справилась с обустройством дома под жилье. В этом ей помог все еще живший в Мукдене Груннер, теперь державший мебельный магазин. Он же оказал содействие в покупке печей и организации системы отопления. Причем для гостиной был приобретен камин «саламандра» и заказан уголь, куплены дрова. Дело спорилось, и Глеб проявил большое умение вести переговоры с китайскими поставщиками.

Первую зиму мы провели уже в полностью оборудованном «бординг-хаузе», а знакомый Глеба, один из прижившихся в городе эмигрантов, оборудовавший маленькую типографию, отпечатал первые объявления, расклеенные потом на стенах и столбах возле дома. Конечно, для содержания дома и топки печей понадобилась прислуга, был найден и повар, поскольку комнаты сдавались с пансионом. Мама снова почувствовала себя полновластной хозяйкой. Первым жильцом оказался англичанин Каррэн, прикомандированный к какой-то английской фирме для проверки ее финансовых дел, да так и оставшийся на работе в ней. Аренда за дом выплачивалась представителю, специально для этого приходившему в конце предплатежного месяца, сразу за четыре месяца в серебряных китайских юанях, кажется в сумме 400. В запутанной денежной системе Китая тех лет наряду с местными денежными знаками курсировали общегосударственные «юани» в виде монет с изображением Юань Шикая, хотя попадались иногда и юбилейные с Сунь Ятсеном – в форме и с плюмажем над фуражкой. По содержанию серебра в монетах они соответствовали мексиканскому песо, который тоже иногда использовался в обращении, и потому юани вообще часто назывались «мексами» – маньчжурскими долларами. Не помню, чтобы мама когда-либо платила налог за содержание «бординга». Китайские власти смотрели сквозь пальцы на такое предпринимательство. Нам же оно обеспечивало довольно сносную жизнь, и главное – было по душе маме.

В ту же зиму были приглашены ко мне репетиторы из числа живших в Мукдене беженцев-эмигрантов из России. В общей массе они уже обжились, в городе функционировал даже продовольственный магазин Петухова⁹³, имевшего в гражданскую войну воинское звание генерала. Репетиторами у меня тоже были бывшие офицеры – два брата Покровские, из которых один потерял ступню ноги в знаменитом Ледяном походе Белой армии,

---

отступавшей под натиском красных в жестокую зимнюю стужу по Сибири. Из Харбина раздобыли программу и учебники, и я стал готовиться в шестой класс, потеряв за годы скитаний по Китаю целый год, к величайшей моей досаде. В Мукдене я встретился с бывшими моими одноклассниками Гилевыми, переехавшими в Мукден из Харбина, но зимою ездивших в Харбин для продолжения своих школьных занятий...⁹⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

Григорий Николаевич Майер (1842–1921), уроженец Таврической губ. и выпускник Горного института, многие годы служил по Горному ведомству: смотритель литейного цеха Луганского завода (1865), на Нижне-Тагильских заводах Демидова (1874), помощник начальника Алтайского горного округа по горной части (1885), участник экспедиции в Киргизскую степь (1889).

² Официально столицей Маньчжурии считался Чанчунь, но фактически главным городом был Мукден (ныне Шэньян), в котором сосредоточивалась вся деловая жизнь Маньчжурии. В силу этого он нередко именовался «второй столицей» Китая; кроме того, здесь находился дворец императора Пу И (см. прим. 80), который значительную часть года проводил в Мукдене. Первым российским генеральным консулом в Мукдене с 1907 был Александр Николаевич Грушецкий.

³ Иван Александрович Бобровников, выпускник факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, служил по ведомству МИД в Китае: секретарь консульства в Турфане (1905–1906), генконсульства в Кашгаре (1907–1909), консульств в Нючжуане (1910–1914) и Харбине (1915–1916) (сведения приводятся по: *Lensen G. Russian diplomatic and consular officials in East Asia: A handbook of the representatives of Tsarist Russia and the provisional government in China, Japan, and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet representatives in Japan from 1925 to 1968. Tokyo: Sophia Univ., Diplomatic Press (Tallahassee, Florida), 1968. P.23*; однако Ленсен вообще не упоминает службу Бобровникова в Мукдене).

⁴ Здесь и далее Б.С. Колоколов несколько схематично излагает послужной список отца, подробнее и точнее см. наше предисловие к публикации.

⁵ Николай Александрович Колоколов (1870–1927), филолог по образованию, курсовой воспитатель Александровского Императорского лицея (бывшего Царскосельского), статский советник. В 1903–1906 староста церкви Св. апостола Павла в Лахте. В 1919 кратковременно арестован, затем служил в Комиссариате финансов Северной области («эmissар по кредитному отделу», помощник, потом начальник кредитного отдела); позднее – на железной дороге (помощник начальника почтово-багажной части отдела сборов), некоторое время секретарь управляющего Мурманской железной дороги. Женат на Ольге Константиновне (урожд. Скуратовой; 1872–1960), воспитаннице Николаевского сиротского института благородных девиц; до замужества короткое время – гувернантка в доме священника в Шувалове, в дальнейшем посвятила себя семье. О ней см. также: *Глазунов И.С. Россия распятая. М., 2006.*

⁶ Имеется в виду «New Standard Dictionary of the English Language», выдержавший множество изданий.

⁷ Харбин находится существенно севернее Мукдена. Медицинская служба КВЖД берет свое начало в 1899, когда в Харбине был создан первый палаточный походный госпиталь, к лету 1900 на его месте уже появились два кирпичных здания (хирургическое и терапевтическое отделения) и помещения для аптеки и вспомогательных служб, ставшие основой Центральной больницы КВЖД. К 1903 функционировали 4 отделения на 150 коек, а в конце года насчитывалось уже 403 койки. Центральная больница просуществовала до 1935, когда КВЖД была продана и больница перешла под контроль японской администрации. Подробнее см.: *Таскина Е.П. Русские врачи в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 2001. №5. С.146-149.*

⁸ В это время церковь Благовещения Пресвятой Богородицы была еще деревянной, в 1918 сгорела; на ее месте по проекту инженера Б.М. Тустановского построен новый храм, освященный в 1941. В 1970, в годы «культурной революции», взорван.

⁹ Художница Камила Альбертовна, урожд. Бенуа (1878–1953; по др. сведениям, 1879–1959), двоюродная сестра Е.Е. Лансере, супруга генерал-лейтенанта Дмитрия Леонтьевича Хорвата (1858–1937), в 1902–1918 управляющего КВЖД. Возглавляла Харбинское благотворительное общество и местное отделение Красного Креста, инициатор (1912) и первый председатель Харбинского художественного общества (см.: *Хорват К.А. Торжество любви. Шанхай: «Слово», 1937*). В 1918–1919 ее супруг – верховный уполномоченный адмирала А.В. Колчака по Дальнему Востоку. С начала 1920-х Хорваты жили в Харбине, затем в Пекине. После кончины Хорвата его супруга переехала в Ванкувер, Канада.

¹⁰ Хунхузы (от китайского «хунхуцзы», буквально – «краснобородый»), название участников вооруженных бандитских формирований, действовавших в Маньчжурии с середины XIX в.

¹¹ Чжан Цзолин (1873–1928), китайский военный деятель. Во время Русско-японской войны 1904–1905 воевал на стороне японцев, благодаря покровительству которых принят в регулярную китайскую армию и дослужился до генеральского чина и должности командира дивизии. В 1916 попытался объявить Маньчжурию независимой от Китая, но был назначен военным губернатором Мукдена и генерал-инспектором восточных провинций. В 1917 перестал подчиняться центральному правительству и стал фактическим правителем Маньчжурии. С 1920 маршал, провозгласил административную независимость Маньчжурии в составе Китайской Республики. В 1928 объявил себя диктатором, однако был изгнан из Пекина Чан Кайши. По одной из версий, убит советской разведкой 4 июня 1928.

¹² В автобиографии Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979), написанной в 1973 и опубликованной в Интернете, говорится:

Я – Всеволод Сергеевич Колоколов, сын русского дипломата, родился в Китае в 1896 году, до 16-ти лет, по воле родителя, жил и учился в названной стране, первой школой была у меня китайская, дореформенная, в которой царствовала зубрежка и ферула учителя-китайца, причем мне, как чужеземцу, всегда доставалось больше сверстников китайчат и зубрежки и ферулы, да еще бывало и от батюшки добавлялось, чтобы авторитет учителя поддержать. С 1913 года, по воле бабки, матери отца, был я определен в Александровский лицей в гор. Санкт-Петербурге, в котором проучился до его закрытия в

1917 году, вскоре после февральской революции, поскольку уж очень монархическим было это учебное заведение. По положению и возрасту пришлось поступить в школу прапорщиков, по окончании каковой был назначен в запасной полк в Твери младшим офицером в 3-ью роту. Понюхал порохов под Двинском, а в ноябре 1917 года, за отказ полка придти на помощь правительству Керенского, весь состав расформировали. И я был уволен, как значилось в документе, «в первобытное состояние», скитался на бирже труда в гор. Твери, а затем, не находя места, уехал к жене в деревню (а женился в бытность в школе прапорщиков уже в Петрограде). Там в деревне меня выдвинули в секретари волостного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а осенью 1918 года, по первой мобилизации в Красную Армию, давая пример, записался первым в мобсписок, был по воле судьбы направлен в Тверь, в 4-й стрелковый полк МВО, где избирался членом культпросвет комиссии полка и членом-депутатом горсовета. Был рекомендован в ВКП(б), но несмотря на положительную характеристику, какой-то товарищ в Губкоме, где меня проверяли, почему-то счел, что по происхождению и по обхождению не подхожу к рабочему классу, но что задело меня – это обвинение в том, что я будто бы «примазываюсь». Короче говоря, я остался «беспартийным боль-шевиком». Закончу тем, что из полка меня вызвали в Военную Академию РККА, узнав из анкет, что я знаю китайский язык. Ныне я на пенсии, после многих лет преподавания китайского языка, написал лексикон, а затем и китайско-русский словарь, выдержавший два издания. В последние годы переключился на изучение японского языка и сейчас занимаюсь техническими переводами с японского языка на русский во Всесоюзном научно-исследовательском институте абразивов и шлифования в гор. Ленинграде.

(В.С.Колоколов. Автобиография. – http://hanbalik.narod.ru/chinese_calligraphy/kolokolov_memorandum.htm)

К этому добавим, что Колоколов учился в 1920–1922 на восточном отделении Военной академии РККА, где в дальнейшем преподавал до 1937. Параллельно он научный сотрудник Коммунистического университета трудящихся Китая (1923–1924) и Востока (1924–1927), преподаватель Московского института востоковедения. Кандидат филологических наук, профессор (1935). Начальник кафедры Высшей специальной школы РККА (1939–1942), Военной академии (1947–1957). Научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (1949–1979). Автор многочисленных научных трудов и учебных пособий, в том числе: Китай. Страна, население и история. М.: Воениздат, 1924; 2-е изд., 1925 (совм. с И.Мамаевым); Краткий китайско-русский лексикон. М., МИВ, 1927; Фонетика китайского языка. М., МИВ, 1933; Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. М.: Советская энциклопедия, 1935 (то же: 1946); Китайская классика в тангутском переводе. М.: Наука, 1966 (совм. с Е.И.Кычановым); Мэнцзы. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999; и др. О нем см.: Памяти Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979) // Проблемы Дальнего Востока. 1979. №2; Дубков К.В. Личный архив Всеволода Сергеевича Колоколова (фонд 144. Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч.2. М., 1991. С. 175-184.

¹³ Екатерина Сергеевна Колоколова (1892–1932) в первом браке замужем за вице-консулом США в Мукдене Г.М. Фолкнером (Grover Matthew Faulkner; 1893? – 1919), скончавшемся от туберкулеза. Во втором браке за Julizh François Philippot (?–1932). Имела двоих детей: от первого брака сын Willard-Serge Faulkner (1918–1943), служил в ВМФ США, погиб на Пёрл-Харбор в начале Второй мировой войны; от второго брака – дочь Gabriele Philippot (1923–1932), погибла вместе с родителями в кораблекрушении.

¹⁴ В семье Н.А. и О.К. Колоколовых было четверо детей – три дочери и сын (первенец – Николай Николаевич; 1897–1918). Дочери: Мария Николаевна (1899–1987?), в замужестве Романенко, жила (с перерывом на эвакуацию в годы войны) в г. Колпино, работала на секретарских должностях на Ижорском заводе, в эвакуации учительствовала. Имела двух дочерей – Киру (Екатерину) и Марину. Ольга Николаевна (1904–1995; в замужестве фамилию не меняла), экономист, работала большую часть жизни на трикотажно-чулочной фабрике «Красное Знамя». Наталья Николаевна (1912–2002; в первом браке Фоянкова; во втором браке (с 1963) за Глебом Сергеевичем Колоколовым, братом автора воспоминаний); филолог, научный сотрудник Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Ее первый муж – Олег Антонинович Фоянков (1902–1938), инженер-геолог, литератор, неоднократно арестовывался, в 1938 расстрелян (см. его произведения: Ночь накануне: Стихи и проза / Сост. И.О.Фоянков. СПб., 1999). Их сын – Илья Олегович Фоянков (р. 1935), известный петербургский журналист, поэт и прозаик.

¹⁵ В начале XX в. дачная местность при Черной речке в Санкт-Петербургском уезде. В разное время поселок имел разные названия: Дыбунок, Дыбунь, Дыбуны, Дибунь. В 1902, после соглашения владельца земли в Лисьем Носу и деревни Дыбуны графа А.В.Стенбок-Фермора с крестьянами и выделения графиней Е.В.Левашовой и княгиней М.В.Вяземской из принадлежащих им земель 404 участка для продажи под частную застройку, появились два новых дачных поселка: Графская и Дибунь. В 1938 пос. Графская, как и станция, был переименован в пос. Песочный.

¹⁶ Глеб Сергеевич Колоколов (1904–1994), до Второй мировой войны жил в Мукдене, работал в табачной компании «Читунг». После войны арестован СМЕРШ, отправлен в СССР, в Мордовские лагеря. Освобожден в 1954. Реабилитирован. До конца жизни жил в Ленинграде.

¹⁷ Штаб-лекарь Николай Васильевич Майер (1806–1846) родился в семье выходца из Вестфалии Вильгельма Майера. Начинал писарем в канцелярии Академии наук, с 1823 вольнослушатель в Медико-хирургической академии в СПб. С 1829 служил врачом в Бессарабии; с 1833 – в Пятигорске, где сблизился со ссыльными декабристами. В 1834 арестован по политическим подозрениям. Благодаря покровительству командующего войсками Кавказской линии генерал-лейтенанта А.Вельяминова освобожден и перемещен в военное ведомство, состоял при командующем. Познакомился с М.Ю.Лермонтовым в 1837. В 1839 покинул Ставрополь. С 1841 уволен со службы, вместе с женой (урожд. С.А.Дамбергон) жил в Керчи.

¹⁸ С 1736 училище при лютеранской церкви Св. Анны. С 1852 имело статус гимназии. Находится на Кирочной ул., 8а (ныне школа №239).

¹⁹ Подробнее см.: Попов А.В. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С.194-201.

²⁰ До 1917 название употреблялось по отношению к оседлым узбекам и отчасти равнинным таджикам. Часто – по отношению к оседлому мусульманскому населению Туркестана.

²¹ Бэйлин (Северная могила) – могила цинского императора Хуантайцзи и императрицы Сяодуаньвэнь; Дунлин (Восточная могила) – могила цинского императора Нурхаци (см. примеч. 43) и императрицы Еханары.

²² 22 июня 1919 в Версале был подписан мирный договор, знаменовавший победу для Франции и ее союзников окончание Первой мировой войны.

²³ 9 февраля (27 января) 1918 в г. Брест-Литовск был подписан мирный договор между Советской Россией и Австро-Венгрией, Болгарией, Германией и Турцией, в соответствии с которым Россия теряла значительные территории на западе страны. Денонсирован Россией 13 ноября 1918 в одностороннем порядке.

²⁴ Совет (Совещание) российских послов учрежден в Париже в конце ноября 1917; формально включал всех российских послов, однако фактически действовал под руководством назначенного послом во Франции В.А.Макалова, посла в Италии М.Н.Гирса, поверенного в делах в Великобритании К.Д.Набокова, посланника в Испании М.А.Стаховича и посланника в Швейцарии И.Н.Ефремова, а также посла в Вашингтоне Б.А.Бахметева. Подробнее см.: *Миронова Е.М.* Дипломатическое ведомство антибольшевистской России // Проблемы истории Русского зарубежья: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 56-121; *Кононова М.М.* Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.) // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. Вып. 2. М., 2005. С.10-84.

²⁵ Петр Генрихович Тидеман (1872–1941) после окончания факультета восточных языков Петербургского университета с 1895 причислен к Азиатскому департаменту МИД: студент миссии в Пекине (1895), драгоман при чиновнике по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области (1899). Вице-консул в Чифу (с 1902), чиновник VI класса в Мукдене (с 1904), чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе (с 1906). Генеральный консул в Гонконге (1908–1910), Нючжуане (Инкоу) (1911–1913) и Тяньцзине (1915–1920) (см.: АВПРИ. Ф.143 (Китайский стол). Оп. 491. Д.1925; Д.3485. Л.3). После 1917 муниципальный консул Русской концессии Тяньцзиня (1921–1934), служащий муниципального консульства Британской концессии в Ханькоу (1934–37). Был женат на Аделаиде Михайловне Скрыбиной (ум. 1927), родной сестре В. М. Молотова; его брат Максимилиан Генрихович – на Л.В.Кепинг (сестре матери писателя К.М.Симонова; подробнее см.: *Кепинг К.Б.* «А кресло-то я у нее купила...» // Кепинг К.Б. Последние статьи и документы. СПб., 2003. С.291-296). С 1937 жил в Монреале (Канада).

²⁶ Владимир Федорович Люба (1861–1928) окончил китайско-мон-гольско-маньчжурский разряд факультета восточных языков Петербургского университета и в 1886 причислен к МИД: чиновник по дипломатической части и переводчик китайского и маньчжурского языков при Степном генерал-губернаторе в Омске (1888–1890), драгоман (1890–1894), секретарь миссии в Урге (1895–1899). В 1899 первый представитель МИД в Маньчжурии. Чиновник МИД в Гирине (1900–1904), командирован в состав полевого управления Маньчжурской армии в Хабаровске для ведения дипломатической переписки (1904). В 1904–1906 консул в Урге, в 1907–1909 генеральный консул в Харбине, в 1909 генконсул в Улусугае, Урге (1911–1913), временно управляющий консульством, генконсул в Кобдо (1913–1916). С марта 1916 в Шарасуме (АВПРИ. Ф.159. Оп.464. Д.2084а; Ф.143 (Китайский стол). Оп.491. Д.1894). Автор ряда проектов по развитию преподавания китайского языка для русских в Маньчжурии. Похоронен в ограде Свято-Николаевского собора в Харбине.

²⁷ Павел Кириллович Усатый (?–1927), с 1904 на дипломатической службе в Китае: студент миссии в Пекине (до 1906), драгоман генконсульства в Харбине (1907–1913), вице-консул в Хайларе (1914–1916), затем в Цицикаре. Остался в Китае после 1917, служил на концессии Воронцовых. Похоронен в Харбине на Старом кладбище.

²⁸ Комитет по увековечиванию памяти русских воинов, павших в войне 1904–1905 был создан под председательством великой княгини Ольги Александровны (1882–1960; сестра императора Николая II). Для исполнения его решений в 1908 была учреждена Комиссия для обустройства российских военных кладбищ в Маньчжурии во главе с генерал-майором С.А.Добронравовым, которая работала с осени 1909 вплоть до начала 1914. Было возведено 18 воинских мемориалов в 16 пунктах; в Порт-Артуре, Мукдене, Дальнем появились часовни-памятники и храм-памятник. Подробнее см.: *Левашко С.С.* Архитектурные традиции памяти в православии: храмы-памятники павшим воинам на Дальнем Востоке (к 100-летию русско-японской войны 1904-1905 гг.) // Макарьевские чтения: материалы четвертой международной конференции (21-22 ноября 2005 года) / Отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2005. С. 263-272.

²⁹ В 1922 Лига Наций передала Великобритании мандат на Палестину, который предусматривал создание здесь «национального очага для еврейского народа» при обеспечении «гражданских и религиозных прав, существующих в Палестине нееврейских общин».

³⁰ Лев Давидович Троцкий (наст. фам. Бронштейн; 1879—1940), первый народный комиссар по иностранным делам Советской России (1917–1918).

³¹ Подробно историю вопроса см.: *Будницкий О.В.* Дипломаты и деньги. 1. «Колчаковское золото» // Диаспора: Новые материалы. Т.4. Париж; СПб., 2002. С.457-508.

³² Григорий Михайлович Семенов (1890–1946), с июля 1917 комиссар Временного правительства в Забайкальской области, в августе 1918 в связи с мятежом Чехословацкого корпуса утвердился в Забайкалье и вскоре был назначен адмиралом А.В.Колчаком командующим войсками Читинского военного округа. В начале 1919 объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. В сентябре 1921 эмигрировал. Жил в Корее, Японии и Северном Китае. В сентябре 1945 захвачен советскими войсками в Маньчжурии и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

³³ Создано в ноябре 1918 в Омске из членов Совета министров Уфимской директории, содействовавших перевороту А.В.Колчака. С отречением Колчака от власти (4 января 1920) большая часть членов правительства бежала в Харбин и создала так называемое Политическое совещание, претендовавшее на руководящую роль в рядах белогвардейской эмиграции.

³⁴ Храм Христа Спасителя в Мукдене был заложен 8 сентября 1911 среди большого русского воинского кладбища (около 60 тысяч погибших русских воинов). Строительство храма завершилось в 1912.

³⁵ Считается, что Японская православная церковь возникла в 1868, когда иеромонах Николай (в миру И.Д.Касаткин, 1836–1912; впоследствии архиепископ Японский) крестил первых трех японцев в Хакодате. К 1912 в Японии было 266 православных церковных общин, более 30 тысяч православных христиан и более 100 храмов. Архиеп. Николай в течение более 50 лет возглавлял Русскую Духовную миссию в Японии; 10 апреля 1970 канонизирован Русской Православной Церковью (подробнее см.: Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2: Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836–1912. СПб., 1996; *Саблина Э.* 150 лет православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель святитель Николай. М., 2006).

³⁶ Имеется в виду издававшийся с 1912 официальный журнал Японской православной церкви «Православный бюллетень» («Сэйкё дзихо»; в 1880–1912 – «Православный вестник» / «Сэйкё симпо»).

³⁷ Михаил Иванович Лавров, секретарь генконсульства в Кашгаре (1902–1906), вице-консул генконсульства в Харбине (1907–1909), в Куанченцы (1910–1911), консул там же (1912–1916). Занимался изучением религий стран Дальнего Востока.

³⁸ Борис Васильевич Остроумов (1879–1944), инженер путей сообщения, с февраля 1921 управляющий КВЖД. С 1924, по соглашению правительств СССР и Китая, КВЖД стала совместным коммерческим предприятием и управлялась на паритетных началах двумя странами. Управляющим был назначенный правительством СССР Алексей Николаевич Иванов. В 1926 его сменил Александр Иванович Емшанов, занимавший должность управляющего до 1931, когда новым управляющим был назначен Юлий Викентьевич Рудый, проработавший до продажи дороги и позднее репрессированный.

³⁹ Альберт Понтиус (Pontius Albert W.; 1879–1923), американский консул в Нанкине (1914), Фучжоу (1916–1917), Кантоне (1919), генеральный консул в Мукдене (1920–1922).

⁴⁰ Вашингтонская конференция 1921–1922 зафиксировала новую политическую конфигурацию на Дальнем Востоке после Первой мировой войны. 6 февраля 1922 в ее рамках был подписан «Договор девяти» (США, Великобритания, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Нидерланды, Португалия и Китай), в соответствии с которым провозглашался принцип уважения суверенитета, территориальной и административной неприкосновенности Китая.

⁴¹ Здесь память несколько подводит мемуариста. Циндао и залив Цзяочжоу (Kiauchau) были заняты Германией в 1897, а в 1898 переданы ей в аренду на 99 лет. Боксерское восстание, или восстание ихэтуаней – крестьян и городской бедноты Северного Китая в 1899–1901, инициатором которого явилось тайное религиозное общество «Ихэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»; позже отряды «Ихэцюаня» были переименованы в «Ихэтуани» – отряды справедливости и согласия – отсюда название восстания). Так как в названии общества входило слово «цюань» (кулак), иностранцы называли повстанцев «боксерами». Восстание началось в провинции, но к 1900 его центр тяжести переместился в столицу. В середине июня ихэтуани вступили в Пекин, где начали осаду посольского квартала, продолжавшуюся 56 дней. В эти дни был убит германский посланник барон фон Кеттлер. В ответ западные державы и Россия организовали интервенцию в Китай. В середине августа они заняли Пекин, и в 1901 восстание было подавлено.

⁴² Русский крейсер «Жемчуг» был расстрелян и потоплен 15/28 октября 1914. В результате нападения погибли офицер и 80 нижних чинов, семь моряков позже умерли от ран. Подробнее см.: *Буяков А., Крицкий Н., Шугалей И.* Последний бой крейсера «Жемчуг». Владивосток, 2004.

⁴³ Нурхаци (1559–1626), маньчжурский (чжурчжэньский) хан. Номинально был вассалом китайской империи Мин. К 1616 объединил чжурчжэньские племена, провозгласил себя ханом, основав государство Поздняя Цзинь. При его наследнике Хунтайцзи (Тайцзуне) государство было переименовано (1636) в Цин, а чжурчжэни стали называться маньчжурами.

⁴⁴ Чарльз Ричард Крейн (Charles Richard Crane; 1858–1939), американский миллионер, филантроп. Посол США в Китае в мае 1920 – июне 1921. Более двадцати раз был в России, где встречался с самыми разными людьми – от императора Николая II до хлыстов; последний визит Крейна уже в Советскую Россию состоялся в 1937. Принял самое активное участие в учреждении первых в США русских программ в Университете Чикаго, а также в судьбе русских эмигрантов в Китае (см.: *Зарудная-Фриман М.* Мчались годы за годами: История одной семьи. М., 2002).

⁴⁵ Василий Васильевич Блонский (1875 – после 1945) получил образование в Александровском военном училище, служил на Дальнем Востоке. Секретарь военного комиссара в Мукдене (1901–1902). Переводчик разведывательного отделения штаба Главнокомандующего Маньчжурскими армиями (1904–1905). В 1908 окончил Владивостокский Восточный институт по японо-китайскому разряду; за выпускное сочинение (перевод мемуаров японского поручика Сакураи «Никудан» о боях под Порт-Артуром) удостоен золотой медали. Прикомандирован к Главному управлению Генштаба (1909); помощник военного агента в Китае, глава мукденской резидентуры (1910–1917), полковник (1915). После 1917 остался в Китае: старшина Мукденской эмигрантской общины; уполномоченный главы российской эмиграции на Дальнем Востоке и директор реального училища в Мукдене (с 1925).

⁴⁶ Имеется в виду полковник Генерального штаба Александр Александрович Татаринцов (1880–1946), военный агент в Китае в 1915–1922; в дальнейшем представлял здесь интересы Франции.

⁴⁷ Точнее, на пятицветном флаге Китайской республики красная полоса символизировала ханьцев (этнических китайцев), желтая – маньчжуров, синяя – монголов, белая – китайских мусульман, черная – тибетцев.

⁴⁸ Юань Шикай (1859–1916), министр иностранных дел Китая (1907–1909). С началом Синьхайской революции 1911 года согласился стать главнокомандующим императорской армией и премьер-министром, повел успешные действия против революционеров, а затем вступил с ними в переговоры, закончившиеся соглашением, по условиям которого император отрекся от трона, но пост президента Китайской республики перешел к Юань Шикаю. 14 февраля 1912 избран временным президентом Китайской республики. В дальнейшем установил режим личной власти и некоторое время даже собирался провозгласить себя императором.

⁴⁹ 1 марта 1919 в Корее состоялись многочисленные акции протеста против японского правления, жестоко подавленные японской армией и полицией. В дальнейшем «Движение 1 марта», или «Движение Самиль», стало одним из самых ранних национальных корейских движений во время японской оккупации.

⁵⁰ Мукден – маньчжурское название современного Шэньяна. По-китайски в период правления маньчжурской династии город официально именовался Шэнцзин, а окружающая его территория – Фэнтянь (иногда это название переносилось и на сам город как на ее административный центр). В 1914 городу было возвращено старое китайское название Шэньян, а в 1929 провинция Фэнтянь была переименована в провинцию Ляонин. Яньтай именовался в западной литературе Чифу (Chefoo) из-за того, что на весь город было ошибочно распространено название одного из подчиненных ему в административном отношении островов – о. Чжифу (прим. К.М.Тертицкого).

⁵¹ Братья Николай и Спиридон Дионисьевичи Меркуловы с мая 1921 возглавляли предпоследнее «белое» правительство России – Временное Приамурское правительство. В эмиграции в США с 1922.

⁵² Генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс (1874–1937) в июле–ноябре 1919 командовал Восточным фронтом А.В.Колчака. В июле 1922 на Земском Соборе во Владивостоке избран Правителем Дальнего Востока, затем в эмиграции.

⁵³ Свято-Николаевский кафедральный собор в Харбине сооружен в 1899 по проекту петербургского архитектора И.В.Падлевского; возведен под руководством гражданских инженеров А.К.Левтеева и В.К.Вельса. Пятиглавый пирамидальной формы храм располагался на Соборной площади. Считался крупнейшим деревянным сооружением в Восточной Азии и одним из лучших образцов культового зодчества неорусского стиля. Разрушен хунвейбинами в 1966.

⁵⁴ Николай Викторович Борзов (1871–1955) окончил историко-фило-логический факультет Петербургского университета; преподавал в Томске; в 1905 переехал в Харбин, где основал и возглавил Коммерческое училище (руководил до 1925). Затем переехал в США, жил в Беркли; председатель правления фонда И.В.Кулаева, оказывавшего помощь детям эмиграции. Автор книги «У Золотых ворот» – о русских в Калифорнии.

⁵⁵ Христианский Союз молодых людей.

⁵⁶ «Торговый дом Чурин и К^о» – крупнейшая русская универсальная фирма Дальнего Востока, созданная в 1868 Иваном Яковлевичем Чуриным (1832–1895).

⁵⁷ Известная германская транспортная фирма.

⁵⁸ Генерал Владимир Оскарович Каппель (1883–1920) с декабря 1919 командовал колчаковским Восточным фронтом. Во время отступления отморозил ноги, перенес их частичную ампутацию; вскоре скончался. Похоронен в ограде Иверской церкви Харбина; ныне прах перенесен на Донское кладбище Москвы.

⁵⁹ Владимир Владимирович Перемилловский (1880–?), филолог, с 1920 работал в гимназиях Харбина, представлял школы русского Китая в педагогических органах эмиграции, на съездах в Европе. С 1925 – преподаватель русской словесности и латыни в русской гимназии в Моравской Тршебове и Праге (Чехословакия).

⁶⁰ Элизе Реклю (Reclus; 1830–1905), французский географ и социолог, чей многотомный труд «Земля и люди. Всеобщая история» был очень популярен в России (Т. 1–19. М., 1898–1901).

⁶¹ Константин Августович Аверст (1888–1945) – владелец книжных магазинов в Тяньцзине и Шанхае.

⁶² Владимир Владимирович Ламанский (1879 – 1943 или после 1944) – геолог, палеонтолог, географ. Сын академика-слависта В.И.Ламанского (1833–1914). В 1899 вместе с В.П.Семеновым составил для Всемирной выставки в Париже серию карт по физической географии и этнографии Сибири и Туркестана. Приват-доцент Петербургского политехнического института по общему земледелию (1902–1906). Затем коммерческий агент КВЖД, объездил Монголию, Маньчжурию и Уссурийский край, побывал в Японии. Некоторое время заведовал русской секретной агентурой в среднем и южном Китае. В 1919 эмигрировал и обосновался в Харбине. Преподаватель геологии и географии Русского Юридического факультета в Харбине и профессор Французской муниципальной школы в Шанхае (Шанхайского французского колледжа).

⁶³ Иван Кириллович Мамаев (1896–1938), выпускник коммерческого училища в Харбине. Участник Первой мировой войны, в 1918–1920 на подпольной работа в Сибири. В 1920–1922 референт Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна. В 1922–1924 учился на Восточном отделении Военной академии РККА (где, вероятно, и познакомился со Всеволодом Колоколовым, в соавторстве с которым издал справочник «Китай. Страна, население и история» (М.: Воениздат, 1924)). Военный советник в Китае в 1924–1926. В 1927–1937 на командных постах в Разведупре РККА. С 1937 старший преподаватель кафедры страноведения в Военной академии им. М.В.Фрунзе. В декабре 1937 арестован и расстрелян.

⁶⁴ Ошибка мемуариста. Первым советским управляющим КВЖД был А.Н.Иванов (см. прим. 38). Николай Борисович Эйсмонт (1891–1935) – с весны 1925 нарком торговли СССР, затем нарком снабжения РСФСР.

⁶⁵ По-видимому, имеются в виду события весны 1929, когда китайская полиция в Харбине внезапно совершила налет на советское консульство и арестовала находившихся там членов Китайской компартии. После этого инцидента Советский Союз разорвал дипломатические отношения с гоминдановским правительством.

⁶⁶ Контр-адмирал Георгий (Юрий) Карлович Старк (1878–1950) в октябре 1922 увел 27 судов русской Тихоокеанской эскадры и Доброфлота из Владивостока в корейский порт Гензан, а оттуда в Шанхай. В ответ на требование советского правительства вернуть суда вместе с экипажами в российские воды, в январе 1923 увел флотилию из Шанхая в Манилу (Филиппины).

⁶⁷ Члены созданных в 1966 отрядов студенческой молодежи в Китае, одни из наиболее активных участников «культурной революции».

⁶⁸ Совр. г. Тунцзян (провинция Хэйлуцзян).

⁶⁹ См. прим. 14.

⁷⁰ Коммерческий порт Дальний начал строиться в 1898; как город основан Именным Высочайшим указом в 1899. В 1905 перешел во владение Японии. Первый генеральный план Дальнего разработал инженер-строитель В.В.Сахаров.

⁷¹ Виктор Федорович Гроссе (1869–1931) происходил из семьи прибалтийских немцев-дворян евангелическо-лютеранского вероисповедания. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1892), всю жизнь провел на дипломатической службе в Китае, последовательно пройдя ступеньки дипломатической карьеры: студент миссии в Пекине (1893–1896), секретарь консульства в Тяньцзине (1896–1898), вице-консул в Чифу (1899–1902), консул в Нючжуане и Инкоу (1903–1904), где участвовал в борьбе с чумной эпидемией и был удостоен серебряного нагрудного знака «Борьба с чумой» (1906). С июля 1906 – генеральный консул в Иокогаме (Япония; до

1910), затем в Шанхае (1910–1920) Отказался признать большевиков и остался с семьей в Китае, где занимался общественной деятельностью по защите прав российских эмигрантов: возглавлял Бюро по русским делам в Шанхае (до 1924), Комитет защиты прав и интересов русских эмигрантов в Шанхае (так называемое «Белое консульство»; до 1926); Русский эмигрантский комитет (1927–1931) и Юридическое общество в Шанхае (1928–1931). См.: АВПРИ. Ф.143 (Китайский стол). Оп. 491. Д.1860. Л.1-41; Ф.159. Оп. 464. Д.1033. Л.1-7; Ф.195 (Посольство в Токио). Оп. 529. Д.582; Ф.529 (1911–1916). Оп. 491. Д.1860. Л.28-30, 40.

⁷² Лев Викторович Гроссе (1906 – после 1950) изучал бактериологию в Сорбонне (1925) и Берлине (1926), хорошо знал английский, французский, немецкий и китайский языки. В 1927 вернулся в Шанхай, поэт, много печатался, возглавлял литературное объединение в Шанхае (1939). См. его поэтические сборники: Мысли сердца. Париж, 1925; Грехопадение. Шанхай, 1926; Кремль. Шанхай, 1926; и др., а также роман, посвященный отцу: Я, вы и он: Роман из жизни шанхайских эмигрантов. Шанхай, 1930. Мистик, увлекался философией, организовал философско-религиозный кружок в Харбине. После Второй мировой войны выехал в СССР, где был арестован и скончался в лагере.

⁷³ Георгий Авксентьевич Сапожников (1893–?), участник Первой мировой войны, инвалид. В 1920 эмигрировал в Китай, жил в Тяньцзине и Шанхае. С 1925 художник-карикатурист крупнейшей в Китае английской газеты «North China Daily News».

⁷⁴ Памятник А.С.Пушкину был открыт в Шанхае 11 февраля 1937 по инициативе специально учрежденного русскими эмигрантами Пушкинского комитета, поручившего создание памятника группе под руководством скульптора М.Н.Павловского. В ноябре 1944 снесен японцами. В последующие годы неоднократно восстанавливался и уничтожался.

⁷⁵ По-видимому, автор путает провинции Гуйчжоу и Гуанси (прим. К.М.Тертицкого).

⁷⁶ В те годы относился к провинции Гуанси, сейчас – к Гуанси-Чжуанскому автономному району КНР (прим. К.М.Тертицкого).

⁷⁷ Имеется в виду произведение Джованни Беллини (ок. 1430–1516).

⁷⁸ Так называемые «Новые территории», арендованные Великобританией у Китая в 1898 на 99 лет. Возвращены Китаю вместе со всей территорией Гонконга в 1997.

⁷⁹ Сэр George William Des Voeux (1834–1909), губернатор Фиджи (1880–1885), Ньюфаундленда и Лабрадора (1886–1887), Гонконга (1887–1891). В период его управления Гонконгом здесь было проведено электричество.

⁸⁰ Автор – известный английский журналист и сочинитель исторических романов George Alfred Henty (1832–1902).

⁸¹ Старое название Тайваня.

⁸² Имеется в виду высылка группы писателей, философов и ученых на знаменитом «философском пароходе» в Германию (1922), см.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. М., 2005.

⁸³ Михаил Иванович Калинин (1875–1946) с 1922 возглавлял Центральный исполнительный комитет СССР и номинально являлся главой государства.

⁸⁴ Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдана в 1912, временный президент революционного правительства до момента отречения последней династии.

⁸⁵ Последний китайский император династии Цин Пу И (1906–1967) в 1932 объявлен японцами главой Маньчжоуго, а в марте 1934 – императором Маньчжоу-дого; в 1945, после вступления в Маньчжурию советских войск отрекся от престола, арестован в Мукденском аэропорту и отправлен в СССР (до 1950). Вернувшись в Китай, приговорен к десяти годам лагерей как военный преступник. После освобождения в 1959 работал садовником в Пекине в Институте ботаники Китайской Академии наук. См. его мемуары «Последний император» (М., 2006), а также: *Усов В.* Последний император Китая Пу И (1906–1967). М., 2003.

⁸⁶ Георг V (1865–1936) – в 1910–1936 король Великобритании, император Индии (с 1910).

⁸⁷ В 1919–1925 им был сэр Реджинальд Эдвард Стаббс (Reginald Edward Stubbs; 1876–1947), в дальнейшем губернатор Ямайки (1926–1932), Кипра (1932–1933) и Цейлона (1933–1937).

⁸⁸ Павел Георгиевич (Юрьевич) Васкевич (1876–1958) окончил японо-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1903). В 1904 перешел на службу по военному ведомству, назначен драгоманом японского языка при Штабе наместника его императорского величества на Дальнем Востоке. Командирован в Порт-Артур в распоряжение Командующего Тихоокеанским флотом, участвовал в мукденских боях в составе Штаба Главнокомандующего. С 1906 на службе по ведомству МИД в Корее. Драгоман посольства в Токио (1911–1917). Генконсул в Дальнем/Дайрене (1917–1923). После отставки жил в Кобе (Япония), где скончался и похоронен. Фрагмент его воспоминаний опубликован П.Э.Подалко (Slaviana. Токио, 2002. № 17); см. также: *Подалко П.Э.* «Он всегда был полон идей...»: Петр Юрьевич Васкевич – эмигрант-романтик // Известия Восточного института ДВГУ. 1999. №5. С.75-96.

⁸⁹ По образованию учительница, после смерти родителей воспитывала брата, затем переехала к нему в Китай и вела хозяйство в его доме все последующие годы.

⁹⁰ По воспоминаниям последнего российского посланника в Японии Дмитрия Ивановича Абрикосова (1875–1951), «<Васкевич> считал, что жизнь должна состоять из постоянных перемен, и, когда кто-то сказал, что рай на земле может быть обретен на острове Таити, избавился от своей фермы <в Дайрене>, хотя она приносила ему неплохой доход, и поспешил на остров. Проезжая по Японии, он посетил японскую семью своего покойного друга, нашего бывшего консула в Кобе, пошел с ними прогуляться по окрестностям, и ему так понравились эти места, что он купил кусок земли, подумав, что всегда сможет его продать, если действительно обретет рай на Таити. Прибыв туда, он счел, что это не рай, а ад. Дело происходило во время сухого закона, и американцы толпами ездили на Таити пить дешевые французские вина и развлекаться с местными девицами, очень красивыми, но и очень распутными. [Васкевич] пробыл там всего несколько дней и понял, что если задержится дольше, то сопьется и заведет гарем. К счастью, на пароходе, привезшем его на Таити, была забастовка, и он все еще стоял в порту, и [Васкевичу] удалось уплыть на этом же пароходе. В противном случае ему пришлось бы ждать следующего корабля около трех месяцев, и к тому времени он уже точно стал бы алкоголиком и обладателем гарема и уезжать было бы уже поздно. Вернувшись в Японию,

[Васкевич] решил, что всегда мечтал здесь жить. Он начал строить дом на земле, которую купил перед отъездом на Таити. Узнав о моей трудной жизни в Токио, он написал мне и пригласил жить вместе с ним в новом доме» (*Abrikosow D. Revelations of a Russian Diplomat. University of Washington Press, Seattle, 1964*; перевод Н.Ю.Абрикосовой; полностью воспоминания Д.И.Абрикосова готовятся к публикации в издательстве «Русский путь»).

⁹¹ Известен термальными источниками и минеральными грязями.

⁹² Синтоистский храм.

⁹³ Петухов Н.Ф. (?–1933), генерал, приглашен в Мукден маршалом Чжан Цзолинем в числе других офицеров-артиллеристов. После отставки держал небольшой магазин «Нанива-дори». Покончил жизнь самоубийством.

⁹⁴ На этом рукопись обрывается.